

Памела Трэверс Мэри Поппинс возвращается

Глава первая. Воздушный змей

Стояло чудесное летнее утро. Все вокруг казалось таким чистым и блестящим, словно за ночь во всем мире сделали генеральную уборку.

Окна домов на Вишневой улице ослепительно вспыхивали, а тонкие ветви больших Вишен отбрасывали на стены причудливые тени.

Вокруг не слышалось ни звука, только тихо звенел колокольчик Мороженщика, катавшего туда-сюда свою тележку.

КУПИ-НЕ ПОЖАЛЕЕШЬ! — гласила надпись на ней.

Вскоре из-за угла появился Трубочист и поднял черную, испачканную сажей руку.

Мороженщик со звоном подъехал к нему.

— На пенни, — попросил Трубочист. Облокотившись на длинную щетку, он стал кончиком языка слизывать мороженое. Когда вафельный стаканчик опустел, Трубочист аккуратно завернул его в носовой платок и спрятал в карман.

— Вы что, не едите вафель? — удивился Мороженщик.

— Нет, просто я их коллекционирую, — пояснил Трубочист и, подхватив щетку, через парадную дверь вошел в дом Адмирала Бума (ведь у Адмирала, не было, в отличие от мисс Ларк, специальной калитки для Булочника, Молочника, Мясника и Трубочиста).

Мороженщик со звоном покатил тележку дальше, и тени от Вишен заплясали на ее гладких белых боках.

— Никогда не думал, что здесь может быть так тихо! — пробормотал он, оглядываясь в поисках покупателей.

И в этот самый момент из дома № 17 донесся громкий крик. Мороженщик поспешно покатил к воротам, в надежде на заказ.

— Я не вынесу! Я просто больше не вынесу! — в ярости вопил мистер Бэнкс, бегая от двери к лестнице и обратно.

— В чем дело? — испуганно спросила миссис Бэнкс, выглядывая из столовой. — И что это ты пинаешь?

Мистер Бэнкс снова наподдал ногой, и что-то черное, описав широкую дугу, шлепнулось посреди лестницы.

— Моя шляпа! — процедил он сквозь зубы. — Мой лучший котелок!

Он взбежал по лестнице и опять пнул шляпу, которая, стремительно взлетев вверх, через мгновение упала к ногам миссис Бэнкс.

— Что-то случилось с твоим котелком? — обеспокоенно спросила она (хотя гораздо больше ее волновало, не случилось ли что с самим мистером Бэнксом).

— Посмотри — и увидишь! — взревел он в ответ. Дрожа, миссис Бэнкс подняла котелок. Он был весь покрыт большими блестящими пятнами, издающими резкий запах.

Миссис Бэнкс осторожно понюхала поля.

— Похоже, пахнет гуталином.

— А это и есть гуталин! — рявкнул мистер Бэнкс. — Робертсон Эй почистил мой котелок сапожной щеткой! Нагуталинил его!

Глаза миссис Бэнкс расширились от ужаса.

— Я не знаю, что происходит в этом доме! — продолжал мистер Бэнкс. — Все кувыркком! Вода для бритвы слишком горячая, кофе наоборот — слишком холодный! А теперь — это!

Он вырвал шляпу из рук жены и схватил свой портфель.

— Я ухожу! И не знаю, вернусь ли когда-нибудь обратно! Возможно, я уйду в далекое плавание!

Затем он нацепил котелок и, изо всех сил хлопнув дверью, с такой скоростью выскочил из ворот, что сбил с ног Мороженщика, который все это время с интересом прислушивался к их разговору.

— Сам виноват! — зло бросил мистер Бэнкс. — Нечего тут болтаться!

И он помчался в Сити. А его начищенный котелок сверкал на солнце, будто драгоценный камень.

Мороженщик осторожно поднялся и, убедившись, что все кости целы, отметил это знаменательное событие, съев двойную порцию мороженого...

— О, Боже! — простонала миссис Бэнкс, услышав стук захлопнувшихся ворот. — Так оно и есть! Все кувыркком! Вначале одно, потом другое! С тех пор как Мэри Поппинс ушла от нас, жизнь в этом доме стала невыносимой!

Она села на ступеньку и, достав носовой платок, расплакалась.

Она плакала и припоминала все беды, обрушившиеся на ее семью с того самого дня, когда Мэри Поппинс так внезапно исчезла.

— Только что была и вдруг ушла неизвестно куда! Просто возмутительно... — всхлипывала миссис Бэнкс.

После Мэри Поппинс в доме появилась няня Грин. Но не проработав и недели, она потребовала расчет. А все из-за того, что Майкл плюнул в нее! Ее сменила няня Браун, которая в один прекрасный день просто не вернулась с прогулки. А немного позже обнаружилось, что вместе с ней из столовой исчезли и все серебряные ложки...

После няни Браун была мисс Квигли, гувернантка, которую пришлось уволить из-за того, что каждое утро перед завтраком она имела обыкновение по три часа играть гаммы, а мистер Бэнкс терпеть не мог музыки.

— А потом, — жаловалась миссис Бэнкс в носовой платок, — у Джейн была корь, в ванной сломался душ, морозом побило вишни возле дома...

— Прошу прощения, мэм!

Миссис Бэнкс подняла глаза и увидела миссис Брилл, кухарку.

— На кухне труба дымит! — угрюмо сообщила миссис Брилл.

— О, Боже! — вскрикнула миссис Бэнкс. — Опять! Надо сказать Робертсону Эю, чтобы прочистил. Кстати, где он?

— Спит, мэм. В чулане. А если этот парень спит, ничто на свете не сможет его разбудить — даже землетрясение или грохот тамтамов, — говорила миссис Брилл, спеша вслед за хозяйкой на кухню.

Общими усилиями им удалось погасить огонь, но неприятности миссис Бэнкс на этом не окончились.

Не успела она позавтракать, как с лестницы донесся какой-то грохот.

— Господи! Что там еще? — простонала миссис Бэнкс и пошла выяснять, что случилось.

— О, нога! Моя нога! — громко причитала горничная Элен, сидя на ступеньках в окружении битых тарелок и чашек.

— Что с ней такое? — раздраженно спросила миссис Бэнкс.

— Сломалась! — ответила Элен слабым голосом и прислонилась к перилам.

— Ерунда, Элен! Просто вы растянули лодыжку, вот и все!.

Но Элен снова и снова повторяла:

— О, нога сломалась! Что мне теперь делать? О, нога сломалась! Что мне теперь делать?

В это время из Детской раздался пронзительный плач Близнецов. Они подрались из-за синей пластмассовой уточки. К их крикам присоединились голоса Джейн и Майкла, которые до этого рисовали красками на обоях, а теперь заспорили, каким у зеленой лошади должен быть хвост — фиолетовым или красным. Но весь этот шум покрывали равномерные, будто бой барабана, причитания горничной Элен:

— Нога сломалась! Что мне теперь делать?

— Это, — взвывала миссис Бэнкс, — последняя капля!

Уложив Элен в постель и сделав ей на ногу холодный компресс, миссис Бэнкс поднялась в Детскую.

Джейн с Майклом бросились ей навстречу.

— Правда, красный хвост лучше? — сходу выпалил Майкл.

— Ой, мамочка, не позволяй говорить ему такие глупости! У лошадей не бывает красных хвостов! Ведь так? — перебила его Джейн.

— А фиолетовые хвосты, по твоему, бывают? — завопил Майкл.

— Моя утка! — вторил ему Джон, вырывая игрушку у Барбары.

— Нет моя, моя! — кричала Барбара, вырывая ее, в свою очередь, у Джона.

— Дети! Дети! — миссис Бэнкс в отчаянии заломила руки. — Замолчите, или я сойду с ума!

Сразу стало тихо. Дети с интересом смотрели на свою маму, пытаясь понять, правду она говорит или нет, а заодно и представить, на кого она будет похожа, если и впрямь сойдет с ума.

— Итак, — сказала миссис Бэнкс, — ваше поведение просто ужасно! У бедняжки Элен что-то с ногой, поэтому присматривать за вами некому! Идите в Парк и поиграйте там до чая. Джейн и Майкл, позаботьтесь о Близнецах. Джон, отдай уточку Барбаре, а сам вечером с ней поиграешь. Майкл, можешь взять своего нового воздушного змея. А теперь — наденьте шапки...

— Но я хочу дорисовать лошадь! — сердито возразил Майкл.

— Почему это мы должны идти в Парк? — поддержала его Джейн. — Чего мы там не видели?

— г Потому что мне нужен покой! — отрезала миссис Бэнкс. — И если вы будете вести себя хорошо, то к чаю получите кокосовый торт.

И, прежде чем они успели сказать еще хоть слово, миссис Бэнкс нахлобучила им шапки и согнала всех четверых вниз. — Осторожнее переходите улицу! — крикнула она им вслед.

Джейн катила коляску с Близнецами, а Майкл нес воздушного змея.

Выйдя из ворот, они посмотрели направо. Никого. Посмотрели налево. Тоже никого. v Только где-то в конце улицы Мороженщик все звонил в свой колокольчик.

Джейн двинулась вперед. Майкл поспешил за ней.

— Ненавижу такую жизнь! — пожаловался он своему змею. — Все кувырком!

Джейн докатила коляску до пруда.

— А теперь, — сказала она Близнецам, — дайте-ка мне уточку!

В ответ они дружно завопили и что было сил вцепились в игрушку каждый со своего конца.

С трудом разжав их пальцы, Джейн пустила уточку в пруд.

— Смотрите, — воскликнула она, — уточка отправилась в Индию!

Близнецы увидели, как игрушка медленно уплывает от них, и заревели в два голоса.

Джейн обежала пруд и пустила уточку обратно.

— А теперь, — крикнула она радостно, — в Канаду!

Но Близнецов это, похоже, не развеселило.

— А сейчас в Нью-Йорк!

Близнецы завопили еще громче.

Джейн всплеснула руками.

— Майкл, что с ними делать? Если отдать уточку, то они опять подерутся, а если нет, то

они никогда не кончат ревете!

— Надо запустить змея! — придумал Майкл. — Смотрите, дети! Смотрите!

Он поднял красивого желто-зеленого змея и стал разматывать веревку. Близнецы без всякого интереса наблюдали за ним. Подняв змея над головой, Майкл побежал. Змей взмыл на мгновение в воздух, а потом со всего маху шлепнулся на траву.

— Попробуй еще раз! — подбодрила Майкла Джейн.

— Подержи, пока я разбежусь! — попросил Майкл.

На этот раз змей поднялся чуть выше. Но его длинный, украшенный кисточками хвост запутался в ветвях большой липы, и змей бессильно повис среди листвы.

Близнецы дружно заплакали.

— О, Боже! — вырвалось у Джейн. — Снова все кувырком!

— Эй! Эй! Эй! Что это такое? — вдруг раздался голос позади них. Обернувшись, ребята увидели одетого во френч и форменную фуражку Смотрителя Парка. Он собирал разбросанные повсюду бумажки, накалывая их на длинную остроконечную палку. Джейн молча указала на липу. Смотритель поднял голову, и лицо его сделалось очень строгим.

— Так-так! Нарушаете правила? Здесь сорить не положено! Ни на земле, ни на деревьях!

— А это не мусор. Это змей, — объяснил Майкл.

Смотритель внимательно посмотрел на липу и на его лице появилась мягкая, добродушная и даже чуть глуповатая улыбка.

— Змей? Ах, да-да-да... Надо же, я очень давно не запускал змеев. С тех пор, как был мальчиком.

Он быстро вскарабкался на дерево и спустился, осторожно держа змея под мышкой.

— Сейчас, — воскликнул Смотритель радостно, — мы его как разгоним! Да как запустим! — и он потянулся за веревкой.

Майкл спрятал катушку за спину.

— Спасибо, но мне хочется самому.

— Конечно — конечно! Но можно я буду тебе помогать? — жалобно попросил Смотритель. — Ведь это я достал его с дерева! И я не запускал воздушных змеев с тех пор, как был мальчиком.

— Ну, ладно, — смиростивился Майкл, вовсе не желая прослыть жадиной.

— Спасибо! Спасибо! — обрадовался Смотритель. — Я отойду на десять шагов. А когда я крикну «Давай!» — беги.

И он принялся громко отсчитывать шаги.

— ...Восемь, девять, десять!

Повернувшись, он поднял змея высоко над головой.

— Давай!

Майкл побежал.

— Отпускай! — завопил Смотритель.

Сзади послышался легкий хлопок, веревка натянулась, и катушка начала быстро раскручиваться.

— Летит! Летит! — закричал Смотритель.

Майкл оглянулся. Змей быстро набирал высоту, и казалось, маленькие кисточки на его хвосте постепенно из желто-зеленых превращаются в синие.

Смотритель вытаращил глаза.

— Никогда не видел такого змея! Даже когда был маленьким мальчиком, — пробормотал он.

Небольшое облачко на мгновение закрыло солнце и стало быстро перемещаться по небу.

— Оно летит прямо к нашему змею! — взволновано прошептала Джейн.

А змей, щелкая хвостом на ветру, взлетал все выше и выше, пока не превратился в маленькую темную точку на небе.

Облако медленно приближалось.

— Все, пропал, — сказал Майкл, когда точка скрылась за серой пеленой.

Джейн слегка вздохнула. В коляске замолкли Близнецы, и установилась какая-то странная тишина. Только веревка рвалась у Майкла из рук, словно хотела и его унести в заоблачную высь. Затаив дыхание, все ждали, когда змей появится опять. Наконец Джейн не выдержала.

— Майкл, — закричала она, хватаясь за натянутую, будто струна, веревку, — тяни! Тяни же!

Майкл крепче ухватился за катушку и изо всех сил потянул. Безрезультатно. Он дернул еще раз, еще и еще.

— Не могу, — с трудом переводя дыхание, произнес он, — не идет!

— Я помогу! — предложила Джейн. — Раз-два, взяли!

Но как они ни старались, веревка не поддавалась, и змей по-прежнему прятался где-то за облаком.

— Дайте-ка я! — сказал важно Смотритель. — Когда я был маленьким мальчиком, мы делали это так.

Ухватившись за веревку чуть повыше руки Джейн, он коротко и сильно дернул. Веревка как будто слегка подалась.

— А теперь все вместе! Взяли! — крикнул Смотритель и отбросил в сторону фуражку.

Джейн с Майклом снова потянули изо всех сил.

— Идет! — прохрипел Майкл.

Внезапно веревка ослабла, и какой-то маленький предмет, пробив облако, стал плавно опускаться вниз.

— Наматывай! — скомандовал Смотритель, повернувшись к Майклу.

Но веревка наматывалась на катушку сама собой. Ниже и ниже опускался змей, кружась в каком-то диком танце. Джейн слегка ахнула.

— Что-то произошло! Это не наш змей! — воскликнула она. — Это какой-то другой!

Они пригляделись. И точно. Змей был не желто-зеленым, а синим! Подпрыгивая и кувыряясь, он опускался все ниже и ниже. Внезапно Майкл завопил:

— Джейн! Джейн! Это не змей! Это похоже... это похоже на...

— Тяни! Тяни скорей! — едва не задохнулась Джейн. — Я больше этого не вынесу!

Когда непонятный предмет снизился до вершин самых высоких деревьев, дети смогли разглядеть его лучше. Вместо змея на веревке спускалась... человеческая фигура! Странное дело, но фигура казалась подозрительно знакомой! На ней было синее пальто с серебряными пуговицами и соломенная шляпка, украшенная маргаритками. Под мышкой торчал зонтик, ручка которого напоминала голову попугая. В одной руке она сжимала коричневый ковровый саквояж, а в другой — конец тон самой веревки, за которую тянули Майкл и Джейн.

— Ой! — издала Джейн ликующий возглас. — Это она!

— Знаю! — закричал и Майкл, сматывая веревку дрожащими руками.

— Батюшки! — пробормотал Смотритель, протирая глаза. — Батюшки!

А странная фигура все продолжала опускаться. Вот ее ноги слегка коснулись вершины стоящего неподалеку молодого деревца... Теперь дети уже могли различить так хорошо знакомые им черты — черные, как смоль, волосы, блестящие синие глаза и маленький вздернутый носик, ну совсем как у голландской куклы... Наконец фигура, аккуратно пролетев меж ветвями старой липы, бесшумно опустилась на газон. От радости Майкл даже выронил катушку. Через мгновение они с Джейн как сумасшедшие понеслись к липе.

— Мэри Поппинс! Мэри Поппинс! — кричали они, повиснув на ней.

Сзади, словно петушки на заре, заливались Близнецы. Смотритель Парка то открывал, то закрывал рот, словно пытаясь что-то сказать, но не находя подходящих слов.

— Наконец-то! Наконец-то! Наконец-то! — дико вопил Майкл, хватая то руку Мэри Поппинс, то ее саквояж, то ее зонтик — лишь бы чувствовать, что это не сон и что она

действительно здесь.

— Мы знали, что вы вернетесь! Мы нашли письмо с оревуаром! — кричала Джейн, прижимаясь к синему пальто.

На мгновение довольная улыбка осветила лицо Мэри Поппинс: улыбались и губы, и вздернутый носик и пронзительные синие глаза... Впрочем улыбка тут же исчезла.

— Буду очень обязана, — заметила Мэри Поппинс, высвобождаясь из детских объятий, — если вы вспомните, что это общественное место, а не медвежья берлога! Что за поведение! Где, позвольте спросить, ваши перчатки?

Ребята стали лихорадочно шарить в карманах.

— Гм! Наденьте их, будьте добры!

Дрожа от волнения и радости, Джейн с Майклом послушно натянули перчатки и надели шапки.

Мэри Поппинс подошла к коляске. Близнецы радостно залопотали, когда она устроила их поудобнее и поправила плед.

— Кто пустил эту утку в пруд? — спросила она знакомым строгим тоном.

— Я, — отозвалась Джейн. — Это для Близнецов. Она плывет в Нью-Йорк.

— Что ж, будь любезна, вытащи ее! — сказала Мэри Поппинс. — Она уже не плывет в Нью-Йорк, где бы он ни находился, а отправляется домой пить чай.

И, повесив ковровый саквояж на ручку коляски, она покатила ее к воротам Парка. Но Смотритель, к которому вернулся дар речи, преградил ей путь.

— Послушайте, — начал он, тараща глаза на Мэри Поппинс, — я буду вынужден доложить об этом! Это совершенно против правил! Сваливаться вот так, прямо с неба! Откуда, хотел бы я знать, вы появились? А?

Он запнулся: Мэри Поппинс смерила его таким взглядом, что Смотрителю сразу же захотелось очутиться где угодно, только подальше от этого места.

— Если бы я была Смотрителем Парка, — чопорно заметила она, — я бы, во-первых, надела фуражку, а во-вторых, застегнулась на все пуговицы! Позвольте!

И, надменно отстранив его, она покатила коляску дальше. Покраснев, Смотритель нагнулся, чтобы подобрать фуражку. Когда он снова поднял глаза, Мэри Поппинс с детьми уже скрылась за воротами дома № 17 по Вишневой улице.

Смотритель взглянул на дорожку. Потом, задрвав голову, уставился на небо. Затем снова стал исследовать дорожку. Сняв с головы фуражку, он задумчиво поскреб затылок.

— Никогда не видел ничего подобного! — пробормотал он, запинаясь. — Даже когда был маленьким мальчиком!

И нетвердой походкой он побрел прочь.

— Да это же Мэри Поппинс! — воскликнула миссис Бэнкс, едва ребята переступили порог дома. — Откуда вы? Из синей дали?

— Да! Она опустилась... — начал радостно Майкл, но тут же осекся, так как Мэри Поппинс наградила его одним из своих самых свирепых взглядов.

— Я обнаружила их в Парке, мэм! — сказала она, поворачиваясь к миссис Бэнкс, — и привела домой!

— Вы собираетесь остаться?

— В настоящее время да, мэм.

— Но, Мэри Поппинс, в прошлый раз вы покинули нас, ни слова не сказав... не предупредив! Могу ли я надеяться, что вы этого не сделаете вновь?

— Нет, не можете, мэм, — спокойно ответила Мэри Поппинс.

Миссис Бэнкс совершенно растерялась.

— Но... но вы больше не исчезните столь внезапно? — спросила она неуверенно.

— Не могу сказать этого наверняка, мэм.

— О! — издала непонятное восклицание миссис Бэнкс, так как ничего другого ей просто не пришло в голову.

И не успела она опомниться, как Мэри Поппинс, подхватив саквояж, повела детей

наверх. Миссис Бэнкс молча смотрела им вслед, пока дверь Детской не захлопнулась. Тогда, облегченно вздохнув, она поспешила к телефону:

— Мэри Поппинс вернулась! — радостно сообщила она, набрав нужный номер.

— Правда? — удивился мистер Бэнкс на другом конце провода. — Что ж, возможно, я поступлю точно так же.

И он повесил трубку.

Поднявшись наверх, Мэри Поппинс сняла пальто и повесила его на крючок около двери в Детскую Спальню. Затем она сняла шляпку и аккуратно пристроила ее на спинку одной из кроватей. Джейн с Майклом наблюдали за знакомой процедурой. Все было как всегда. Им даже с трудом верилось, что еще совсем недавно Мэри Поппинс не было с ними.

Нагнувшись, Мэри Поппинс открыла ковровый саквояж. Он был совершенно пуст, если не считать большого Градусника.

— Для чего это? — с любопытством спросила Джейн.

— Для тебя! — ответила Мэри Поппинс.

— Но я не больна! — возмутилась Джейн. — Уже прошло два месяца, как я выздоровела!

— Открой рот! — скомандовала Мэри Поппинс таким голосом, что Джейн сразу закрыла глаза и послушно открыла рот. Градусник тут же скользнул туда.

— Я хочу выяснить, как вы вели себя в мое отсутствие! — строго сказала Мэри Поппинс.

Вынув градусник изо рта Джейн, она поднесла его к свету.

— Легкомысленная, неаккуратная и невнимательная, — прочитала она.

Глаза Джейн расширились от изумления.

— Гм! — хмыкнула Мэри Поппинс и сунула градусник в рот Майклу. Тот сжал губы и стал терпеливо ждать. Наконец Мэри Поппинс вынула градусник и прочла:

— Очень шумный, непослушный и беспокойный мальчишка.

— Вовсе нет! — сердито возразил Майкл.

Вместо ответа она сунула Градусник ему под нос, и Майкл с удивлением прочел надпись, сделанную большими красными буквами: «О-Ч-Е-Н-Ь-Ш-У-М...»

— Ну что? — торжествующе спросила Мэри Поппинс.

Открыв рот Джону, она поставила градусник и ему.

— Капризный и непоседливый, — такой оказалась его температура.

А когда очередь дошла до Барбары, выяснилось, что она «Невероятно избалована».

— Гм! — фыркнула Мэри Поппинс. — Кажется, я вернулась вовремя!

После этого она быстро сунула градусник себе в рот и мгновение спустя уже читала:

— Замечательная, прекрасная, полное совершенство во всех отношениях.

— Так я и думала, — гордо сказала она и самодовольно улыбнулась. — А теперь чай — и в кровать!

Ребятам показалось, что не прошло и минуты, а они уже успели выпить молоко, съесть по куску кокосового торта и даже выкупаться. Как обычно, все, что делала Мэри Поппинс, совершалось с невообразимой быстротой. Крючки с петлями расходились сами, пуговицы мгновенно выскакивали из петель, мыло и мочалки мелькали, как молнии, а полотенце вытирало за один взмах.

Мэри Поппинс прошлась между кроватями, укрывая детей одеялами. Ее белый накрахмаленный передник тихо похрустывал, распространяя вокруг себя слабый аромат свежих тостов. Подойдя к кровати Майкла, Мэри Поппинс нагнулась и пошарила под ней. Через минуту она осторожно вытащила оттуда свою раскладушку. Поверх чистого, белья лежали ее вещи — кусок туалетного мыла, зубная щетка, пакетик шпилек, флакон одеколона, маленькое складное кресло и коробочка пилюль от кашля. Кроме этого там было одиннадцать ночных рубашек (семь фланелевых и четыре хлопчатобумажные) ботинки, домино, две купальные шапочки и альбом с открытками.

Джейн с Майклом приподнялись в кроватях.

— Откуда все это? — изумленно спросил Майкл. — Я сто раз лазил под кровать. Там ничего не было!

Мэри Поппинс не ответила, она начала готовиться ко сну.

Джейн с Майклом переглянулись. Они знали, что спрашивать бесполезно, потому что Мэри Поппинс все равно ничего не скажет.

Тем временем Мэри Поппинс расстегнула белый крахмальный воротничок и сняла с шеи цепочку.

— А что там внутри? — поинтересовался Майкл, глядя на маленький золотой медальон.

— Портрет.

— Чей?

— Узнаешь, когда придет время. Не раньше, — фыркнула Мэри Поппинс.

— А когда оно придет?

— Когда я уйду.

Дети уставились на нее испуганными глазами.

— Мэри Поппинс! — вскричала Джейн. — Вы ведь не уйдете снова, правда? Скажите. Скажите, что нет!

Мэри Поппинс пристально посмотрела на нее.

— Да, хорошая у меня будет жизнь, — заметила она, — если я ее всю проведу с вами!

— Но вы останетесь? — умоляющим голосом проговорила Джейн.

Мэри Поппинс подбросила медальон на ладони.

— Останусь, пока цепь не порвется, — кратко ответила она. И, натянув через голову одну из своих ночных рубашек, стала раздеваться.

— Тогда ладно, — шепнул Майкл Джейн. — Я успел рассмотреть цепь. По-моему, она очень крепкая.

Он ободряюще кивнул сестре. Лежа в кроватях, дети смотрели на Мэри Поппинс и вспоминали, как она впервые появилась на Вишневой улице. Вспоминали они и о том, как она улетела на своем зонтике, когда ветер переменился, и о долгих днях разлуки с ней, и о ее сегодняшнем чудесном появлении. Внезапно Майкл о чем-то вспомнил.

— Мой змей! — сказал он, садясь в постели. — Я совсем про него забыл! Где мой змей?

Голова Мэри Поппинс появилась из ворота ночной рубашки.

— Змей? — сердито спросила она. — Какой змей? Что еще за змей?

— Мой желто-зеленый змей с бумажными кисточками. На веревке от которого вы опустились.

Мэри Поппинс уставилась на него.

Майкл не мог сказать, было ли в этом взгляде больше удивления или гнева, похоже, что и того и другого предостаточно. А голос ее, когда она наконец заговорила, был еще ужаснее.

— Насколько я понимаю, ты сказал, — медленно сквозь зубы повторила ода, — что я спустилась откуда-то на веревке?

— Но это правда! — запинаясь, проговорил Майкл. — Сегодня. С облака. Мы видели.

— На веревке? Как мартышка? Я правильно поняла вас, Майкл Бэнкс?

От негодования Мэри Поппинс, казалось, стала вдвое больше ростом. Огромная и сердитая, она нависла над ним, ожидая ответа. В страхе Майкл вцепился в пододеяльник.

— Майкл! Молчи! — прошептала Джейн со своей кровати. Но Майкл зашел уже слишком далеко, чтобы останавливаться.

— Ну тогда — где мой змей? — храбро спросил он. — Если вы не спустились... м-м-м... как я говорил, то куда он делся? На веревке его почему-то нет!

— А я есть? — Мэри Поппинс презрительно рассмеялась.

Он понял, что лучше не продолжать. Все равно от нее ничего не добьешься.

— Н-нет, — пролепетал Майкл тоненьким голоском. — Нет, Мэри Поппинс!

Она отвернулась и выключила свет.

— Твои манеры, — заметила она сухо, — ничуть не улучшились со времени моего ухода! На веревке! Ну и ну! Еще никто в жизни меня так не оскорблял! Никогда!

Резким движением разложив кровать, она улеглась в нее и с головой накрылась одеялом.

Майкл тихо лежал, все еще продолжая сжимать руками пододеяльник.

— Но ведь она спустилась, правда? Мы же видели! — прошептал он, обращаясь к Джейн.

Но Джейн не ответила. Вместо ответа она показала на дверь Детской спальни. Майкл поднял глаза. За дверью, на крючке, висело пальто Мэри Поппинс. Его серебряные пуговицы сверкали в тусклом свете ночника. А из кармана свешивались бумажные кисточки — кисточки его желто-зеленого змея. Майкл и Джейн долго смотрели на них. Потом кивнули друг другу. Они знали, что лучше ничего не говорить, потому что в Мэри Поппинс есть много такого, чего им никогда не понять. Но она все-таки вернулась! И это было самое главное. С раскладушки до них доносилось ровное, спокойное дыхание. И они чувствовали себя умиротворенно и счастливо.

— Ладно, Джейн, пусть у нее будет фиолетовый хвост, — прошептал Майкл немного погодя.

— Нет, Майкл, — ответила Джейн. — Кажется, красный гораздо лучше...

После этого Детская погрузилась в тишину...

— Уф! Пуф! — пыхтела трубка мистера Бэнкса.

— Клик! Клик! — отзывались спицы миссис Бэнкс.

Мистер Бэнкс вытянул ноги и, положив их на каминную решетку, даже слегка хрюкнул от удовольствия.

— Ты еще не раздумал отправляться в плавание? — спросила его миссис Бэнкс.

— Э-э... раздумал. Кажется, я довольно плохой моряк. А с котелком все в порядке. Я отдал его чистильщику, — ну, тому, что сидит на углу, — и он почистил его весь черным гуталином. Так что теперь котелок как новенький! Даже лучше. Кроме того, вернулась Мэри Поппинс, а это значит, что вода для бритвы теперь будет такой, какой надо.

Миссис Бэнкс улыбнулась про себя и продолжила вязание. Она была очень рада, что мистер Бэнкс оказался плохим моряком, и что Мэри Поппинс наконец-то вернулась.

Внизу, на кухне, миссис Брилл делала новый компресс на ногу Элен.

— Не сказать, чтобы я была от нее без ума, — говорила миссис Брилл, — но надо признать, что дом сегодня стал совершенно другим! Так что все к лучшему.

— И мне так кажется, — отозвалась Элен.

— И мне, — подумал Робертсон Эй, прислушиваясь к разговору из чулана. — Теперь у меня будет хоть немного покоя.

И, устроившись поудобнее на перевернутом ящике для угля, он снова заснул, подложив под голову метлу.

Но что думала Мэри Поппинс об этом, не знал никто, потому что она держала свои мысли про себя и никому ничего не говорила...

Глава вторая. Мисс Эндрю и ее жаворонок

Была суббота.

В прихожей дома № 17 по Вишневой улице мистер Бэнкс, постукивая пальцем по барометру, объяснял жене, что собирается делать погода.

— Ветер южный, умеренный. Температура нормальная. Местами грозы. Море спокойное. Видимость неустойчивая. Эй, это еще что? — вскричал он, так как над его головой неожиданно раздался жуткий стук, грохот и топот.

Вверху, на лестнице, появился Майкл. Похоже, он был сильно не в духе. Спускаясь по лестнице, он изо всех сил долбил ботинками по столбикам, поддерживающим перила. За ним, неся в каждой руке по Близнецу, шла Мэри Поппинс, и толкала его в спину коленом. Позади следовала Джейн, держа в руках их шляпы.

— Хорошо начать — полдела сделать! — назидательно приговаривала Мэри Поппинс. — Ну давай, давай, спускайся!

Мистер Бэнкс оставил в покое барометр и посмотрел наверх.

— Что это, с тобой? — спросил он.

— Я не хочу идти гулять! Хочу играть со своим новым паровозом! — ответил Майкл и тут же замолчал, так как колено Мэри Поппинс столкнуло его на следующую ступеньку.

— Что за ерунда, дорогой? — удивилась миссис Бэнкс. — Конечно же надо идти! От ходьбы ноги становятся длинными и сильными!

— Мне больше нравятся короткие и слабые! — пробурчал в ответ Майкл, с грохотом опускаясь на очередную ступеньку.

— Когда я был маленьким мальчиком, — заметил мистер Бэнкс, — я очень любил гулять. Я гулял со своей Гувернанткой до второго фонарного столба и обратно. Каждый день! И никогда не капризничал!

Майкл остановился посреди лестницы и недоверчиво посмотрел на мистера Бэнкса.

— Ты что, когда-то был маленьким мальчиком? — удивленно спросил он.

Мистер Бэнкс обиделся.

— Конечно, был! Прелестным маленьким мальчиком с длинными золотыми кудряшками. В бархатных штанишках и ботинках на пуговках!

— Надо же! — сказал Майкл, сбегая с лестницы и во все глаза глядя на отца. Он просто не мог представить себе мистера Бэнкса маленьким мальчиком. Ему казалось, что тот всегда был среднего возраста, лысым и шести футов ростом.

— А как звали твою Гувернантку? — спросила Джейн, сбегая по ступенькам вслед за Майклом. — Она была красивая?

— Ее звали мисс Эндрю и это был просто Страх Господень.

— Т-с-с! — укоризненно покачала головой миссис Бэнкс.

— Я хотел сказать, — поправился мистер Бэнкс, — что она была... э-э-э... очень строгой. И всегда считала себя во всем правой. Ей ужасно нравилось исправлять и поучать других, и делала она это так, что ты сразу начинал чувствовать себя ничтожным червяком. Вот какая была мисс Эндрю!

И он нахмурился при одном воспоминании о своей Гувернантке.

День! День! День!

Дверной колокольчик зазвонил на весь дом.

Мистер Бэнкс прошел в прихожую и открыл дверь.

На ступеньках с важным видом стоял мальчик — разносчик телеграмм.

— Срочная телеграмма. На имя Бэнкса. Ответ будет? — и мальчик протянул мистеру Бэнксу оранжевый конверт.

— Если новости хорошие, получишь шесть пенсов на чай, — пообещал мистер Бэнкс, вскрывая конверт. Прочитав телеграмму, он побледнел.

— Ответа не будет! — кратко сказал он.

— А шесть пенсов?

— Тем более! — резко ответил мистер Бэнкс.

Разносчик телеграмм с упреком посмотрел на него и печально удалился.

— О, что случилось? — спросила миссис Бэнкс, предчувствуя, что новости скорее всего ужасные. — Кто-то заболел?

— Хуже! — убитым голосом выдохнул мистер Бэнкс.

— Мы потеряли все наши деньги? — испуганно прошептала миссис Бэнкс и тоже побледнела.

— Еще хуже! Не зря барометр предсказывал грозу и неустойчивую видимость! Слушай!

Он развернул телеграмму и громко прочел: «Приезжаю к вам на месяц. Прибываю сегодня в три часа. Будьте любезны затопить в спальне камин. Юфимия Эндрю».

— Эндрю? Но ведь так звали твою Гувернантку! — воскликнула Джейн.

— А это и есть моя Гувернантка! — вскричал мистер Бэнкс, бегая туда-сюда по комнате и нервно теребя остатки своих волос. — Ее зовут Юфимия. И она приезжает сегодня в три!

Он громко застонал.

— Но я бы не сказала, что это такие уж плохие новости! — возразила миссис Бэнкс, чувствуя, что ей стало намного легче. — Конечно, придется подготовить свободную комнату, но что из того? Мне будет очень приятно, что милая старушка...

— Милая старушка? — взревел мистер Бэнкс. — Да ты не знаешь, о чем говоришь! Милая старушка! Подожди, ты скоро сама ее увидишь!

Он схватил свою шляпу и плащ.

— Но, дорогой! — воскликнула миссис Бэнкс. — Ты должен остаться, чтобы ее встретить! Куда ты идешь? Это очень невежливо!

— Куда угодно! Скажи ей, что я умер! — отозвался мистер Бэнкс и, вконец расстроенный, выбежал из дома.

— Боже мой, какая же она, Майкл? — пробормотала Джейн.

— От любопытства кошка сдохла! — сказала Мэри Поппинс. — Наденьте, пожалуйста, ваши шляпы!

Усадив Близнецов в коляску, она выкатила ее на садовую дорожку.

— А куда мы сегодня пойдем, Мэри Поппинс?

— Через Парк, потом по маршруту 39 автобуса до Хай-стрит, потом через мост, а оттуда домой через железнодорожный переезд, — ответила Мэри Поппинс и фыркнула.

— Так мы до ночи назад не вернемся! — пробурчал Майкл, нехотя плетясь сзади вместе с Джейн. — И мы точно пропустим мисс Эндрю!

— Но ведь она приезжает на целый месяц! — напомнила ему Джейн.

— Ну и что. А я хочу посмотреть, как она приедет, — пожаловался Майкл, шаркая ногами о тротуар.

— Шагайте! Шагайте! — подбодрила их Мэри Поппинс. — С таким же успехом я могла взять с собой на прогулку пару улиток!

Но, когда они ее догнали, она заставила их почти пять минут ждать, пока она вдоволь насмотрится на свое отражение в витрине рыбного магазина. На Мэри Поппинс была новая белая блузка в розовый горошек, и выражение ее лица, пока она любовалась собой на фоне гор жареной трески, было очень довольным. Слегка распахнув пальто, чтобы блузку могли видеть все, Мэри Поппинс подумала, что, наверное, еще никогда не выглядела более красивой, чем сегодня. Даже жареные рыбы, открыв рты, казалось в восхищении наблюдали за ней. Слега кивнув своему отражению, Мэри Поппинс двинулась дальше. Они прошли Хай-стрит, миновали мост, а когда добрались до железнодорожного переезда, Джейн с Майклом не выдержали. Оставив позади Мэри Поппинс и коляску с Близнецами, они бросились бежать — и бежали до тех пор, пока не оказались на углу Вишневой улицы.

— Там такси! — закричал Майкл радостно. — Это, должно быть, мисс Эндрю!

Они стояли на углу, поджидая Мэри Поппинс, и наблюдали за машиной.

Такси медленно ехало вдоль улицы. Вскоре оно остановилось у ворот дома № 17. Остановка сопровождалась фырканием и скрежетом, что вовсе не удивительно, потому что от колес до крыши машина была сплошь заставлена чемоданами. Собственно, самой машины почти не было видно. Чемоданы громоздились и на крыше, и на багажнике, и по бокам. Сумки и корзинки торчали даже из окон. Шляпные коробки были привязаны к ступенькам, а два огромных сундука маячили на водительском месте. Наконец из-под них появился и сам водитель. Он осторожно выбрался наружу, словно спускаясь с крутой горы, и открыл заднюю дверь. Оттуда сразу же вывалилась коробка из-под ботинок, а за ней — большой коричневый сверток. Далее показался зонтик и прогулочная трость, связанные вместе веревкой. В довершение всего изнутри со звоном вылетели маленькие механические весы и сшибли

таксиста с ног.

— Осторожней! Осторожней! — раздался из такси громоподобный раскатистый голос. — Это ценный багаж!

— А я — ценный шофер! — возразил таксист, поднимаясь с тротуара и потирая ушибленное колено. — Кажется, вы забыли об этом?

— Дорогу! Дорогу! Я вылезая! — снова прогремел тот же голос.

И через мгновение на ступеньке такси появилась такая огромная нога, какой ребята в жизни не видели. Вслед за ней показалась и сама мисс Эндрю. На ней было огромное пальто с меховым воротником, на голове красовалась мужская фетровая шляпа, с которой свешивалась длинная серая вуаль. Дети, скрытые забором, подкрались поближе. Они во все глаза смотрели на огромную фигуру с крючковатым носом, злым ртом и маленькими глазками, недобро поблескивающими из-под очков. А когда мисс Эндрю зашпорила с шофером, ее голос чуть их не оглушил.

— Четыре шиллинга и три пенса! Неслыханно! Да за такую плату можно совершить кругосветное путешествие! Я не стану платить! Я заявлю на вас в полицию!

Таксист пожал плечами.

— Обычная плата за проезд, — сказал он спокойно. — Взгляните на счетчик. На такси бесплатно не ездят. А тем более с таким багажом!

Мисс Эндрю чихнула и, запустив руку в огромный карман, достала маленький кошелечек. Покопавшись в нем, она вручила таксисту монету. Тот повертел ее в руке, недоуменно рассматривая, и грубо расхохотался.

— Это что, на чай? — саркастически спросил он.

— Конечно, нет! Это плата за проезд! А чаевых я не даю! — отрезала мисс Эндрю.

— Еще бы! — пробормотал шофер, косясь на нее. И про себя добавил: — Багажа столько, что полпарка можно завалить! А чаевых не дает! Ну и Гарпия!

Но мисс Эндрю не слышала его. В ворота вошли дети, и она направилась к ним. Ее каблук громко стучали о тротуар, а серая вуаль развевалась по ветру.

— Ну? — прогудела она, изобразив на лице некое подобие улыбки. — Думаю, вы вряд ли знаете, кто я такая.

— А вот и знаем! — дружески воскликнул Майкл, который был очень рад встрече с мисс Эндрю. — Вы Страх Господень!

Лицо и даже шея мисс Эндрю мгновенно стали темно-багровыми.

— Ты очень дерзкий и грубый мальчишка! Я пожалуюсь твоему отцу!

Лицо Майкла вытянулось от удивления.

— Но я вовсе не хотел быть грубым! — начал было он. — Это папа сказал...

— Все! Молчать! Не смей мне перечить! — рявкнула мисс Эндрю и повернулась к Джейн.

— Надо полагать, ты — Джейн. Гм! Мне никогда не нравилось это имя!

— Как поживаете? — вежливо поздоровалась Джейн, думая про себя, что имя Юфимия ей тоже не очень-то по вкусу.

— Это платье слишком коротко! — протрубила мисс Эндрю. — И кроме того, тебе надо надеть чулки. Девочки не должны ходить с голыми ногами! Я обязательно поговорю с твоей мамашей!

— Но я не люблю чулок! — сказала Джейн. — Я ношу их только зимой.

— Что за распушенность! А ну-ка тихо! — пробасила мисс Эндрю.

Заглянув в коляску, она протянула свою ручищу и в знак приветствия ущипнула каждого из Близнецов за щеку.

Джон и Барбара тут же заплакали.

— Фу! Что за манеры! — воскликнула мисс Эндрю. — Йоду и касторки — вот что им нужно! — добавила она, поворачиваясь к Мэри Поппинс. — Воспитанные дети так не кричат! Йоду и касторки! И как можно больше! Запомните хорошенько!

— Благодарю вас, мадам, — отозвалась Мэри Поппинс с ледяной вежливостью. — Но я воспитываю детей так, как считаю нужным, и ни у кого советов не спрашиваю.

Мисс Эндрю уставилась на нее с таким видом, словно не могла поверить собственным ушам. Мэри Поппинс спокойно и без всякой боязни выдержала этот взгляд.

— Молодая женщина! — возвысила голос мисс Эндрю, придя в себя. — Вы забываетесь! Как вы смеете отвечать мне подобным образом! Обещаю, я приложу все усилия, чтобы вас немедленно уволили! Вы еще попомните мои слова!

Она распахнула ворота и помчалась по садовой дорожке, яростно размахивая каким-то круглым предметом, накрытым клетчатой материей. Можно было лишь слышать, как она снова и снова повторяет на разные лады: «Так-так! Так-так!».

Миссис Бэнкс выбежала ей навстречу.

— Добро пожаловать, мисс Эндрю! Добро пожаловать! — вежливо сказала она. — Как мило с вашей стороны приехать к нам! Надеюсь, путешествие прошло хорошо...

— Хуже не бывает! Терпеть не могу ездить! — ответила мисс Эндрю, обводя сад злобным взглядом. — Возмутительный беспорядок! — заметила она раздраженно. — Последуйте моему совету — выдерните все эти штуки, — она указала на подсолнухи, — и насадите бессмертник. Намного меньше хлопот. Да еще сэкономите время и деньги! И выглядит гораздо аккуратнее. А еще лучше — вообще без сада. Залить все цементом и сделать одну большую ровную площадку!

— Но, — возразила миссис Бэнкс нерешительно, — сад мне нравится больше.

— Чуть! Вздор и ерунда! Вы глупая женщина. А ваши дети грубияны. Особенно мальчишка!

— О, Майкл, я поражена! Ты был груб с мисс Эндрю? Извинись сейчас же! — миссис Бэнкс начала нервничать все больше и больше.

— Но, мама, ничего такого не было! Я только сказал...

И Майкл принялся объяснять, в чем, собственно, дело, но мисс Эндрю перебила его.

— Он меня оскорбил! — громко заявила она. — Его нужно как можно быстрее отправить в частный пансион! А девочке необходима Гувернантка! Я сама подыщу для нее подходящую! А что касается Молодой Особы, которая приглядывает за ними, — она кивнула в сторону Мэри Поппинс, — то ее следует немедленно уволить! Она грубая и ни на что не способна! Такой просто нельзя доверять!

Миссис Бэнкс была в ужасе.

— О, вы ошибаетесь, мисс Эндрю! Наоборот, мы считаем, что она просто сокровище!

— Не говорите о том, чего не понимаете! И запомните — я никогда и ни в чем не ошибаюсь! Увольте ее!

И мисс Эндрю зашагала по дорожке дальше. Миссис Бэнкс, расстроенная и напуганная, едва поспевала за ней.

— Я... э-э-э... обещаю, мисс Эндрю! Мы сделаем все, чтобы вам было у нас удобно, — вежливо говорила миссис Бэнкс, в глубине души, однако, чувствуя, что уже не совсем в этом уверена.

— Гм! Вряд ли это удастся в подобном доме! — заметила мисс Эндрю. — Он просто в ужасном состоянии! Весь облезлый и обшарпанный! Вам надо немедленно послать за плотником! Когда в последний раз мыли это крыльцо? Оно очень грязное!

Миссис Бэнкс прикусила губу. Своими словами мисс Эндрю превратила ее красивый уютный домик во что-то жалкое, уродливое и жутко запущенное. Миссис Бэнкс совершенно расстроилась.

— Хорошо, завтра я это сделаю, — проговорила она чуть слышно.

— Завтра! А почему не сегодня? — удивилась мисс Эндрю. — Ничего не откладывая на завтра, если это можно сделать сегодня! Да, а дверь почему белая? Самый подходящий цвет — темно-коричневый! И дешевле, и грязь не так заметна. Посмотрите-ка на эти пятна!

И, поставив на крыльцо круглый предмет, она принялась тыкать пальцем в парадную

дверь.

— Там! Там! Там! И здесь! Везде! Как неприлично!

— Я сейчас же займусь этим, — потерянно кивнула миссис Бэнкс. — Не хотите ли подняться в свою комнату?

Мисс Эндрю вошла в прихожую.

— Надеюсь, камин затопили?

— О, конечно! Сюда, мисс Эндрю. Сейчас Робертсон Эй принесет ваш багаж.

— Хорошо. Но пусть будет поосторожнее! В этих чемоданах полно склянок с лекарствами! Я должна заботиться о своем здоровье!

Поднявшись до середины лестницы, мисс Эндрю обвела строгим взглядом прихожую.

— Обои надо переклеить! Обязательно скажу об этом Джорджу! Да, а почему, хотелось бы мне знать, он меня не встречает? Как это невежливо! Вижу, его манеры ничуть не улучшились!

Голос мисс Эндрю стал немного тише, когда они поднялись наверх, а голос миссис Бэнкс, покорно соглашающийся со всем, что бы ни сказала ее гостья, стал вообще еле слышен.

Майкл повернулся к Джейн.

— Слушай, а кто это — Джордж?

— Папа.

— Но ведь его зовут мистер Бэнкс.

— У него есть еще одно имя — Джордж.

Майкл вздохнул.

— Месяц — это ведь жутко долго, правда, Джейн?

— Да, четыре недели и еще немножко, — ответила Джейн, чувствуя, что месяц, проведенный с мисс Эндрю, вполне может сойти за год. Майкл придвинулся поближе к сестре.

— Слушай, Джейн, — начал он взволнованным шепотом, — она ведь не может в самом деле уволить Мэри Поппинс? Правда?

— Не думаю. Но она все-таки очень странная. И папа почему-то ушел...

— Странная! — будто взрыв, раздалось сзади. Они обернулись. Мэри Поппинс смотрела вслед мисс Эндрю таким взглядом, словно собиралась ее убить.

— Странная! — повторила она и презрительно фыркнула. — Мягко сказано! Подумать только! Я не умею воспитывать детей! Я ни на что не способна! Грубая! Мне нельзя доверять! Ну что ж, посмотрим!

Джейн с Майклом частенько видели Мэри Поппинс сердитой, но сегодня в ее голосе они уловили такие интонации, которых раньше никогда не слышали. Они безмолвно уставились на нее, гадая про себя, что же теперь будет.

Вдруг раздался слабый шум: то ли свист, то ли вздох.

— Ой, что это? — вскрикнула Джейн.

Шум снова долетел до них. На этот раз он был громче. Мэри Поппинс внимательно прислушалась. Непонятные звуки, казалось, зарождались на ступеньках, перед парадной дверью.

— О! — торжествующе воскликнула Мэри Поппинс. — Я просто обязана была догадаться!

Она подбежала к крыльцу, где стоял круглый предмет, оставленный мисс Эндрю, и сдернула клетчатое покрывало. Под ним оказалась металлическая клетка, очень чистая и блестящая. Внутри, на тоненькой жердочке, спрятав голову под крыло, сидела маленькая светло-коричневая птичка. Как только свет упал на ее перышки, она растерянно замигала и принялась сонно оглядываться по сторонам. Внезапно ее взгляд упал на Мэри Поппинс. Встрепенувшись, птичка тут же открыла клюв и издала тихий, горестный всхлип. Джейн с Майклом еще никогда не слышали ничего более жалобного.

— Что, правда? Так-так-так. Неужели? — говорила Мэри Поппинс, с состраданием

кивая головой.

— Чирп! Чирап! — просвистела птичка, удрученно свесив крылышки.

— Что? Два года? В этой клетке? Стыд ей и позор! — гневно воскликнула Мэри Поппинс.

Дети уставились на нее. Сами они, естественно, не понимали, о чем говорит птичка, но Мэри Поппинс вела себя так, будто для нее это была пара пустяков.

— О чем она говорит? — спросил было Майкл.

— Ш-ш-ш! — оборвала его Джейн и даже ущипнула за руку.

Они стали молча смотреть.

Птичка перебралась по жердочке поближе к Мэри Поппинс и пропела одну или две ноты так, словно о чем-то спрашивала. Мэри Поппинс кивнула.

— Да, конечно. Я знаю это поле. Она тебя там поймала?

Птичка кивнула в ответ. Затем снова что-то спросила на своем языке.

Мэри Поппинс на мгновение задумалась.

— Ну, — сказала она, — это не так далеко. За час вполне можно добраться. Только лететь надо точно на юг.

Птичка, казалось, была очень благодарна. Она затанцевала на своей жердочке и восторженно захлопала крыльями. Потом снова запела, чисто и красиво, устремив умоляющий взгляд на Мэри Поппинс. Та повернула голову в сторону ведущих наверх ступенек.

— Собираюсь ли я? А ты как думаешь? Разве ты не слышал, как она назвала меня Молодой Особой? Меня! — она сердито фыркнула.

Плечи птички затряслись, словно от смеха. Мэри Поппинс нагнулась.

— Что вы собираетесь делать, Мэри Поппинс? — поинтересовался Майкл, не в силах больше сдерживаться. — Что это за птичка?

— Жаворонок, — кратко ответила Мэри Поппинс и повернула ручку на маленькой дверце. — В первый и последний раз вы видите жаворонка в клетке!

Сказав это, она распахнула дверцу. Жаворонок, расправив крылья, с пронзительным криком вылетел наружу и уселся на плечо Мэри Поппинс.

— Гм! — хмыкнула она, повернув к нему голову. — Думаю, так будет намного лучше!

— Чир-ап! — пропел жаворонок и кивнул в знак согласия.

— Теперь тебе лучше улететь, — предупредила его Мэри Поппинс. — Через минуту она вернется.

При этих словах жаворонок разразился целым потоком трелей, делая благодарные знаки крылышками и снова и снова кивая головкой.

— Ладно, ладно, — оборвала его Мэри Поппинс сердито. — Не благодари. Я была рада сделать это. Никогда еще не видела жаворонка в клетке! К тому же ты слышал, как она меня назвала?

Жаворонок запрокинул голову и распушил перья. Казалось, он неудержимо хохочет. Вдруг он насторожился.

— О, я совсем забыла! — загремел наверху знакомый голос. — Я оставила моего Карузо внизу! На этом грязном крыльце! Надо пойти и принести его.

С лестницы донеслись тяжелые шаги.

— Что? — крикнула мисс Эндрю, не расслышав вопроса миссис Бэнкс. — А! Это жаворонок. Его зовут Карузо и он очень хорошо поет! Просто прекрасно! Нет, сейчас он почему-то петь перестал. Да. С тех пор, как я поймала его в поле и посадила в клетку.

Голос постепенно приближался, делаясь все громче и громче.

— Естественно, нет! — отрезала мисс Эндрю, отвечая на очередной вопрос миссис Бэнкс. — Я сама его принесу! Таким непочтительным детям я не могу его доверить! Кстати, перила нужно отполировать. И немедленно!

Бух! Бух! Бух! Бух!

Шаги мисс Эндрю прогрохотали в прихожей.

— Идет! — прошептала Мэри Поппинс. — Счастливого пути! — и она слегка тряхнула плечом.

— Быстрее! — взволнованно закричал Майкл.

— Лети же! — не выдержала Джейн.

Даже Близнецы — и те замахали руками.

Жаворонок быстро наклонил голову и, выдернув из хвоста самое большое и красивое перо, сунул его за ленточку на шляпке Мэри Поппинс.

— Чир-чир-чирап! — пропел он и, расправив крылья, взмыл в небо.

В эту же минуту в дверях появилась мисс Эндрю.

— Что?! — завопила она, увидев Майкла, Джейн и Близнецов. — Почему до сих пор не в кроватях? Какое безобразие! Все хорошо воспитанные дети... — она уничтожающе посмотрела на Мэри Поппинс, — должны ровно в пять часов лежать в кроватях! Я непременно поговорю с вашим отцом!

Она оглянулась.

— Ну-ка, ну-ка, где я оставила своего... — внезапно она осеклась. Открытая пустая клетка стояла возле ее ног. Мисс Эндрю уставилась на нее, не веря собственным глазам.

— Почему? Когда? Где? Что? Кто? — еле слышно прохрипела она. Однако скоро голос к ней вернулся.

— Кто снял с клетки платок? — взревела она так, что дети задрожали от страха.

— Кто открыл клетку?

Молчание.

— Где мой Карузо?

В полной тишине мисс Эндрю яростно сверлила детей глазами. Наконец ее жаждущий мщения взгляд остановился на Мэри Поппинс.

— Это вы! — указала она на нее огромным пальцем. — По лицу вижу! Да как вы посмели! Сегодня же убирайтесь вон из этого дома! Дерзкая, негодная, отвратительная...

— Чирп! Чирап! — донесся сверху взрыв звонкого смеха.

Мисс Эндрю подняла голову. Весело маша крылышками, жаворонок кружил над подсолнухами.

— О, Карузо! Вот ты где! — воскликнула мисс Эндрю. — Сейчас же возвращайся! Не заставляй меня ждать! Скорее залетай в свою чистую и красивую клетку! Ну, Карузо! Я сама закрою за тобой дверцу!

Но жаворонок продолжал парить над садом и звонко смеяться, запрокидывая голову и хлопая себя по бокам крыльями. Мисс Эндрю нагнулась и, схватив клетку, подняла ее над головой.

— Карузо! Что я сказала? Сейчас же вернись! — кричала она, грозя жаворонку клеткой.

Вместо ответа жаворонок стремительно пролетел рядом с ней и сделал круг над шляпкой Мэри Поппинс.

— Чирп! Чирап! — проронил он, стрелой проносясь мимо.

— Замечательно! — кивнула ему Мэри Поппинс.

— Карузо! Ты слышишь меня? — надрывалась мисс Эндрю. Однако в ее голосе уже слышалась некая неуверенность. Она поставила клетку и попыталась поймать жаворонка руками. Но тот увернулся и, взмахнув несколько раз крыльями, взлетел еще выше. Вот он что-то просвистел Мэри Поппинс.

— Готово! — отозвалась она.

И тут началось нечто невероятное. Мэри Поппинс устремила пристальный взгляд на мисс Эндрю. Словно околдованная им, мисс Эндрю задрожала всем телом, судорожно глотнула воздуха, сделала несколько неуверенных шагов вперед — и молниеносно бросилась к клетке. А затем то ли мисс Эндрю стала меньше, то ли клетка больше — Джейн с Майклом так и не поняли, — единственное, что они ясно увидели, это как дверца клетки с легким щелчком захлопнулась следом за мисс Эндрю.

— Ах! Ах! Ах! — закричала она, увидев, что жаворонок, спустившись вниз и ухватив

клетку за кольцо, взлетает в небо.

— Что со мной? Куда я лечу? — вопила мисс Эндрю, поднимаясь над садом.

— Мне тесно! Мне трудно дышать!

— Ему тоже было трудно! — спокойно отозвалась Мэри Поппинс.

— Откройте дверь! Отворите! Выпустите меня, говорят вам! Выпустите!

— Гм! Как бы не так! — усмехнувшись, тихо ответила Мэри Поппинс.

А жаворонок поднимался все выше и выше, и звонкая песня разносилась по небу. Тяжелая клетка с мисс Эндрю качалась из стороны в сторону, и временами казалось, что она вот-вот выпадет из его цепких коготков.

— Я, которая так хорошо воспитана! Которая никогда не ошибается! Которая всегда и во всем права! Я не переживу этого, — доносились до детей вопли мисс Эндрю, которая яростно барабанила кулаками по прутьям клетки. Мэри Поппинс тихо и как-то странно засмеялась. Жаворонка теперь было едва видно, но он все кружил над ними, распевая свою победную песню. Клетка вместе с мисс Эндрю кружила вместе с ним, тяжело переваливаясь с боку на бок, словно корабль во время шторма.

— Выпустите меня! Выпустите меня! — визжала мисс Эндрю.

Внезапно жаворонок изменил направление. Его песня на мгновение смолкла, но скоро зазвучала опять, звонкая и свободная. Разжав лапки и избавившись таким образом от клетки, жаворонок устремился на Юг.

— Все. Улетел, — сказала Мэри Поппинс.

— Куда? — закричали Джейн и Майкл.

— Домой — в родные луга! — ответила она, продолжая смотреть в небо.

— Но он уронил клетку! — пробормотал Майкл, глядя во все глаза на происходящее.

А посмотреть действительно было на что! Кувыркаясь в воздухе, клетка стремительно падала вниз. Кувыркалась вместе с ней и мисс Эндрю, переворачиваясь то вниз, то вверх головой. А клетка, набирая скорость, неумолимо приближалась к земле... Ба-бах! — шлепнулась она прямо на ступеньки перед парадной дверью. Отчаянным усилием мисс Эндрю удалось открыть дверцу и... Джейн с Майклом увидели, что она снова стала прежнего роста. Нет, намного выше и страшнее! Несколько мгновений она стояла, задыхаясь от ярости, и не могла выговорить ни слова. Ее лицо было багровым-пребагровым, почти малиновым.

— Как вы посмели! — произнесла она наконец хриплым шепотом, указывая на Мэри Поппинс трясущимся пальцем. Но Джейн с Майклом видели, что в глазах мисс Эндрю уже нет былой злобы и презрения. В них остался только страх.

— Вы... вы... — запинаясь, бормотала она, — жестокая, дерзкая и своевольная девчонка. Как вы могли, как вы могли?

Мэри Поппинс взглянула на нее в упор, и мисс Эндрю тут же замолчала. Некоторое время Мэри Поппинс из-под полуприкрытых век мстительно разглядывала громоздкую фигуру.

— Вы сказали, что я не умею воспитывать детей, — произнесла она медленно и очень отчетливо.

Мисс Эндрю попятилась и задрожала от страха.

— Я... я извиняюсь, — заикаясь, проговорила она.

— Что я дерзкая и ни на что не способна! Что мне ни в коем случае нельзя доверять! — продолжала Мэри Поппинс спокойным, ровным голосом.

Казалось, мисс Эндрю вся как-то съежилась под ее пристальным взглядом.

— Я-я ошиблась! В-виновата! — слышалось ее невнятное бормотание.

— Что я — Молодая Особа! — неумолимо наступала на нее Мэри Поппинс.

— Беру свои слова обратно! — лепетала мисс Эндрю. — Все до одного! Только отпустите! Больше я ничего не прошу!

Ломая руки, она смиренно смотрела в глаза Мэри Поппинс.

— Я уеду, — шептала она. — Да, уеду отсюда! Только отпустите меня!

Мэри Поппинс немного подумала, потом махнула рукой:

— Уезжайте!

У мисс Эндрю вырвался вздох облегчения.

— О, спасибо! Спасибо! Большое спасибо!

Не сводя глаз с Мэри Поппинс, она пятилась по ступенькам. Потом повернулась и, спотыкаясь, побежала по садовой дорожке. Таксист, который все это время выгружал багаж мисс Эндрю, как раз собрался уезжать и теперь заводил мотор. Мисс Эндрю подняла дрожащую руку.

— Стойте! — хрипло закричала она. — Подождите меня! Десять шиллингов на чай, если сейчас же увезете меня отсюда!

Шофер уставился на нее.

— Вот! Вот! — говорила мисс Эндрю, лихорадочно шаря в карманах. — Вот. Возьмите! И быстрее, быстрее поехали!

Забравшись в машину, она рухнула на сиденье. Таксист, ничего не понимая, захлопнул за ней дверцу и стал быстро грузить вещи обратно. Смахнув с горы чемоданов Робертсона Эя, успевшего к тому времени на них заснуть, он с таким рвением взялся за дело, что через минуту-другую багаж был полностью уложен.

— Похоже, старушка немного того. Никогда еще не видел ничего подобного! Никогда! — пробормотал таксист, трогаясь с места. А о том, что произошло на самом деле, он так и не узнал, да и вряд ли узнает, пусть даже ему и доведется прожить до ста лет...

— А где мисс Эндрю? — спросила миссис Бэнкс, выглянув из дома в поисках гостыи.

— Уехала, — ответил Майкл.

— Как это уехала?

Миссис Бэнкс была крайне удивлена.

— Кажется, она раздумала жить в нашем доме, — объяснила Джейн.

Миссис Бэнкс нахмурилась.

— Мэри Поппинс, что это все означает?

— Понятия не имею, мадам, — отозвалась Мэри Поппинс так спокойно, словно все происходящее не имело к ней ни малейшего отношения. Она посмотрела на свою новую блузку и расправила складку.

Миссис Бэнкс недоуменно покачала головой:

— Как это все странно! Ничего не понимаю!

В это время ворота осторожно открылись и тут же тихо захлопнулись. Скоро все увидели мистера Бэнкса, который на цыпочках крался по садовой дорожке.

Поняв, что его обнаружили, мистер Бэнкс застыл на одной ноге. Было похоже, что он сильно нервничает.

— Ну как? Приехала? — громким шепотом спросил он.

— Приехала и уехала, — ответила миссис Бэнкс.

Мистер Бэнкс опешил.

— Как уехала? Ты имеешь в виду... Что, она действительно уехала? Мисс Эндрю?

Миссис Бэнкс кивнула головой.

— Вот радость-то! Вот радость! — вскричал мистер Бэнкс и, подхватив полы своего плаща, пустился в пляс. Кружась и подпрыгивая, он отплясывал шотландскую джигу прямо на садовой дорожке. Внезапно он остановился.

— Но как? Когда? Почему? — нетерпеливо поинтересовался он.

— На такси. Только что. Из-за того, что дети ей, кажется, нагубили. Она мне жаловалась на них. Ничего другого я просто не могу придумать. А вы, Мэри Поппинс?

— Нет, мэм, не могу, — сказала Мэри Поппинс и с величайшей тщательностью сдула пылинку со своей новой блузки.

Мистер Бэнкс повернулся к Джейн и Майклу с выражением сожаления на лице.

— Вы нагубили мисс Эндрю? Моей Гувернантке? Этой милой старушке? Мне стыдно

за вас! Очень стыдно! — сказал он строгим тоном, но ребята видели, что в глазах у него то и дело вспыхивали искорки смеха. — Я самый несчастный человек на свете! — пожаловался мистер Бэнкс, засовывая руку в карман. — Весь день я надрываюсь на работе, чтобы дать вам приличное воспитание — и вот благодарность! Нагругить мисс Эндрю! Подумать только! Какой стыд! Не знаю, смогу ли я когда-нибудь простить вас. Но... — продолжал он, доставая из кармана две монетки по шесть пенсов и торжественно вручая по одной Майклу и Джейн, — я все-таки постараюсь!

Он широко улыбнулся и направился к двери.

— Ого! — воскликнул он, споткнувшись о пустую клетку. — Чье это? Откуда?

Мэри Поппинс и дети молчали.

— Ну, ничего, — махнул рукой мистер Бэнкс, — теперь эта клетка моя. Отнесу-ка я ее в сад. Из нее получатся хорошие струны для гороха.

И, подхватив клетку, он, весело насвистывая, удалился...

— Ну, — строго сказала Мэри Поппинс, проводив ребят в Детскую. — Хорошо же вы себя ведете! Нагругили госте своего отца!

— Но мы не грубили! — возмутился Майкл. — Я только сказал, что она Страх Господень. Папа сам ее так назвал!

— Вы считаете, что отослать ее обратно, когда она только приехала — не грубость? — спросила Мэри Поппинс.

— Но мы не отсылали ее! — удивилась Джейн. — Это вы...

— Что? Я нагругила госте вашего отца? — Мэри Поппинс обернулась и, уперев руки в бока, смерила Джейн негодующим взглядом. — Что ты себе позволяешь?

— Нет-нет, вы, конечно, не нагругили, но...

— Никаких «но»! — оборвала ее Мэри Поппинс, снимая шляпку и развязывая передник. — Я получила лучшее воспитание! — и, фыркнув, она начала раздевать Близнецов.

Майкл вздохнул. Он знал, что спорить с Мэри Поппинс совершенно бесполезно. Взглянув на Джейн, он увидел, что она вертит в руках свой шестипенсовик.

— Майкл! — позвала она. — Я вот все думаю...

— О чем?

— Папа дал их нам потому, что решил, будто это мы отослали мисс Эндрю обратно.

— Знаю.

— Но ведь это были не мы, а Мэри Поппинс!

Майкл шаркнул ногой по полу.

— И ты считаешь... — медленно начал он, втайне надеясь, что это вовсе не то, о чем он подумал.

— Да, считаю, — сказала Джейн и кивнула головой.

— Но... но я сам хочу их потратить!

— Я тоже... Но это было бы нечестно! Они принадлежат ей!

Майкл довольно долго молчал.

— Ну ладно, — вздохнул он и с сожалением достал из кармана монету.

Потом они вместе подошли к Мэри Поппинс. Джейн протянула ей деньги.

— Вот, пожалуйста! — выдохнула она. — Мы думаем, что вы должны их взять.

Мэри Поппинс взяла монеты и повертела их в руках. Затем долго разглядывала детей, и им казалось, что ее взгляд проникает в их самые сокровенные мысли.

— Гм! — сказала наконец Мэри Поппинс и опустила монеты в карман передника. — Позаботьтесь о пенсах, а фунты позаботятся о себе сами!

— Думаю, они вам пригодятся, — вздохнул Майкл и с грустью посмотрел на карман, в котором исчезла его монетка.

— Думаю, что да, — насмешливо ответила Мэри Поппинс, включая свет в ванной...

Глава третья. Злополучная среда

Тик-так! Тик-так!

Маятник часов в Детской медленно раскачивался взад и вперед. Слово старушка качала головой.

Тик-так! Тик-так!

Вдруг часы перестали тикать и начали ворчать и скрипеть — вначале тихо, но потом все громче и громче, точно накануне подхватили простуду. Потом они так затряслись, что вместе с ними задрожала каминная полка. Пустая банка из-под варенья подскочила и тоненько звякнула. Гребенка Джона, забытая здесь с вечера, заплясала на своих зубьях. Королевское Фарфоровое Блюдо, подаренное миссис Бэнкс ее двоюродной тетушкой Каролиной, покатилося по каминной полке, и нарисованные на нем три мальчика (на картинке они играли в лошадки) перевернулись вниз головой.

Потом, когда начало казаться, что часы вот-вот взорвутся, они начали бить.

Один! Два! Три! Четыре! Пять! Шесть! Семь!

С последним ударом Джейн проснулась.

Солнце пробивалось в щель между занавесками и рассыпалось золотистыми пятнами по одеялу. Джейн села и оглядела Детскую. С кровати Майкла не доносилось ни звука. Близнецы тихо посапывали в своих колыбельках.

— Только одна я проснулась! — подумала Джейн с гордостью. — Все в мире спят, кроме меня! Я могу лежать в одиночестве и думать, думать, думать...

Она поджала колени и уютно свернулась клубочком, как в гнездышке.

— Я птичка! — сказала она себе. — Только что я снесла семь красивых беленьких яичек и теперь их высиживаю! Ко-ко! Ко-ко! — издала она тихий звук, отдаленно напоминающий кудахтанье. — А потом, когда пройдет много времени, — ну, скажем, полчаса, — раздастся тоненький писк и слабый-слабый стук. Скорлупа расколется, и из яиц вылупится семь маленьких птенчиков — три желтеньких, два коричневых и два...

— Пора вставать!

Мэри Поппинс, появившись неизвестно откуда, сдернула с Джейн одеяло.

— О, нет! Нет! — захныкала Джейн, натягивая его опять.

Она очень рассердилась на Мэри Поппинс: ворвалась, все испортила!

— Не хочу вставать! — сказала она, уткнувшись лицом в подушку.

— Неужели? — спросила Мэри Поппинс спокойно, совершенно не реагируя на ее слова.

— О, Боже! — пожаловалась Джейн. — И почему это я всегда должна вставать первая?

— Потому что ты старшая! Вот почему! — объяснила Мэри Поппинс, подталкивая ее к ванне.

— Но я не хочу быть старшей! Почему Майкл не может быть старшим хоть иногда?

— Потому что ты родилась первой! Понятно?

— А я не просила об этом! Я устала быть старшей! Я хотела подумать!

— Ты вполне можешь думать и чистить зубы одновременно.

— Но это будут уже не те мысли!

— А никто и не держит в голове одни и те же мысли все время!

— Я держу!

Мэри Поппинс бросила на нее быстрый, суровый взгляд. — Ну все, хватит! Спасибо!

И по ее тону Джейн сразу поняла, что она говорит серьезно.

Повернувшись, Мэри Поппинс пошла будить Майкла.

Джейн отложила зубную щетку и села на край ванны.

— Это несправедливо! — хныкала она, ковыряя линолеум большим пальцем ноги. — Заставлять меня делать всякие дурацкие вещи только потому, что я старшая! Не буду чистить

зубы!

И тотчас же сама на себя удивилась. Обычно ей наоборот нравилось, что она старше Майкла и Близнецов. Это делало ее главнее, значительнее их. Но сегодня... Сегодня ее это только злило и раздражало.

— Если бы Майкл был старшим, у меня бы хватило времени высидеть птенцов! — бурчала она себе под нос, думая, что день начался просто отвратительно.

К несчастью, дальше дела, вместо того, чтобы исправиться, пошли еще хуже.

За завтраком Мэри Поппинс обнаружила, что воздушного рису хватает только на три порции.

— Что ж, Джейн придется довольствоваться овсянкой, — сказала она, расставляя тарелки и сердито фыркая, потому что терпеть не могла готовить овсянку (в ней всегда образовывалось слишком много комков).

— Но почему? — захныкала Джейн. — Я хочу рису.

Мэри Поппинс негодующе посмотрела на нее.

— Потому что ты старшая!

Опять! Опять это противное слово! Джейн пнула под столом ножку своего стула, надеясь, что сумела ободрать полировку.

Овсянку есть она старалась как можно медленнее, пережевывая ее вновь и вновь и почти совсем не глотая.

— Вот бы умереть от голода! — мстительно подумала она. — Пусть тогда жалеют!

— Какой сегодня день? — весело спросил Майкл, выскребая из тарелки остатки воздушного риса.

— Среда, — ответила Мэри Поппинс. — Смотри не соскреби рисунок с тарелки!

— Значит сегодня мы идем к мисс Ларк пить чай!

— При условии, что будете себя хорошо вести! — мрачно добавила Мэри Поппинс, словно не очень-то верила, что такое возможно.

Но Майкл был в хорошем расположении духа и не обратил на ее замечание ни малейшего внимания.

— Среда! — завопил он, барабанив ложкой по столу.—

Лучшего дня для Джейн не найдешь!

Родился в среду — горя хлебнешь!

Она родилась в среду и поэтому получила

Овсянку вместо риса!

— поддразнил он Джейн, переделав на ходу известный стишок.¹

Джейн насупилась и пнула Майкла ногой под столом. Но он успел увернуться и, довольный этим, засмеялся.

— Родился в понедельник — пригож лицом, Родился во вторник — ловок умом, — продекламировал он. — Что ж, это правда. Близнецы довольно ловкие, а они родились как раз во вторник. А я родился в понедельник. Значит я — пригож лицом.

---

¹ Стихотворение из знаменитого английского сборника детских стихов, песенок и загадок «Рифмы Матушки Гусыни»:

Родился в понедельник — пригож лицом,
Родился во вторник — ловок умом,
Родился в среду — горя хлебнешь,
Родился в четверг — далеко пойдешь,
Родился в пятницу — талантливый будешь,
Родился в субботу — про отдых забудешь,
А родился в воскресенье — впереди одно везенье!

Джейн презрительно рассмеялась.

— Да, — повторил Майкл, — я сам слышал, как миссис Брилл говорила Элен, что я такой же красивый, как полкроны!

— Ну, это не так красиво, как тебе кажется! — возразила Джейн. — А кроме того — у тебя нос курносый!

Майкл обиженно посмотрел на нее. И опять Джейн сама на себя удивилась. В любое другое время она бы с ним согласилась, так как считала Майкла очень симпатичным мальчиком. Но только не теперь!

— Да, а еще ты косолапый! — зло сказала она. — Кривоножка! Кривоножка!

Майкл бросился на нее.

— Сейчас же прекратить! — прикрикнула Мэри Поппинс, свирепо глядя на Джейн. — Если и есть в этом доме кто-то действительно красивый, то это... — она замолчала и с самодовольной улыбкой посмотрелась в зеркало.

— Кто? — в один голос воскликнули Джейн и Майкл.

— Тот, кто не носит фамилию Бэнкс! — отрезала Мэри Поппинс. — Вот кто!

Майкл искоса взглянул на Джейн, как он делал всегда, когда Мэри Поппинс говорила что-нибудь непонятное. Но Джейн, несмотря на то, что почувствовала его взгляд, притворилась, будто ничего не замечает. Она отвернулась и вынула из шкафа свою коробку с красками.

— Не хочешь поиграть в поезда? — спросил Майкл.

— Нет, не хочу. Я хочу побыть одна!

— Ну, мои дорогие, как дела сегодня?

Миссис Бэнкс вбежала в Детскую и торопливо поцеловала детей. У нее было так много всяких дел, что просто ходить (а не бегать) она не могла.

— Майкл! — быстро сказала она, — тебе нужны новые сандалии — у тебя все пальцы наружу. Мэри Поппинс, боюсь, Джона уже пора стричь. Барбара, крошка моя, не нужно сосать пальчик! Джейн, сбегай вниз и скажи миссис Брилл, чтобы она не покрывала сливовый торт глазурью. Пусть оставит, как есть.

Опять! Опять никакого покоя! Стоит ей чем-то заняться, как для нее тут же находится работа!

— Но, мама! Почему я? Почему Майкл не может сбежать?

Миссис Бэнкс удивленно посмотрела на Джейн.

— Я думала, тебе нравится мне помогать! Ты же знаешь, что Майкл постоянно все забывает и путает! Кроме того, ты — старшая! Ну, сбегай, не ленись.

Джейн поплелась по ступенькам так медленно, как только могла. Она очень надеялась, что придет слишком поздно и миссис Брилл уже покроет торт глазурью.

Джейн снова удивилась собственным мыслям. В ней словно поселился еще один человек — со скверным характером и капризным лицом. Он-то и заставлял ее весь день злиться и своевольничать.

Джейн передала сообщение миссис Брилл и очень огорчилась, что успела как раз вовремя.

— Что ж, меньше хлопот, — заметила миссис Брилл. — И вот еще что, — добавила она добродушно, — сбегай, пожалуйста, в сад и напомни этому Робертсону, чтобы он наточил ножи. А то у меня всего одна пара ног, да и то старых.

— Не могу. Я занята.

Теперь настал черед миссис Брилл удивляться.

— Ну, будь хорошей девочкой! Я и стою-то с трудом, где уж мне бегать?

Джейн вздохнула. И почему они не могут оставить ее в покое?

С грохотом захлопнув ногой кухонную дверь, Джейн поплелась в сад.

Робертсон Эй спал на садовой дорожке, подложив под голову лейку. Он так храпел, что его жидкие волосы в такт дыханию то стремительно взлетали, то снова безвольно опадали. Особый талант Робертсона Эя состоял в том, что он мог спать где угодно, когда угодно и —

самое главное — сколько угодно. Он вообще предпочитал сон бодрствованию. Обычно Джейн с Майклом, когда могли, предупреждали Робертсона Эя, чтобы родители не застали его спящим. Но сегодня все было по-другому. Вселившееся в Джейн существо со скверным характером ничуть не заботилось о Робертсоне Эе.

— Всех ненавижу! — сказала она и изо всей силы двинула ногой по лейке.

Робертсон Эй так и подскочил.

— На помощь! Убивают! Пожар! — завопил он, размахивая руками.

Протерев глаза, он заметил Джейн.

— О, это всего лишь ты, — протянул он разочарованно, словно надеялся увидеть что-то более интересное.

— Иди и наточи ножи. Сейчас же! — приказала Джейн.

Робертсон Эй медленно поднялся на ноги и встряхнулся.

— О-хо-хо, — грустно вздохнул он, — вот так всегда. То одно, то другое. Ни минуты покоя. Только хотел отдохнуть...

— Да ты только этим и занимаешься! — безжалостно сказала Джейн. — Все время спишь!

Робертсон Эй обиженно посмотрел на нее. В любой другой день Джейн стало бы нестерпимо стыдно за свои слова, но сегодня ей было все нипочем.

— Говорить такие вёщи! — с укором покачал головой Робертсон Эй. — А еще старшая! Вот уж не думал! Вот не ждал!

И, еще раз обиженно взглянув на Джейн, он поплелся на кухню.

— Он, наверное, никогда не простит меня, — подумала Джейн. Но тут, словно в ответ на ее мысли, существо со скверным характером пропищало изнутри: «Ну и ладнр! А меня не волнует!»

Вздернув голову, Джейн медленно отправилась в Детскую, вытирая по дороге грязную руку о недавно побеленную стену.

Мэри Поппинс наверху чистила мебель.

— На похороны или с похорон? — спросила она у вошедшей Джейн.

Джейн мрачно на нее посмотрела и ничего не ответила.

— Кажется, кто-то ищет себе неприятностей. А тот, кто ищет, обязательно найдет!

— А меня не волнует!

— «Не волнует» еще затоскует. «Не волнует» решили казнить, — усмехнулась Мэри Поппинс, откладывая щетку в сторону.

— А теперь, — она строго посмотрела на Джейн, — я иду обедать. Присмотри за Близнецами. И если я услышу Хоть Одно Слово... — она не закончила фразу и угрожающе фыркнув, вышла из комнаты.

Джон и Барбара подбежали к Джейн и схватили ее за руки. Но она высвободилась и сердито оттолкнула Близнецов.

— Как бы мне хотелось быть единственным ребенком! — сказала она с горечью.

— А ты убеги из дома, — предложил Майкл. — Может, кто-нибудь тебя усыновит.

Джейн с удивлением посмотрела на него.

— Но ты будешь скучать без меня!

— Нет, не буду, — спокойно возразил Майкл. — Потому что ты все время злишься. И краски твои тогда мне достанутся.

Чтобы показать, кто на самом деле хозяин красок, Джейн достала альбом, кисточки и разложила все на полу.

— Нарисуй часы, — дружески посоветовал Майкл.

— Нет.

— Ну, тогда Королевское Фарфоровое Блюдо!

Джейн подняла взгляд. По зеленому лугу, изображенному на Блюде, играя в лошадки, бежали три маленьких мальчика. В любой другой день Джейн с удовольствием стала бы их рисовать, но сегодня ей не хотелось ни с кем соглашаться. Ей хотелось делать все наоборот.

— Не буду. Сама знаю, что рисовать!

И она стала рисовать себя. Как она совершенно одна высиживает птенцов...

Майкл с Джоном и Барбарой, расположившись рядом на полу, наблюдали за работой.

Джейн так увлеклась, что почти забыла о своем плохом настроении.

Майкл подался вперед.

— Почему бы тебе не нарисовать курицу — вот здесь?

Он ткнул пальцем в рисунок и нечаянно толкнул Джона. Тот повалился набок и задел ногой стакан. Грязная вода большущей лужей разлилась по рисунку.

С криком Джейн вскочила на ноги.

— О! Я не вынесу этого! Ах ты медведь! Ты все испортил! — И, бросившись на Майкла, она с такой силой толкнула его, что он отлетел в сторону и упал прямо на Джона. Близнецы взвыли от боли и страха, но громче всех вопил Майкл.

— О! Голова разбилась! Что мне теперь делать! О! Голова разбилась! Что мне теперь делать! — повторял он снова и снова.

— А меня не волнует! Не волнует! — кричала Джейн. — Все время приставал, а теперь рисунок испортил! Ненавижу тебя! Ненавижу! Ненавижу!

Дверь распахнулась. Взгляд Мэри Поппинс был просто ужасен.

— Что я тебе сказала? — спросила она у Джейн утрашающе спокойным голосом. — Если услышу Хоть Одно Слово! И вот результат! Думаю, что гости для тебя на сегодня отменяются. Шагу не ступишь из этой комнаты! И если это не так, то я — китаянка!

— А я и не хочу идти! С удовольствием останусь дома!

Заложив руки за спину, Джейн отошла прочь. Ей ни капельки не было жалко.

— Очень хорошо.

Голос Мэри Поппинс звучал спокойно, но было в нем что-то очень-очень страшное...

Джейн — молча наблюдала, как Мэри Поппинс одевает Майкла и Близнецов. Когда все были готовы, Мэри Поппинс достала из коробки свою лучшую шляпку и надела ее, сдвинув чуть-чуть набок. На шею она повесила золотую цепочку с медальоном и повязала красно-белый клетчатый шарф, который ей недавно подарил мистер Бэнкс. На одном конце шарфа красовалась белая метка с большими буквами «М» и «П». Улыбнувшись в зеркало своему отражению, Мэри Поппинс спрятала метку под воротник. Потом вынула из шкафа зонтик с ручкой в форме головы попугая, сунула его под мышку и вместе с детьми направилась к двери.

— У тебя будет достаточно времени, чтобы подумать! — обернувшись, ехидно заметила она. Потом громко фыркнула и захлопнула за собой дверь.

Джейн долго сидела, уставившись в одну точку. Она попыталась думать о птенцах, которых ей так и не удалось высидеть. Но — странное дело — они почему-то совсем ее не интересовали.

Вот бы теперь узнать, что Мэри Поппинс и Майкл с Близнецами делают в гостях? Наверное, играют с собаками мисс Ларк или слушают ее рассказ о родословной Эндрю или сетования на то, что Варфоломею не слишком повезло с предками (Варфоломей, как известно, был наполовину эрделем, а наполовину легавой. Причем обе эти половины были худшими).

А может они сейчас едят шоколадный торт с ореховым печеньем... Пьют чай!

— О, Боже!

Мысль о том, что она лишилась есегQ этого, да еще по собственной вине, разозлила Джейн еще больше.

Тик-так! Тик-так! — громко приговаривали часы.

— Да замолчите вы! — закричала Джейн в ярости и, схватив коробку с красками, изо всей силы швырнула в них.

Коробка, ударившись о стеклянную крышку часов, отлетела и опрокинула Королевское Фарфоровое Блюдо.

Тррах! Блюдо упало на каминную полку.

— Ой, мамочки! Что я наделала!

Джейн в страхе зажмурилась.

— Послушайте! Это же больно! — с упреком сказал чей-то звонкий голос.

Джейн вздрогнула и открыла глаза.

— Джейн! — снова послышался голос. — Вы мне коленку разбили!

Джейн быстро повернула голову. В комнате никого не было. Она подбежала к двери и распахнула ее. Опять никого!

Кто-то засмеялся.

— Я здесь, глупенькая! Наверху!

Она посмотрела на каминную полку. Рядом с часами лежало Королевское Фарфоровое Блюдо. В нем была большая трещина, а еще...

Джейн с-изумлением увидела, что один из нарисованных мальчиков бросил вожжи и, согнувшись, держится обеими руками за коленку. Двое других повернулись к нему. В их взглядах читалось сострадание.

— Но... — начала Джейн, обращаясь отчасти к непонятному голосу, а отчасти к себе самой, — я не понимаю!

Мальчик на Блюде поднял голову и улыбнулся.

— Не понимаете? Да, возможно. Я заметил, что вы с Майклом довольно часто не понимаете самых простых вещей. Правда?

Он засмеялся и обернулся к своим братьям.

— Точно, — сказал один них. — Например, не знают, как успокоить Близнецов!

— Или как нарисовать птичьи яйца! Рисуют какие-то квадраты! — отозвался второй.

— Но откуда вы знаете про Близнецов и про яйца? — спросила Джейн, покраснев.

— Ну и ну! — воскликнул первый мальчик. — Что же вы думаете, мы все время смотрим на вас и не знаем, что происходит в этой комнате? Конечно, в спальню или в ванную мы заглянуть не можем... Кстати, какого там цвета кафель?

— Розовый, — сказала Джейн.

— А у нас белый с голубым, хотите посмотреть?

Джейн колебалась. Она была так изумлена, что ничего не могла ответить.

— Пойдемте с нами! Если захотите, Вильям и Эверард будут вашими лошадками! А я побегу рядом и понесу плетку. Кстати, меня зовут Валентин. Мы — тройняшки. А еще у нас есть Кристина.

Джейн внимательно осмотрела Блюдо. Но увидела только зеленый луг, маленький ольховый лес да стоящих рядом Валентина, Вильяма и Эверарда.

— А где же Кристина? — удивилась она.

— Пойдемте — и увидите! — настойчиво повторил Валентин и протянул Джейн руку. — Почему другие должны ходить в гости, а вы нет?

Это убедило Джейн. Она покажет Майклу и Близнецам, что не только они могут ходить в гости! А как они будут ей завидовать! Они еще пожалеют, что так плохо с ней обошлись!

— Хорошо, — сказала она, подавая руку Валентину. — Я иду!

Валентин крепко схватил ее за запястье и потянул за собой. И вдруг... Джейн поняла, что она уже не в прохладной Детской, а на широком, залитой солнцем лужайке и под ногами у нее не истертый ковер, а упругая травка, пестрящая маргаритками.

— Ура! — закричали Валентин, Вильям и Эверард и заплясали от радости.

Джейн заметила, что Валентин хромает.

— Ой! — сказала она. — Я совсем забыла! Колено!

Он улыбнулся ей.

— Ничего! Я ведь знаю, что вы совсем не хотели меня ударить.

Джейн достала носовой платок и завязала ему коленку.

— Да, так гораздо лучше, — вежливо сказал Валентин и передал ей вожжи.

Вильям и Эверард, фыркая и встряхивая головами, как настоящие лошадки, со звоном помчались по лужайке, унося Джейн за собой.

Рядом, прихрамывая, бежал Валентин и весело напевал:

— Как хороша моя любовь!
Красива, как цветок лесной!
Ее к груди я приколю.
Чтобы всегда была со мной!

Вильям и Эверард подхватили песню, и их голоса слились в единый хор: «Чтобы всегда-а-а-а была-а-а-а со мно-о-о-ой!»

Джейн подумала, что песня довольно старомодная. Впрочем, длинные прически Тройняшек, их необычные костюмы и слишком уж вежливые манеры тоже показались ей очень старомодными.

— Как странно! — подумала Джейн, но тут же решила, что здесь гораздо интересней, чем в гостях у мисс Ларк, и что Майкл сильно ей позавидует, когда она обо всем ему расскажет.

А лошадки бежали, унося Джейн все дальше и дальше от Детской. На минуту она придержала вожжи и оглянулась. Сзади, где-то за лугом, маячил край Блюда. Он казался тонким и очень-очень далеким. Джейн стало как-то не по себе. Что-то внутри говорило ей, что надо возвращаться.

— Ну все, мне пора, — сказала она и бросила вожжи.

— О, нет, нет, нет! — закричали Тройняшки, обступая ее кольцом.

Какие-то странные нотки в их голосах насторожили Джейн еще больше.

— Меня дома будут искать. Я пойду, — быстро сказала она.

— Но еще очень рано! — возразил Валентин. — Они вряд ли вернулись от мисс Ларк! Идемте! Я покажу вам свои краски.

Это было очень заманчиво.

— А у тебя есть Китайская Белая? — спросила Джейн, потому что именно этой краски не хватало в ее наборе.

— Есть! В серебряном тюбике! Идемте!

Против своего желания Джейн пошла вперед.

«Только взгляну на краски — и сразу домой, — подумала она, — даже порисовать не попрошу!»

— Но где же ваш дом? Его нет на Блуде!

— Конечно есть! Просто его не видно из-за леса. Идемте!

Они вошли под темные своды старого леса. Сухие листья шуршали под ногами. Иногда, громко хлопая крыльями, с ветки на ветку перелетали голуби. Вильям показал Джейн гнездо малиновки в густе хвороста, а Эверард сплел из листьев венки и надел его Джейн на голову. Но несмотря на все знаки внимания, она все время чувствовала какое-то смутное беспокойство и поэтому очень обрадовалась, когда они наконец вышли из леса.

— Вот он! — взмахнул рукой Валентин.

И Джейн увидела огромный каменный дом, сплошь увитый плющом. Это был самый старый дом из всех, которые ей только приходилось встречать. Он угрожающе нависал над ней, а львы, сидящие по обеим сторонам от входа, казались, готовились к прыжку.

Джейн вздрогнула, когда тень от дома упала на нее.

— Я ненадолго, — с тревогой в голосе сказала она. — Уже поздно.

— Всего на пять минут! — заверил Валентин, увлекая ее в прихожую.

Звук их шагов гулко отдавался от каменных стен. Холодный ветер зловеще свистел в коридоре. Кроме Джейн и Тройняшек во всем доме, похоже, не было ни души.

— Кристина! Кристина! — позвал Валентин, ведя Джейн по ступенькам куда-то вверх. — Она здесь!

Его голос эхом разнесся по дому. Все стены, казалось, разом пугающе загудели:

— Она здесь! Она здесь! Она здесь!

Вдруг послышались быстрые шаги и из распахнувшейся двери выбежала девочка, одетая в старомодное пышное платье. Подлетев к Джейн, она бросилась ее обнимать.

— Наконец-то! Наконец-то! — кричала она радостно. — Мальчики так давно следили за тобой! Но им никак не удавалось тебя поймать — ты всегда была такая счастливая!

— Поймать меня? — переспросила Джейн. — Не понимаю...

Ей стало страшно. Она уже жалела о том, что согласилась пойти сюда...

— Прадедущка все объяснит! — сказала Кристина и как-то странно засмеялась.

Проведя Джейн чуть дальше по лестнице, она толкнула темную дверь.

— Хе-хе-хе! Что там такое? — раздался высокий, надтреснутый голос.

Джейн вздрогнула и отпрянула назад, к Кристине.

В дальнем конце комнаты, в кресле у камина, сидела фигура, при виде которой Джейн почувствовала невыразимый ужас. Отблески огня освещали древнего старика, такого древнего, что он скорее походил на тень, чем на человека. Бледные тонкие губы, жидкая седая борода, темная бархатная шапочка, прикрывающая совершенно голый, будто яйцо, череп. Одет он был в старомодный халат из выцветшего шелка и в вышитые туфли, свободно болтавшиеся на его тощих ногах.

— Ну, что ж, — сказала темная фигура, вынимая изо рта длинную изогнутую трубку. — Значит, Джейн наконец прибыла.

Старикашка поднялся и приблизился к ней. По его лицу блуждала какая-то жуткая улыбка, а глубоко запавшие глаза блестели недобрым огнем.

— Надеюсь, путешествие прошло хорошо, моя дорогая? — проскрипел он и, прижав к себе Джейн костлявой рукой, поцеловал ее в щеку. От прикосновения его седой бороды Джейн вскрикнула и отскочила назад.

— Хе-хе-хе! — засмеялся старик ужасным, скрипучим смехом.

— Она пришла из-за леса вместе с мальчиками, Прадедущка! — сказала Кристина.

— А? А как они ее поймали?

— Ей надоело быть самой старшей. Она швырнула в Блюдо коробку с красками и разбила Валентину коленку.

— Так, — просвистел жуткий, скрипучий голос, — капризы! Хорошо, хорошо... — он пискляво захихикал. — У нас ты будешь самой младшей! Моей самой младшей праправнучкой. Но учти, капризничать здесь не позволено! Хе-хе-хе! Вот так, дорогуша! Ну, подходи поближе и присаживайся к огню. Что будешь — чай или вишневую наливку?

— Нет, нет! — вырвалось у Джейн. — Это какая-то ошибка! Мне нужно домой! Я живу в доме № 17 по Вишневой улице!

— Жили, вы хотите сказать, — торжествующе поправил ее Валентин. — Теперь вы живете здесь!

— Как вы не понимаете! — вскричала Джейн в отчаянии. — Я не хочу здесь жить! Я хочу домой!

— Ерунда! — оборвал ее Прадедущка. Дом № 17 — ужасное место! Тесное и душное! Повсюду эти новомодные штучки... К тому же там ты была несчастлива! Хе-хе-хе! Я знаю, что значит — быть старшей! Это значит все время работать вместо того, чтобы развлекаться! Хе-хе-хе. Но у нас... — он взмахнул трубкой, — у нас ты будешь Маленькой Милой Крошкой, Золотком, Сокровищем! И ты никогда не вернешься назад!

— Никогда! — будто эхо, подхватили Вильям и Эверард, танцуя вокруг Джейн.

— Вернись! Вернись! — заплакала Джейн, и слезы ручьями потекли у нее из глаз.

Прадедущка улыбнулся своей страшной беззубой улыбкой.

— Неужели ты думаешь, что мы отпустим тебя просто так? — спросил он, и его глаза недобро сверкнули. — Ты разбила наше Блюдо — и поэтому должна заплатить выкуп! Кристина, Валентин, Вильям и Эверард хотят, чтобы ты стала их младшей сестрой. А я хочу,

чтобы ты была моей самой маленькой праправнучкой. Кроме того, ты нам задолжала и еще кое-что — ведь ты разбила Валентину коленку.

— Я извинюсь перед ним... Я отдам ему свои краски!

— У него уже есть краски.

— Тогда я отдам обруч!

— Он уже вышел из этого возраста.

— Ну тогда... — Джейн запнулась. — Тогда я выйду за него замуж, когда вырасту.

Прадедущка подавился смехом.

Джейн умоляюще взглянула на Валентина. Тот покачал головой.

— Боюсь, что это слишком поздно, — грустно сказал он, — ведь я давно вырос...

— Но почему... но как... О! Я ничего не понимаю! Где я? — плакала Джейн, в ужасе оглядываясь вокруг.

— Очень далеко от своего дома, моя детка, очень далеко, — проскрипел Прадедущка. — Ты перенеслась в Прошлое. На шестьдесят лет назад, когда мальчики и Кристина были еще маленькими...

Сквозь слезы Джейн видела его страшные глаза, горящие, словно языки пламени.

— Но... но как я вернусь домой? — всхлипывала она.

— Ты не вернешься. Ты останешься здесь. Другого выхода просто нет. Помни, это далекое Прошлое! Ни Близнецы, ни Майкл, ни даже твои Папа с Мамой еще не родились! Дом № 17 еще не построен! Так что забудь о возвращении домой!

— Нет! Нет! — кричала Джейн. — Это неправда! Этого не может быть!

Сердце ее бешено колотилось. Никогда больше не увидит Майкла, Близнецов, Маму с Папой, Мэри Поппинс!

И она закричала, что было силы:

— Мэри Поппинс! Мэри Поппинс! Помогите! Я больше никогда не буду себя так вести! Помогите! Мэри Поппинс!

Ее голос эхом разнесся по каменным коридорам.

— Быстрее! Быстрее! Хватайте ее! Окружайте! — услышала она визгливые команды старика.

Четверо ребят окружили ее тесным кольцом...

Джейн в страхе зажмурилась.

— Мэри Поппинс! Мэри Поппинс! — закричала она опять.

Вдруг чья-то рука схватила ее и вырвала из объятий Кристины, Валентина, Вильяма и Эверарда.

— Хе-хе-хе! — разнесся по комнате хриплый Прадедущкин смех.

Джейн почувствовала, что ее взяли за руку и куда-то ведут. Не решаясь еще раз взглянуть в эти ужасные, горящие злобой глаза, Джейн изо всех сил старалась разжать цепкие пальцы.

— Хе-хе-хе! — слышалось где-то рядом, а Джейн все вела и вела по каменным ступенькам, по гулким коридорам...

Все, теперь ей не спастись! Голоса Кристины и Тройняшек смолкли вдали. Теперь и они не смогут прийти ей на помощь!

Она слышала чьи-то легкие шаги и чувствовала, даже несмотря на то, что глаза были закрыты, как темные тени пробегают по ее лицу, как шуршит под ногами листва.

Что происходит? Куда ее ведут? О, зачем она была такой грубой сегодня! Зачем была такой злой!

Чья-то сильная рука по-прежнему вела ее вперед, и вскоре Джейн почувствовала на щеке солнечный свет, а под ногами мягкую травку.

Потом крепкие, будто железо руки обхватили ее и подняли в воздух.

— О, помогите! Помогите! — закричала Джейн, колотя по ним, что есть силы. Пусть не думают, что она так просто сдастся! Она будет колотить, колотить, колотить...

— Буду очень обязана, если ты вспомнишь, — произнес у нее над ухом знакомый

голос, — что это моя лучшая юбка и что я собираюсь носить ее все лето!

Джейн открыла глаза.

Перед ней была Мэри Поппинс. Так вот чьи это были руки! Вот кто вел ее через лес, через луг...

— О! Мэри Поппинс! — воскликнула Джейн. — Это были вы! А я думала, вы не слышите меня! Я думала, что навсегда останусь там! Я...

— Некоторые люди, — заметила Мэри Поппинс, мягко опуская ее на пол, — чересчур много думают! Вот это точно! Будь добра, вытри лицо!

Она дала Джейн свой носовой платок и начала убираться в Детской.

Утирая платком заплаканное лицо, Джейн наблюдала за ней. Все в комнате было знакомо и привычно. Потертый ковер, шкаф для игрушек, кресло Мэри Поппинс... От них веяло таким теплом, таким уютom, что ее страх мгновенно улетучился. Джейн почувствовала себя несказанно счастливой.

— Не может быть, чтобы я была такой плохой, — думала она про себя. — Скорее всего это была не я, а кто-то другой!

Мэри Поппинс тем временем подошла к комоду и достала оттуда чистые ночные рубашки для Близнецов.

Джейн подбежала к ней.

— Мэри Поппинс! Можно я их просушу?

Мэри Поппинс фыркнула.

— Нет уж, спасибо! Кажется, ты и без того достаточно натворила за сегодняшний день! Лучше я попрошу Майкла, когда он придет.

Джейн покраснела.

— Пожалуйста, позвольте мне! — попросила она. — Я люблю помогать. А кроме того, я — старшая!

Мэри Поппинс уперла руки в бока и некоторое время не отводила от Джейн пристального взгляда.

— Гм! — произнесла она наконец. — Смотри не порви их от усердия! У меня и без того достаточно штюпки!

С этими словами она отдала Джейн рубашки...

— Но этого не могло случиться на самом деле! — не поверил Майкл, когда Джейн рассказала ему о своих приключениях. — Ты слишком большая для того, чтобы уместиться на Блюде!

Джейн на минуту задумалась. В ее душе тоже зародились кое-какие сомнения.

— Может, ты и прав, — сказала она. — Но тогда мне казалось, что все это по-настоящему.

— А мне кажется, что ты все это выдумала. Думала-думала — и выдумала!

Майкл сразу почувствовал себя главнее, так как сам вообще никогда не думал.

— Опять вы со своими глупостями! — Мэри Поппинс отодвинула их в сторону, чтобы уложить Близнецов в кровати.

— Может, теперь, — сердито бросила она, укрывая Джона и Барбару одеяльцами, — у меня будет хоть минута покоя!

Она сняла шляпку и уложила ее в коробку. Потом расстегнула цепочку и заботливо спрятала ее в ящик стола. Встряхнула пальто и повесила его на крючок за дверь.

— А где же ваш новый шарф? — спросила вдруг Джейн. — Неужели вы его потеряли?

— Она не могла его потерять! — удивился Майкл. — Он был на ней, когда мы возвращались домой! Я видел...

Мэри Поппинс повернулась к ним.

— Будьте добры заниматься своими делами! — раздраженно оборвала она Майкла. — А мои оставьте для меня!

— Но я только хотела помочь... — начала Джейн.

— Я в состоянии помочь себе сама! — фыркнула Мэри Поппинс.

Джейн многозначительно посмотрела на Майкла. Но он не замечал ничего. Он лишь тарачил глаза да беззвучно открывал рот.

— Что такое, Майкл?

— Ты... ты не выдумала это! — прошептал он наконец и, вытянув палец, указал на каминную полку.

Джейн подняла глаза. На каминной полке лежало треснувшее посередине Королевское Фарфоровое Блюдо. На нем по-прежнему был нарисован зеленый луг, небольшой ольховый лес и три маленьких мальчика, играющих в лошадки — двое спереди, а один, с кнутиком в руке, — сзади.

Но что это? Нога того мальчика, который правил «лошадками», была перевязана маленьким белым носовым платком, а рядом, на траве, лежал, словно оброненный кем-то в спешке, красно-белый клетчатый шарф. На одном его конце красовалась большая белая метка и два инициала — «М» и «П».

— Так вот где она его потеряла! — взволнованно прошептал Майкл. — Сказать ей, что мы его нашли?

Джейн оглянулась. Мэри Поппинс повязывала передник с таким видом, словно весь мир ее смертельно обидел.

— Лучше не надо, — прошептала она в ответ. — Думаю, ей это известно.

С минуту Джейн еще стояла, рассматривая треснувшее Блюдо, свой носовой платок и красно-белый клетчатый шарф. Затем вдруг сорвалась с места и, в одно мгновение перелетев через комнату, прижалась к белому крахмальному переднику.

— Мэри Поппинс! — кричала она. — Мэри Поппинс! Я никогда больше не буду грубой и злой!

Чуть заметная скептическая улыбка тронула уголки губ Мэри Поппинс.

— Гм! — только и сказала она, разглаживая складки на крахмальном переднике...

Глава четвертая. Шиворот-Навыорот

— Держитесь рядом, пожалуйста, — сказала Мэри Поппинс, выходя из автобуса и раскрывая зонт.

На улице дождь лил, как из ведра.

— Когда я иду рядом, вода с вашего зонтика течет мне прямо за шиворот! — возразил Майкл.

— Не спорь. Иначе потеряешься и будешь искать дорогу с помощью полисмена, — фыркнула Мэри Поппинс, аккуратно обходя лужу.

Сказав это, она остановилась перед аптекой и стала рассматривать свое отражение, запечатленное сразу на трех огромных бутылках, выставленных в витрине. Одновременно она могла любоваться на зеленую, красную и голубую Мэри Поппинс. И каждая из них несла в руках новую кожаную сумку с металлической застежкой.

На ее лице тут же появилась довольная улыбка. Переложив сумочку из правой руки в левую, Мэри Поппинс задумалась над тем, что лучше: нести ее под мышкой или повесить на руку. После некоторого раздумья она остановилась на первом варианте.

Джейн с Майклом стояли рядом и, не смея сказать ни слова, лишь бросали друг на друга страдальческие взгляды да вздыхали про себя. А вода с зонтика стекала им прямо за воротник.

— Ну, не заставляйте меня ждать! — сердито бросила Мэри Поппинс, оторвавшись наконец от разноцветных бутылей с собственным отражением.

Джейн с Майклом обменялись взглядами. «Майкл, не надо!» — просигналила Джейн и сделала страшное лицо. Но Майкл уже взорвался.

— Это не мы! Это вы заставляете нас ждать!

— А ну-ка тихо! — прикрикнула Мэри Поппинс.

Больше возражать Майкл не осмелился.

Они шли по обе стороны от своей няни, временами переходя на бег, чтобы успеть за ее широкими, энергичными шагами. Иногда им, правда, приходилось подолгу стоять, переминаясь с ноги на ногу, и ждать, пока Мэри Поппинс посмотрит в очередную витрину и убедится, что ее новая сумочка выглядит и впрямь так красиво, как она об этом думает.

Дождь плясал на поверхности зонта с ручкой в виде головы попугая и ручьями стекал на шляпы Майкла и Джейн.

Под мышкой Джейн осторожно несла тщательно завернутое в коричневую бумагу Королевское Фарфоровое Блюдо. Они несли его дядюшке Мэри Поппинс, мистеру Навывороту, который занимался, по ее словам, починкой всевозможных вещей.

— Что ж, — сказала миссис Бэнкс перед их уходом, — надеюсь, он все сделает как надо. Иначе я просто не смогу взглянуть в глаза своей двоюродной тетушке Каролене! (Дело в том, что тетушка подарила миссис Бэнкс это Блюдо, когда той исполнилось три года, и поэтому очень бы расстроилась, узнай, что ее подарок разбили.)

— Члены моей семьи, — презрительно фыркнув, бросила в ответ Мэри Поппинс, — всегда и все делают как надо!

Она была так возмущена, что миссис Бэнкс почувствовала себя как-то неловко и за завтраком даже выпила лишнюю чашку чая...

Плюх!

Джейн оказалась посреди лужи.

— Будь добра, смотри лучше, куда идешь! — строго заметила Мэри Поппинс, стряхивая воду с зонтика. — Нет, этот дождь просто разрывает мне сердце на части!

— Мэри Поппинс! А если ваше сердце и впрямь разорвется, ваш дядя сможет его починить? — спросил Майкл. Ему было очень интересно, чинит мистер Навыворот абсолютно все или только определенные вещи.

— Еще одно слово, — оборвала его Мэри Поппинс, — и ты отправишься домой!

— Но я только спросил... — испуганно пролепетал Майкл.

— Больше не спрашивай! — сердито фыркнула Мэри Поппинс и, завернув за угол, вошла в старые железные ворота.

Скоро она уже стучала в дверь небольшого приземистого домика.

Бам! Бам! Бам! Бух!

Звук ударов эхом разнесся по дому.

— Боже, если его не окажется дома, это будет просто ужасно! — прошептала Джейн Майклу.

Но через мгновение до них донесся шум тяжелых шагов. Дверь, громко заскрипев, открылась, и перед ними предстала женщина с круглым, красным лицом. Волосы у нее были стянуты на макушке в пучок, а на лице застыло злое, раздраженное выражение.

— Ну-ну, — проворчала она, уставившись на ребят и Мэри Поппинс. — Если это не гости, то я датчанка!

Было не очень похоже, что она обрадовалась этой встрече. Мэри Поппинс тоже была не в восторге.

— Мистер Навыворот дома? — спросила она, не обращая внимания на тон краснолицей дамы.

— Гм! Не уверена, — отозвалась дама неприязненно. — Может дома, а может и нет! Все зависит от того, как на это взглянуть!

Мэри Поппинс протиснулась между дверным косяком и неприветливой леди и вошла в прихожую.

— Это его головной убор? — спросила она, показывая на фетровую шляпу, висящую на вешалке.

— Ну... если так можно выразиться, — нехотя кивнула головой краснолицая дама.

— Тогда он дома, — уверенно заявила Мэри Поппинс. — Потому что никто из членов моей семьи никогда не выходит на улицу без шляпы! Они слишком воспитаны!

Круглолицая дама пожала плечами.

— Сегодня утром он мне сказал так: «Мисс Тартлет! Я может буду к обеду, а может и нет. Не знаю». И это все. Если хотите, можете сами подняться и посмотреть. А меня увольте. Я не верхолаз.

Женщина выразительным взглядом окинула свою упитанную фигуру и тряхнула головой. Джейн с Майклом без слов поняли, что не с подобной комплекцией бегать туда-сюда по лестнице, а тем более по такой крутой, какая вела к комнате мистера Навыворота.

— Идите за мной, — позвала Мэри Поппинс ребят и стала подниматься по скрипучим ступенькам.

Достигнув верхней площадки, она постучала в дверь ручкой зонта. Ответа не последовало. Мэри Поппинс постучала снова — на этот раз чуть громче. Опять ни звука.

— Дядя Артур! — крикнула она в замочную скважину. — Дядюшка! Вы здесь?

— Нет! Меня здесь нет! — донесся изнутри приглушенный голос.

— Как же его может там не быть, если я слышу его голос! — прошептал Майкл Джейн.

— Дядя Артур! — снова позвала Мэри Поппинс и подергала за дверную ручку. — Я знаю, что вы там!

— Нет! Меня нет! — произнес тот же голос. — Говорю вам, я вышел! Сегодня второй понедельник месяца!

— О, Боже! Я совсем об этом забыла! — сказала Мэри Поппинс и что было силы дернула ручку. Дверь распахнулась.

Джейн с Майклом увидели большую и почти совсем пустую комнату. Лишь возле одной из стен стоял плотницкий верстак, доверху заваленный самыми разными вещами: фарфоровыми собаками с отбитыми носами, деревянными конями без хвостов, треснутыми тарелками, сломанными куклами, ножами без ручек, стульями без ножек — в общем, всем на свете, что требует починки. Вдоль стен от пола до потолка тянулись полки, которые тоже были заставлены растрескавшимся фарфором, битым стеклом и сломанными игрушками.

Больше ничего и — самое главное — никого в комнате не было.

— О... — разочарованно протянула Джейн, — он и правда куда-то вышел.

Не обратив внимания на замечание Джейн, Мэри Поппинс подошла к окну.

— Сейчас же возвращайся, Артур! На улице дождь, а у тебя прошлой зимой был бронхит!

И в следующую минуту изумленные Джейн с Майклом увидели, как Мэри Поппинс, ухватившись за длинную тощую ногу, свешивающуюся над подоконником, втянула в комнату высокого, худого человека. Казалось, тот был чем-то сильно опечален.

— Стыдно! — сердито сказала Мэри Поппинс, одной рукой продолжая крепко держать человека за ногу, а другой захлопывая окно. — У нас для тебя важная работа, а ты себя так ведешь!

— Вряд ли я смогу вам помочь, — извиняюще произнес дядя Артур, вытирая глаза большим носовым платком. — Я же сказал — сегодня второй понедельник месяца!

— И что это значит? — поинтересовался Майкл.

— Ах! — воскликнул с чувством мистер Навыворот и крепко пожал Майклу руку. — Как любезно с вашей стороны спросить меня об этом! Очень, очень любезно! — он замолчал и снова вытер платком глаза. — Видите ли, дело в том, что каждый второй понедельник месяца у меня все идет не так, как надо.

— А что именно? — спросила Джейн, чувствуя, что в ней просыпается жалость к дяде Артуру.

— Ну, например, сегодня! — охотно принялся он объяснять. — Сегодня как раз второй понедельник месяца. А поэтому, когда я захотел остаться дома (у меня скопилось очень много всякой работы), я автоматически очутился снаружи. А если бы я захотел куда-нибудь выйти, то, вне всяких сомнений, сидел бы дома.

— Ясно, — сказала Джейн, про себя решив, что ей этого, видимо, никогда не понять. — И поэтому вы...

Мистер Навыворот кивнул.

— Я услышал ваши шаги на лестнице, и мне еще больше захотелось остаться дома. Но как только это произошло, я мгновенно очутился за окном. Я бы до сих пор болтался там, если бы Мэри Поппинс не втащила меня!

Он тяжело вздохнул.

— Конечно, такие вещи происходят не весь день, а только между тремя и шестью часами. Но все равно это просто ужасно!

— Представляю! — посочувствовала Джейн.

— Но это еще не все! — жалобно продолжал дядя Артур. — Например, если я хочу подняться по лестнице наверх, то сразу же начинаю спускаться вниз! Кажется, только что свернул направо, а оказывается, что налево! Если отправляюсь на Запад, то непременно пойду на Восток!

Дядюшка громко высморкался.

— А хуже всего то, — сказал он, и его глаза наполнились слезами, — что меняется и мой характер. Глядя на меня, трудно представить, что именно сейчас я счастлив, как никогда!

И действительно — дядя Артур выглядел таким расстроенным, что у Джейн с Майклом появились сомнения, умеет ли он вообще смеяться.

— Но почему? Но как? — удивился Майкл.

Но мистер Навыворот лишь печально покачал головой.

— Ах! — вздохнул он обреченно, — я должен был родиться девочкой!

Джейн с Майклом переглянулись, недоумевая, что он хочет этим сказать.

— Видите ли, — поспешил объяснить дядя Артур, — моей маме очень хотелось, чтобы родилась девочка. А когда на свет появился я, то выяснилось, что я не девочка, а мальчик. Думаю, не надо объяснять, что произошло это как раз во второй понедельник месяца...

Дядя Артур снова принялся всхлипывать и сморкаться в носовой платок.

Джейн ласково дотронулась до его руки. Он с благодарностью посмотрел на нее, но лицо его оставалось все таким же печальным.

— Работать, — всхлипнул он, — нет никакой возможности! Вы только посмотрите!

И он указал на одну из самых длинных полок.

Глаза Майкла и Джейн расширились от удивления. Они увидели, что всю полку занимали сердца самых разных цветов и размеров — треснутые, переломленные напополам или вовсе разбитые вдребезги.

— Все это нуждается в срочном ремонте! — мрачно сказал дядя Артур. — Вы даже не представляете, как люди сердятся, если я вовремя не отсылаю сердца обратно! Они расстраиваются из-за них больше всего! А я не могу приступить к работе, пока не пробьет шесть часов! Если я начну раньше, они будут испорчены, как и вот эти вещи!

Он кивнул на другую полку. Повернув головы, Джейн с Майклом увидели, что она доверху забита неправильно починенными вещами. Фарфоровая Пастушка была разлучена со своим фарфоровым Пастушкой и сжимала в объятиях вместо него свирепого медного Льва. Игрушечный моряк, которого кто-то вытащил из его парусника, был накрепко приклеен к расписной фарфоровой тарелке. А в его паруснике, привязанный за туловище к мачте и закрепленный для верности клейкой лентой, восседал серый плюшевый Слон. Кусочки разбитых тарелок были соединены неправильно, так что рисунок на них разобрать было невозможно. А нога от деревянного коня красовалась на крышке большой серебряной купели.

— Видите? — спросил дядя Артур и, убедившись, что видят, безнадежно махнул рукой. Джейн с Майклом почувствовали к нему еще большую жалость.

— Брось сейчас думать об этом, — нетерпеливо перебила Мэри Поппинс. — Мы принесли тебе Блюдо. Его надо починить.

Взяв сверток у Джейн, она стала одной рукой развязывать веревку. Другой она все время придерживала своего дядюшку.

— Гм! — важно хмыкнул дядя Артур, когда бумагу наконец развернули. — Королевский Фарфор! А вот трещина плохая! Похоже, его чем-то стукнули.

При этих словах Джейн почувствовала, что неудержимо краснеет.

— Если бы в какой-нибудь другой день, то — пожалуйста! Но сегодня... — он поморщился.

— Ерунда! — отрезала Мэри Поппинс. — Это же очень просто! Надо только поставить заклепки здесь, здесь и здесь.

Показывая, где именно следует ставить заклепки, она выпустила руку дяди Артура. И в тот же миг он принялся кувыркаться в воздухе, выделывая посреди комнаты бесчисленные сальто.

— Ой-ой-ой! — завопил он. — Зачем, зачем ты меня отпустила? Ах, я бедный! Ах, я несчастный! Я сейчас улечу!

— Закройте дверь! Быстро! — крикнула Мэри Поппинс.

Джейн с Майклом бросились к двери и успели захлопнуть ее как раз перед носом дяди Артура. Он стукнулся о косяк и, продолжая кувыркаться, отлетел назад. С его лица не сходило все то же унылое выражение.

Внезапно дядя остановился и застыл в странной позе посреди комнаты: перевернувшись вверх тормашками и стоя на голове.

— Господи, помилуй! — проговорил мистер Навыворот, брыкаясь ногами, — Господи, помилуй!

Но это не помогло. Его ноги по-прежнему болтались где-то высоко над головой.

— Что ж, — заметил он меланхолично, — это еще ничего. По крайней мере намного лучше, чем там, — он кивнул на окно, — под дождем и без пальто! Вот видите, — обратился он к Джейн и Майклу, — стоило мне захотеть встать на ноги, как я тут же перевернулся вниз головой! Ну да ладно, не обращайтесь внимания — я скоро привыкну. Ведь это длится почти 45 лет! Подайте-ка лучше ваше Блюдо.

Майкл взял Блюдо у Мэри Поппинс и поставил его на пол рядом с головой дяди Артура. Но едва Майкл это сделал, как с ним произошло что-то очень странное. Пол, как ему показалось, вдруг с силой подбросил его вверх.

— Ой! — закричал в страхе Майкл. — Что это?

Теперь и он, крутясь «колесом», летал от пола к потолку и обратно. Вскоре он приземлился на голову рядом с дядей Артуром.

— Очень любезно с вашей стороны, — пробормотал тот, с удивлением покосившись на Майкла. — Я не знал, что это так заразительно. Хи-хи-хи. Ну и ну! Эй-эй! Стой спокойно, не то ты смахнешь с полок все мои товары, и мне придется платить за бой! А это еще что?

Последний вопрос был обращен к Джейн, так как она тоже вдруг отделилась от пола и начала бешено вращаться посреди комнаты. В воздухе мелькали то ее ноги, то голова... Но вот наконец все успокоилось — и она очутилась с другой стороны от дяди Артура. И тоже вверх ногами.

— Знаете что, — сказал дядюшка, пожимая плечами, — все это очень любопытно. Никогда не думал, что такое может произойти с кем-то еще. Честное слово. Надеюсь, это вам не доставляет слишком уж большие неудобства.

Джейн, смеясь и болтая в воздухе ногами, повернулась к нему.

— Нисколечко! Если честно, мне уже давно хотелось постоять на голове, но все как-то не получалось! Это так здорово!

— Гм! — озадаченно хмыкнул дядя Артур. — Рад, что хоть кому-то это нравится. К сожалению, о себе я этого сказать не могу.

— А я могу! — воскликнул Майкл. — Я мог бы всю жизнь так постоять. Все вокруг выглядит так красиво, так необычно!

И действительно, все вокруг было крайне необычно. Из их странной позы ребятам

казалось, что все предметы, сваленные в кучу на плотницком верстаке, — и сломанные куклы, и фарфоровые собаки, и деревянные табуретки — перевернуты вверх ногами.

— Смотри! — шепнула Джейн Майклу. Он обернулся и увидел, как из дырочки в стене вылезла маленькая мышка. Элегантно шевеля усиками, она вверх ногами шла по ковру.

Изумленные ребята некоторое время наблюдали за ней.

— Джейн! Посмотри в окно! — вдруг сказал Майкл.

Она осторожно повернула голову — а в подобном положении это было не так-то просто сделать — и ахнула: улица стала совсем другая. Дома перевернулись вверх ногами. Трубами они опирались о тротуар, а ступеньками и дверями смотрели в небо. Из некоторых ступенек поднимались клубы сизого дыма. Чуть поодаль на кончике своего шпиля тихо покачивалась Церковь. А дождь, сплошным потоком поднимаясь с земли, улетал в опрокинутое небо.

— Ой! — воскликнула Джейн. — Как красиво! И как необычно! Будто совсем другой мир! Я так рада, что мы пришли сюда!

— Вы очень, очень добры, — печально пробормотал дядя Артур. — Но вот что мне делать с Блюдом — ума не приложу!

Он протянул руку, чтобы взять его, но в тот же миг Блюдо вдруг подпрыгнуло и тоже перевернулось вверх ногами. Это было так забавно, что Джейн с Майклом не могли удержаться от смеха.

— Это совсем не смешно, — грустно заметил дядя Артур. — Я обязательно поставлю заклепки не туда, куда нужно! Эх, будь что будет!

И, вынув из кармана инструменты, он, тихо всхлипывая, взялся за работу.

— Все! Дело сделано! — провозгласила Мэри Поппинс через несколько минут и взяла Блюдо из рук своего дядюшки. — Нам пора идти!

— Правильно. Уходите, бросайте меня одного! — затынул плаксивым голосом мистер Навыворот. — Не надо мне помогать! Не очень-то нужно! Я мог бы предложить вам немного перекусить, но теперь не стану этого делать. А на верхней полке, в жестянке, сто ит, между прочим, сливовый торт! Но у вас и своих дел много, так что я не должен просить вас остаться... Ах, как грустно! Да, это очень несчастливый день!

Дядюшка снова достал из кармана платок.

— Ну... — начала Мэри Поппинс, думая, застегивать ей перчатки или нет.

— Мэри Поппинс! Давайте останемся! — закричали хором Джейн с Майклом и даже слегка подпрыгнули на своих головах.

— Мэри Поппинс! Если вы встанете на стул, то вполне сможете достать торт! — добавила Джейн.

Дядя Артур впервые за все время засмеялся. Хотя звуки, которые он издавал, напоминали, скорее всхлипы, это был самый настоящий смех.

— А ей не нужен стул! — сказал он. — Потому что она всегда получает то, что хочет, и так, как хочет.

И тут, к удивлению Джейн и Майкла, Мэри Поппинс сделала очень странную вещь. Приподнявшись на цыпочки, она медленно и с достоинством перекувырнулась в воздухе семь раз. Юбка плотно обтягивала ее колени, шляпка крепко сидела на голове. Подкатившись к верхней полке, Мэри Поппинс взяла торт и через мгновение опустила на голову рядом с ребятами и дядей Артуром.

— Ура! Ура! — радостно закричал Майкл.

Но Мэри Поппинс наградила его таким взглядом, что он сразу же пожалел о своей несдержанности.

— Спасибо, Мэри! — поблагодарил дядя Артур. Казалось, он совершенно не был удивлен происшедшим.

— На сегодня это последнее, что я для тебя делаю! — фыркнула Мэри Поппинс и положила жестянку перед дядей. Неожиданно жестянка подпрыгнула и перевернулась вверх дном. Дядя Артур попытался установить ее как положено, но у него ничего не вышло — жестянка с тортом упорно переворачивалась крышкой вниз.

— Ах! — вздохнул он расстроено. — Я должен был это предвидеть. Ведь сегодня все идет не так, как надо! Придется открывать ее снизу! Сейчас, я только попрошу...

Он подобрался к двери и крикнул в щель между ней и полом:

— Мисс Тартлет! Мисс Тартлет! Прошу прощения за беспокойство, но не могли бы вы принести консервный нож? Если, это, конечно, вас не затруднит!

Откуда-то снизу донеслось недовольное ворчание мисс Тартлет.

— Вздор! — раздался вдруг громкий каркающий голос. — Вздор и ерунда! Зачем зря беспокоить женщину? Лучше поручите это Полли! Красивой, замечательной и умной Полли!

Обернувшись, Джейн с Майклом вытаращили от удивления глаза, потому что голос исходил от зонтика Мэри Поппинс! Зонт кувыркался посреди комнаты и постепенно приближался к тарту. Ручка в форме головы попугая нырнула вниз — и через две секунды в жестянке красовалась большая дыра.

— Вот так! — с гордостью воскликнула голова попугая. — Это сделала Полли! Замечательная и умная Полли!

Со счастливой улыбкой зонтик перевернулся вниз ручкой и опустился рядом с Мэри Поппинс.

— Гм! Очень, очень любезно! — уныло пробормотал дядя Артур, косясь на темную корочку торта.

Взяв нож, он отрезал кусочек. Потом придвинулся ближе к жестянке и в изумлении уставился на нее.

— Так! — сказал он и укоризненно взглянул на Мэри Поппинс. — Это твоя работа! Даже не отпирайся! Насколько я помню, этот торт был сливовым! А теперь...

— Бисквит полезней для здоровья, — назидательно проговорила Мэри Поппинс и отрезала Джейн и Майклу по маленькому кусочку. — Будьте любезны, ешьте медленнее! Вы не голодные дикари!

— Все это, конечно, очень хорошо, — недовольно проворчал дядюшка, в один момент проглотив свой кусочек торта, — но мне больше нравится сливовый. Н-да, но ничего не подделаешь. Такой уж, видно, сегодня день.

Внезапно в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул дядя Артур.

Дверь открылась, и в комнату протиснулась мисс Тартлет. Она совершенно запыхалась, пока поднялась по лестнице.

— Вот консервный нож... — начала было она недовольным голосом, но тут же осеклась и, раскрыв рот, уставилась на них.

— Боже мой! — ахнула она и выронила консервный нож. — Да! Много я видела в жизни, но такого еще никогда!

Она шагнула вперед, неприязненно глядя на болтающиеся в воздухе четыре пары ног.

— Вверх ногами! — воскликнула она. — Причем все! Как мухи на потолке! И вы после этого называете себя добропорядочными горожанами! Нет, мне не место в этом доме! Я ухожу от вас, мистер Навыворот! Прошу это хорошенько запомнить!

Она сердито направилась к двери. Но тут широкая пышная юбка вдруг обернулась вокруг ее ног — и мисс Тартлет поднялась в воздух.

Выражение смертельного испуга застыло у нее на лице.

— Мистер Навыворот! Сэр! Поймите меня! Опустите меня вниз! На помощь! Караул! — кричала мисс Тартлет, размахивая руками и выдывая в воздухе сальто.

— Ой! Ой! Весь мир перевернулся вверх ногами! Что мне делать? На помощь! На по-о-о-мо-о-о-о-ощь! — завопила она еще громче, переворачиваясь вниз головой.

Но когда она перевернулась, в ней произошла непонятная перемена. Круглое лицо мисс Тартлет потеряло свое капризное выражение и осветилось улыбкой. Джейн и Майкл с большим интересом наблюдали, как ее прямые волосы вдруг взлохматились и завились в множество маленьких аккуратных колечек. А когда она заговорила, оказалось, что ее грубый

голос стал нежным и тонким.

— Что со мной? — вскричала мисс Тартлет новым голосом. — Я чувствую себя так, словно я мячик! Прыгающий, летающий мячик! Или воздушный шар!

Она счастливо засмеялась.

— О, я так рада! Так рада! — кричала она, кружась и летая по комнате. — До этого замечательного дня я не любила жизнь! Но теперь все изменилось! Я напишу о том, что произошло, своей сестре! Своим тетушкам и дядюшкам! Я напишу им, что единственно правильный способ жить — это вверх ногами! Вверх ногами! Вверх ногами!

Мисс Тартлет снова звонко рассмеялась.

Джейн и Майкл с радостью смотрели, как она кружит по комнате. Дядя Артур, казалось, совершенно опешил, потому что раньше от мисс Тартлет не слышал ничего кроме капризов и беспрерывного ворчания.

— Очень, очень странно! — пробормотал он и покачал головой.

Внезапно в дверь снова постучали.

— Есть здесь кто-нибудь по фамилии Навыворот? — услышали они голос. В дверях появился Почтальон с письмом в руке. Увидев столь необычную картину, он замер на месте.

— Бог мой! — прошептал он, сдвигая фуражку на затылок. — По-моему, я куда-то не туда пришел... Мне нужен джентльмен... э-э-э... по фамилии Навыворот. У меня для него письмо. Кстати, я обещал жене вернуться домой пораньше. Но из-за этого письма мои планы расстроились, а слово свое я не сдержал...

— Гм! — отозвался с пола Дядя Артур. — Это не по моей части. Я не склеиваю расстроенных планов. И не чиню несдержанных слов. Извините.

Почтальон уставился на него.

— Может, я сплю? — пробормотал он. — У меня такое чувство, словно я попал в компанию лунатиков.

— Дорогой Почтальон! Давайте письмо мне! И переворачивайтесь, как мы, вверх ногами!

Мисс Тартлет подлетела к Почтальону и взяла его под руку.

— Меня зовут мисс Тартлет Шиворот, — представилась она. И не успела она закончить фразу, как ноги Почтальона отделились от пола. Мгновение спустя мисс Тартлет и незадачливый почтовый служащий уже кувыркались посреди комнаты, будто два футбольных мяча.

— Как замечательно! — счастливо кричала мисс Тартлет. — О, дорогой Почтальон! Мы впервые увидели жизнь такой, какая она есть! Еще раз! Еще! Ну, разве это не чудо?

— Да! Да! — поддержали ее Джейн и Майкл, присоединяясь к странному танцу Почтальона и мисс Тартлет. Вскоре и дядя Артур, не выдержав, неуклюже закружился по комнате. За ним последовала Мэри Поппинс и даже зонтик с ручкой в форме головы попугая.

Так они все вместе и кружились между полом и потолком, а мир вокруг переворачивался то вниз, то вверх ногами.

— Город с Парком и домами
Повернулся вверх ногами!

— громко распевала мисс Тартлет веселую песенку.

На полках кружились и выделывали сальто треснутые и разбитые сердца. Пастушка вместе со Львом изящно танцевала вальс, серый плюшевый Слон, стоя у мачты, поочередно вскидывал то правую, то левую ногу, а моряк, накрепко приклеенный к расписной фарфоровой тарелке, зажигательно отплясывал джигу, вполне обходясь только руками и головой.

— Какое счастье! — кричала Джейн, проносясь по комнате.

— Какое счастье! — вторил ей Майкл.

Дядя Артур, в очередной раз отскочив от оконного стекла, на лету вытирал платком

глаза.

Мэри Поппинс и ее зонтик молча плавали по комнате вниз головой.

— Как мы все счастливы! — восклицала мисс Тартлет. — Это прекрасно!

Но Почтальон, который наконец обрел дар речи, похоже, был с ней не согласен.

— Эй! Эй! — завопил он, замирая от страха. — На помощь! На помощь! Где я? Кто я? Что я? Я все позабыл! Я потерялся! Караул!

Но никто не спешил ему на помощь, и Почтальон продолжал кружиться, кружиться, кружиться...

— Жил себе спокойно, никого не трогал, — причитал он, — вел себя как примерный горожанин! Как я теперь покажусь домой? Что скажет моя жена? Помогите! Пожар! Грабят!

Сделав огромное усилие, он резко вырвал свою руку из руки мисс Тартлет. Бросив письмо в жестянку из-под торта, он выкатился через дверь на лестницу, а оттуда — во двор, ни на минуту не переставая вопить:

— Я найду на вас управу! Я пожалуюсь в Полицию! Сообщу Директору Почты!

Скоро его голос затих где-то в конце улицы.

Бом-бом-бом-бом-бом-бом!

Часы на Площади пробили шесть.

И тут же ноги Джейн и Майкла с грохотом опустились на пол. Поднявшись, дети почувствовали, что у них кружится голова.

У дяди Артура после не очень удачной посадки сильно дрожали колени...

Только одна Мэри Поппинс изящно перевернулась вверх головой. Она была такой красивой и свежей, что походила на куклу с витрины магазина.

Разбитые сердца на полке лежали тихо. Не двигались ни Пастушка со Львом, ни Плюшевый Слон, ни игрушечный моряк. Взглянув на них, было невозможно представить, что всего несколько минут назад они кружились и танцевали.

Только мисс Тартлет по-прежнему летала по комнате, счастливо смеясь и звонко распевая песенку:

— Город с Парком и домами

Повернулся вверх ногами!

Вверх ногами!

Вверх ногами!

— Мисс Тартлет! Мисс Тартлет! — крикнул Дядя Артур, и его глаза радостно заблестели. Подойдя к ней, он взял ее за руку и поставил на пол перед собой.

— Как ваше полное имя? — спросил он, замирая от восторга. Мисс Тартлет застенчиво потупилась и покраснела.

— Мисс Тартлет, будьте моей женой! И тогда ваше имя будет миссис Тартлет Шиворот-Навыорот! Мне этого очень хотелось бы! К тому же вы кажетесь такой счастливой, что, возможно, будете смотреть сквозь пальцы на то, что со мной происходит каждый второй понедельник.

— Смотреть сквозь пальцы?! Да это будут мои самые большие праздники! — ответила мисс Тартлет. — Сегодня я впервые увидела мир вверх ногами! Мой взгляд на жизнь совершенно изменился! Уверяю, весь следующий месяц я с нетерпением буду ждать второго понедельника!

Она смущенно рассмеялась и подала дяде Артуру вторую руку. Джейн с Майклом были очень рады и тоже весело засмеялись.

— Думаю, что он снова стал самим собой, — шепнул Майкл Джейн, — ведь сейчас уже больше шести часов.

Джейн не ответила. Она смотрела на мышь, которая не стояла, как раньше, на носу, а бежала назад, в норку, держа в зубах маленький кусочек торта.

Мэри Поппинс подняла Королевское Фарфоровое Блюдо и стала заворачивать его в

бумагу.

— Будьте добры, возьмите перчатки и наденьте шляпы! — строго сказала она, поворачиваясь к детям. Сунув под мышку новую сумочку и прихватив зонт, Мэри Поппинс направилась к двери. — А теперь...

— Мэри Поппинс! Ведь мы еще не уходим? — спросил в отчаянии Майкл.

— Гм! Если вы привыкли расслаживаться в гостях до утра, то я нет! — заметила она, подталкивая Майкла к выходу.

— Вам действительно надо идти? — спросил дядя Артур, хотя особого сожаления в его голосе ребята не услышали. Ведь теперь у него была мисс Тартлет!

Но мисс Тартлет сама подошла к ним. Ее кудри весело подпрыгивали в такт шагам, а с лица не сходила лучезарная, счастливая улыбка.

— Приходите еще, — сказала она, пожимая руку Мэри Поппинс и детям. — Мы, — она потупилась и покраснела, — всегда рады вас видеть. Теперь каждый второй понедельник месяца у нас будет чаепитие. Правда, Артур?

— Да! — отозвался мистер Навыворот. — Вы обязательно найдете нас здесь... Если, конечно, мы не будем там, — он кивнул в сторону окна и рассмеялся. Джейн с Майклом тоже засмеялись. Потом они с Мэри Поппинс спустились по ступенькам, а мисс Тартлет и дядя Артур стояли наверху и махали им вслед. Дядя Артур держал раскрасневшуюся мисс Тартлет под руку, и вид у него был торжественным и гордым...

— А я и не знал, что это так легко! — сказал Майкл, когда они с Джейн шли, прячась от дождя под зонтиком Мэри Поппинс.

— Что легко? — не поняла Джейн.

— Стоять на голове. Я дома обязательно еще раз попробую.

— Вот было бы здорово, — размышляла Джейн, — если бы и мы каждый второй понедельник...

— Нельзя ли поживее? — сердито поинтересовалась Мэри Поппинс, подсаживая детей на ступеньки автобуса...

Джейн с Майклом ехали домой. Они сидели позади Мэри Поппинс и тихо разговаривали о том, что произошло сегодня.

Мэри Поппинс обернулась и пристально посмотрела на них.

— Шептаться — верх неприличия! — раздраженно бросила она. — И сядьте прямо! Вы не мешки с мукой!

— Какая у вас забавная семья! — сказал Майкл, пытаясь завязать разговор.

Мэри Поппинс вскинула голову.

— Забавная? Что ты подразумеваешь под этим словом?

— Ну, странная. Дядя Артур, например, выделяет сальто и стоит на голове...

Мэри Поппинс уставилась на него, словно не верила собственным ушам.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что мой дядя действительно выделял сальто и стоял на...

— Но это правда! — возмутился Майкл. — Мы видели!

— Видели, как он разговаривал со мной, стоя на голове?!

Казалось, Мэри Поппинс даже выговорила эти слова с трудом. — Ну! Это... это...

Майкл испуганно отпрянул от ее свирепых глаз.

— ...это последняя капля! Сначала ты мне нагрубил, а теперь оскорбил мои родственные чувства! Предупреждаю! Еще чуть-чуть — и я приму меры!

Отвернувшись, Мэри Поппинс откинулась на сиденье. Даже со спины она выглядела такой сердитой, какой ни Джейн, ни Майкл ее еще не видели.

— Я... я извиняюсь, — сказал Майкл, наклоняясь вперед.

Мэри Поппинс молчала.

— Простите меня, Мэри Поппинс!

— Гм!

— Простите, пожалуйста!

— Хорошо. Только впредь веди себя как подобает! — смилостивилась она.

Майкл пододвинулся поближе к Джейн и прошептал:

— Но ведь все было так, как я сказал! Правда?

Джейн покачала головой и прижала палец к губам.

Она смотрела на шляпку Мэри Поппинс.

Майкл взглянул туда же.

На полях шляпки Мэри Поппинс были рассыпаны желтые крошки от бисквитного торта! А попасть туда они могли лишь в том случае, если Мэри Поппинс действительно пила чай, стоя на голове!

Несколько мгновений Майкл смотрел на крошки, потом понимающе кивнул Джейн...

А автобус, подскакивая на ухабах, вез их домой. Спина Мэри Поппинс была прямой и сердитой, так что Джейн с Майклом предпочитали не обращаться к ней.

Но каждый раз, когда автобус заворачивал за угол, крошки подпрыгивали и выделяли соль на полях ее элегантной соломенной шляпки...

Глава пятая. Ещё один

— Почему мы должны идти гулять с Элен? — пробурчал Майкл, сердито хлопая воротами. — Не люблю ее. У нее нос слишком красный!

— Т-с-с-с! — прошипела Джейн. — Она может услышать!

Но Элен, катившая впереди коляску с Близнецами, уже обернулась.

— Ты очень злой и невоспитанный мальчишка! Думаешь, мне очень хочется идти с вами на прогулку?

Достав из кармана зеленый платок, она высморкала свой красный нос.

— Почему же ты идешь? — спросил Майкл.

— Потому что Мэри Поппинс занята! Ну, пойдем. Будь хорошим мальчиком — и я куплю тебе на пенни мятных леденцов.

— Не хочу леденцов! Хочу Мэри Поппинс!

Бух-бух, бух-бух, — тяжело и неторопливо впереди топали ботинки Элен.

— А я вижу радугу через дырочки в шляпе! — воскликнула Джейн.

— А я нет, — сердито отозвался Майкл. — Мне подкладку мешает!

На углу Элен остановилась и стала беспокойно оглядываться по сторонам.

— Помощь не требуется? — спросил Полисмен, подходя поближе.

— Ну... — Элен смутилась и покраснела. — Если вы переведете нас через улицу, буду очень признательна. Из-за этих детей, за которыми мне поручили присматривать, я уже не знаю, где у меня ноги, а где голова! А тут еще эта ужасная простуда...

Элен снова высморкалась.

— Где голова, могла бы и знать! Тоже мне большое дело — присматривать! — буркнул Майкл, думая о том, что хуже Элен не может быть никого на свете.

Полисмен, не вдаваясь в подробности, взял Элен за руку и осторожно, словно невесту, повел ее на другую сторону улицы. Свободной рукой он толкал коляску.

— Когда у вас выходной? — поинтересовался он, заглядывая в ее раскрасневшееся лицо.

— Каждую вторую субботу, — ответила Элен и смущенно высморкалась.

— Забавно, — усмехнулся Полисмен. — У меня тоже. Я всегда прихожу сюда ровно в два часа пополудни. Что вы на это скажете?

— О! — издала Элен непонятное восклицание, раскрыв от удивления рот.

— Ну так что? — он галантно кивнул Элен.

— Будет видно, — уклончиво ответила Элен. — До свидания!

Она двинулась дальше, искоса поглядывая, ушел Полицмен или нет. Тот стоял на углу и провожал их взглядом.

— Мэри Поппинс никогда бы не стала просить помощи у Полицмена! — недовольно заметил Майкл. — Чем она только может быть занята?

— Уверена, дома случилось что-то очень серьезное, — высказала свои опасения Джейн.

— Откуда ты знаешь?

— Мне так кажется.

— Уф! Я уже проголодался! Элен!, мы можем идти чуть-чуть побыстрее?

— У этого мальчишки просто каменное сердце! — сообщила Элен Парковой ограде. — Нет, быстрее мы идти не можем! Мои ноги...

— Что с ними еще случилось?

— Мои ноги, — повторила Элен, — могут ходить только с такой скоростью!

— О, Боже! Мэри Поппинс, где вы?

Вздыхая, Майкл плелся вслед за коляской. Джейн шла рядом, считая радуги через дырочки в своей шляпе.

Ноги Элен медленно ступали по тротуару.

Раз-два, раз-два. Шлеп-шлеп, бух-бух...

А в это время на Вишневой улице происходило что-то очень-очень важное...

Со стороны дом № 17 казался таким же спокойным и сонным, как и другие дома. Но за опущенными шторами царили такие оживление и суматоха, что прохожие, не будь они уверены, что сейчас лето, наверняка бы подумали: здесь затеяли весеннюю генеральную уборку или подготовку к Рождеству.

Но сам дом лишь сверкал на солнце и, казалось, ни на что не обращал внимания. «В конце концов, — думал он, — подобную суету я видел много раз раньше и наверняка увижу еще не раз. Так что нечего беспокоиться».

Тут парадная дверь с шумом распахнулась и из нее торопливо вышли миссис Брилл и доктор Симпсон. Доктор, размахивая маленьким коричневым саквояжем, двинулся по садовой дорожке к калитке, а миссис Брилл, поднявшись на цыпочки, провожала его взглядом. Затем она заглянула в кладовку и взволнованно позвала:

— Робертсон, где ты? Выходи, если ты здесь!

Потом миссис Брилл быстро пошла вверх, а Робертсон Эй нехотя плелся сзади, зевая и потягиваясь.

— Т-с-с! — прошипела миссис Брилл. — Т-с-с!

Она поднесла палец к губам и на цыпочках подошла к двери комнаты миссис Бэнкс.

— Эх, ничего не видно из-за шкафа! — пробормотала она, нагнувшись к замочной скважине. — Один шкаф да кусочек окна! О, Боже!

Распахнувшаяся дверь сшибла ее с ног, и миссис Брилл, вопя, повалилась на Робертсона Эя.

В дверном проеме темным силуэтом мелькнула Мэри Поппинс. Выглядела она довольно подозрительно. В руках она осторожно несла большой узел из одеял.

— Э-э-э, — протянула миссис Брилл. — Если бы не вы... Я... тут чистила дверную ручку. Наводила глянец. А вы вышли...

Мэри Поппинс посмотрела на ручку. Ручка была очень грязной.

— По-моему, вы наводили глянец на замочную скважину! — скептически заметила она.

Но миссис Брилл не обратила на это внимания. Она во все глаза смотрела на узел. Откинув большой красной рукой край одеяла, она расплылась в довольной улыбке.

— Ах! — проворковала она. — Ах, Ягненок! Ах, Утеночек! Ах, Игрушечка! Прелесть!

Робертсон Эй снова потянулся и, открыв рот, уставился на узел.

— Неужели еще одна пара обуви для чистки?! — ужаснулся он и облокотился на перила, чтобы не упасть.

— Смотрите, не уроните! — взволнованно сказала миссис Брилл, когда Мэри Поппинс

проходила мимо.

Мэри Поппинс смерила их презрительным взглядом.

— На месте некоторых, — заметила она ледяным тоном, — я бы не совала свой нос в чужие дела!

Придав своей ноше прежний вид, она направилась в Детскую.

— Простите, пожалуйста! Извините! — мистер Бэнкс, едва не сбив с ног миссис Брилл, вбежал в комнату жены.

— Э-э-э, — протянул он, присаживаясь на край кровати. — Все это очень неудобно! Просто ужасно! Не знаю, как я это выдержу. Я не рассчитывал на пятерых.

— Мне стыдно, — проговорила миссис Бэнкс, счастливо ему улыбаясь.

— Нет, тебе нисколько не стыдно! Ни чуточку! На самом деле ты очень довольна! А повода к этому никакого нет! Или по крайней мере он очень мал!

— И все-таки он мне нравится, — улыбнулась миссис Бэнкс. — К тому же он скоро подрастет.

— Да, к несчастью! — потерянно отозвался мистер Бэнкс. — И я буду должен купить ему одежду, ботинки, трехколесный велосипед! Потом отправить в школу и вообще обеспечить Хорошие Стартовые Условия! И так далее, и так далее — и все дороже и дороже! А потом, после всего этого, когда я буду дряхлым стариком, сидящим у камина, он оставит меня одного. Полагаю, об этом ты не думала?

— Нет, — ответила миссис Бэнкс, стараясь изобразить на лице глубокое раскаяние. — Не думала.

— Вижу. Ну да ладно. Ничего не поделаешь. Но предупреждаю — новый кафель для ванной я заказать не в состоянии!

— Не волнуйся, — успокоила мужа миссис Бэнкс. — Мне старый нравится больше.

— В таком случае ты просто очень глупая женщина. Это все, что я могу сказать.

И, недовольно бормоча себе что-то под нос, мистер Бэнкс вышел из комнаты. Но захлопнув за собой парадную дверь дома № 17, он выпятил грудь и вложил в рот большую сигару. Вскоре он уже рассказывал о случившемся Адмиралу Буму, и в его голосе слышались хвастливые, радостные нотки...

Мэри Поппинс нагнулась над колыбелькой, стоящей между кроватками Джона и Барбары, и аккуратно положила в нее сверток.

— Наконец-то! Клянусь клювом и лучшими перьями своего хвоста, я думал, вы никогда не появитесь! А это еще что? — донесся с окна пронзительный голос.

Мэри Поппинс обернулась.

По подоконнику скакал Скворец, живший на трубе дома № 17.

— Девочка. Аннабела, — кратко ответила Мэри Поппинс. — И я попросила бы вести себя потише. Трещишь, как целая стая сорок!

Но Скворец не слушал. Он кружился по подоконнику и хлопал крыльями.

— Какая радость! — выдохнул он, когда наконец успокоился. — Какая радость! В честь этого я должен спеть!

— Ну нет! Даже не пытайся! — усмехнулась Мэри Поппинс.

Но Скворец был слишком рад, чтобы обращать на подобные колкости внимание.

— Девочка! — завопил он, пританцовывая. — Вы не поверите! За этот год я трижды выводил птенцов — и все они были мальчиками! Я так огорчился! И вдруг — Аннабела! Я так рад! Так рад!

Он снова запрыгал по — подоконнику

— Аннабела! Какое замечательное имя! У меня тетушку так звали. Она жила на трубе дома Адмирала Бума, а умерла, потому что обжелась зеленых яблок и винограда! Я ее предупреждал! Предупреждал! Но она мне не верила. А я говорил...

— Да замолчишь ты, наконец! — оборвала его Мэри Поппинс, замахиваясь передником.

— А вот и не замолчу! — завопил Скворец, ловко увернувшись. — Сейчас не время для тишины! Надо рассказать всем о такой новости!

Он выпорхнул из окна.

— Вернусь через пять минут! — крикнул он и улетел прочь...

Мэри Поппинс тихо ходила по Детской, складывая в аккуратную стопку одежду, заранее приготовленную для Аннабелы.

Солнечный свет заглянул в окно, пересек комнату и нырнул в колыбельку.

— Открой глазки! — мягко сказал он. — И ты увидишь, какой я красивый!

Одеяло задвигалось, и Аннабела открыла глаза.

— Хорошая девочка! — зазвенел Солнечный Свет. — И глаза голубые! Мой любимый цвет! А какие яркие! Таких нет больше ни у кого!

— Большое спасибо, — вежливо поблагодарила Аннабела.

Ласковый Ветерок зашевелил кружевные оборки на ее косыночке.

— Какие хочешь волосы — прямые или кудрявые? — спросил он, присаживаясь на край колыбельки.

— Кудрявые, пожалуйста, — проворковала Аннабела.

— Кудрявые волосы оберегают от бед — так, кажется, говорят? — весело пропел Ветерок и закружился над ней, завивая мягкие, нежные волосики в аккуратные колечки.

— А вот и мы! А вот и мы! — раздался за окном знакомый голос. Это Скворец снова вернулся на подоконник. Рядом с ним приземлился Еще-Очень-Молодой-Скворец.

Мэри Поппинс с грозным видом направилась к окну.

— А ну-ка улетайте отсюда! — сердито прикрикнула она. — Я не собираюсь терпеть в Детской всякую болтовню и...

Но Скворец вместе с птенцом проскользнул мимо нее.

— Будьте любезны вспомнить, — заявил он ледяным тоном, — что все мои птенцы получили образцовое воспитание!

С этими словами он опустил на край колыбельки. Еще-Очень-Молодой-Скворец последовал за ним. Глаза у него были круглыми и испуганными.

— Аннабела, дорогуша! — начал Скворец лстивым, заискивающим голосом. — Я очень люблю нежные, с хрустящей корочкой бисквиты! — он спрыгнул на подушку, и глаза его алчно сверкнули. — Нет ли у тебя случайно одного?

Аннабела в ответ отрицательно покачала головой.

— Нет? Хотя, конечно, ты еще слишком мала для бисквитов. Между прочим, твоя сестра Барбара очень щедрая и очень добрая девочка. Она никогда не забывала обо мне. Так что если когда-нибудь потом ты оставишь для старого приятеля пару крошек...

— Конечно, оставлю, — отозвалась Аннабела из-под складок своего одеяла.

— Хорошая девочка! — одобрительно кивнул Скворец.

Склонив голову набок, он покосился на нее блестящим озорным глазом.

— Надеюсь, — заметил он светски, — ты не очень устала после своего путешествия?

Аннабела покачала головой.

— А откуда она появилась? — пропищал вдруг Еще-Очень-Молодой-Скворец. — Из яйца?

— Ха! — фыркнула Мэри Поппинс. — Она что — воробей?

Скворец с упреком покосился на нее.

— Ну хорошо, а кто она тогда? — пропищал любопытный птенец и, расправив короткие крылья, перелетел на край колыбели. — Откуда она появилась?

— Расскажи ему, Аннабела, — усмехнулся Скворец.

Аннабела беспокойно задвигалась под одеяльцем.

— Я — земля, вода, огонь и воздух, — тихо сказала она. — Я пришла из тьмы, в которой все вещи берут свое начало.

— О, там очень темно! — подтвердил Скворец, кивая головой.

— В яйце тоже было очень темно! — чирикнул птенец.

— Я вышла из моря и речных потоков, — продолжала Аннабела. — Я спустилась с неба и далеких звезд, я прилетела с солнечным светом на его ярких лучах...

— Очень ярких! — снова кивнул Скворец.

— Я явилась из леса и зеленых лугов...

Мэри Поппинс плавно качала колыбельку — туда-сюда, туда-сюда...

— Ну? — прошептал Еще-Очень-Молодой-Скворец.

— Сначала я двигалась очень медленно, — снова заговорила Аннабела. — Я почти все время спала и видела сны... Я помнила все, чем я была раньше, и знала то, чем буду потом... Но вдруг мой сон прервался, и я куда-то быстро пошла...

Она на мгновение остановилась, вспоминая все подробности своего пути.

— А потом? Что потом? — торопил Еще-Очень-Молодой-Скворец.

— Я шла и слышала пение звезд, я чувствовала, как теплые крылья ласково держат меня. Я шла через джунгли, полные диких зверей, плыла через темные, глубокие озера... Это было очень долгое путешествие...

Аннабела замолчала.

Птенец продолжал смотреть на нее блестящими пытливыми глазами.

Рука Мэри Поппинс тихо легла на край колыбели, и та перестала качаться.

— Да! Очень долгое путешествие! — тихо повторил Скворец, поднимая голову. — И так скоро забудется!

Аннабела задвигалась под одеялом.

— Нет! — сказала она уверенно. — Я никогда не забуду!

— Чуть и ерунда! Конечно, забудешь! Пройдет неделя — и ты не вспомнишь ни единого слова из того, что говорила сейчас! Ни кто ты, ни откуда пришла...

— Нет! Нет! Как я могу забыть?

— Так же, как и все остальные! — усмехнулся Скворец. — Как и все эти глупые люди! Кроме разве что... — он кивнул на Мэри Поппинс, — вот ее. Она не похожа на всех остальных. Она Необыкновенная, Удивительная, Загадочная...

— Ах ты болтун! — рассердилась Мэри Поппинс, кидаясь на него.

Но Скворец увернулся и, подхватив птенца, перелетел с ним на подоконник.

— Чуть-чуть не успела! — весело рассмеялся он. — А это еще что такое?

На крыльце послышался целый хор голосов. С лестницы донесся топот многочисленных ног.

— Я не верю тебе! Не хочу верить! — кричала Аннабела.

В эту минуту дверь распахнулась, и в комнату ввалились Джейн, Майкл и Близнецы.

— Миссис Брилл сказала, что вы хотите нам что-то показать! — заявила Джейн, снимая шляпу.

— Да! Что бы это могло быть? — спросил Майкл, обводя Детскую взглядом.

— И нам! И нам покажите! — завопили Близнецы.

Мэри Поппинс строго посмотрела на них.

— Это что — Детская или Зоопарк? — сердито спросила она. — Будьте добры, ответьте мне!

— Зоопарк... О, нет, я хотел сказать... — торопливо поправился Майкл, уловив свирепый взгляд Мэри Поппинс. — Я хотел сказать Детская!

— Ой! Майкл! Смотри! Смотри! — восторженно закричала Джейн. — Я же говорила тебе, что дома происходит что-то очень важное! Это же новый ребеночек! Ой, Мэри Поппинс! Можно мне его подержать?

Мэри Поппинс, окинув их критическим взглядом, подошла к колыбельке и, взяв Аннабелу на руки, села в свое старое кресло.

— Осторожней, пожалуйста! — предупредила она столпившихся вокруг детей. — Это ребенок, а не боевой фрегат!

— Мальчик? — спросил Майкл.

— Нет, девочка. Аннабела.

Майкл вложил Аннабеле в ладошку палец, и она крепко сжала его.

— Куколка! — восхищался Джон, пытаясь вскарабкаться Мэри Поппинс на колени.

— Ах, зайчик! — вторила Барбара и тянула за край одеяльца.

— Какие мягкие! — удивилась Джейн, глядя завитые Ветром кудри. — И вообще она такая маленькая, такая замечательная! Как звездочка! Откуда ты взялась, Аннабела?

Очень довольная тем, что ее спросили, Аннабела принялась с самого начала рассказывать свою историю.

— Я пришла из тьмы... — тихо заворковала она.

Джейн засмеялась.

— Ой, какие смешные звуки! Как жалко, что она не может нам ничего рассказать!

Аннабела уставилась на нее.

— Но я же рассказываю! — возразила она.

— Ха-ха-ха! — донесся с окна громкий смех Скворца. — Ну, что я говорил? Извиняюсь за смех, не сдержался...

Еще-Очень-Молодой-Скворец сидел рядом и хихикал, прикрываясь коротеньким крылышком.

— Наверное, ее принесли из магазина игрушек, — предположил Майкл.

Аннабела сердито разжала ладошку и выпустила его палец.

— Не будь таким глупым! — возразила Джейн. — Это доктор Симпсон принес ее в своем маленьком коричневом саквояже!

— Ну что, прав я был или нет? — язвительно поинтересовался Скворец, поворачиваясь к Аннабеле. — Ну что? — засмеялся он, победно хлопая крыльями.

Вместо ответа Аннабела отвернулась и заплакала. Она плакала в первый раз в жизни, и ее голосок, неуверенный и одинокий, разносился по дому.

— Ну! Ну! — грубовато попытался успокоить ее Скворец. — Не принимай близко к сердцу! Все равно ничем не поможешь! В конце концов, ты всего лишь человек. Маленький человечек. Пройдет время — и у тебя появятся новые радости! — чирикал он, прыгая по подоконнику.

— Майкл, будь добр, возьми мебельную щетку и вымети этих птиц с подоконника! — негодуя бросила Мэри Поппинс.

Скворец расхохотался.

— Спасибо! Мы выметемся сами! Пора! Ну, до встречи!

И, столкнув с подоконника Еще-Очень-Молодого-Скворца, он вылетел вместе с ним за окно...

Очень скоро Аннабела привыкла к жизни в доме № 17. Ей нравилось быть в центре внимания. Она радовалась, когда кто-нибудь склонялся над ней и удивлялся, какая она чудесная, какая спокойная, какая ласковая.

— Восхищайтесь мной, я так это люблю! — говорил, казалось, ее взгляд.

И все наперебой расхваливали ее кудряшки, ее голубые глазки, ее ручки, щечки... А Аннабела улыбалась, причем с таким довольным видом, что все удивлялись:

— Какая она смышленная! Можно подумать, что она понимает!

Эти слова не очень-то нравились Аннабеле.

— Вот глупые! — думала она и отворачивалась к стене. Но это был не самый лучший выход, потому что ее рассерженный вид вызывал еще больший восторг у обитателей дома.

Аннабеле исполнилась ровно неделя, когда Скворец появился вновь.

Мэри Поппинс при тусклом свете ночника тихо качала колыбель.

— Что, опять прилетел? — проворчала Мэри Поппинс, глядя, как он приземляется на подоконник. — Связаться с тобой все равно что с фальшивой монетой! — презрительно фыркнула она.

— Я был очень, очень занят! — затараторил Скворец, пропустив ее замечание мимо ушей. — Надо поддерживать дела в порядке! Ваша Детская — не единственная моя

забота! — его глазки сердито блеснули.

— Гм! — отозвалась Мэри Поппинс. — Прошу прощения за то, что занимаюсь только этим!

Скворец захихикал и покачал головой.

— Бесподобно! — заметил он, обращаясь к кисточке на занавеске. — Просто бесподобно! У нее на все есть ответ! Ну, как дела? — кивнул он в сторону колыбельки. — Как Аннабела? Спит?

— Если и спит, то не благодаря тебе! — отрезала Мэри Поппинс.

Скворец не обратил на колкость внимания и, перебравшись на край подоконника, прошептал:

— Я присмотрю за ней. Можешь пойти вниз и выпить чашечку чая.

Мэри Поппинс встала.

— Не вздумай ее разбудить!

Скворец снисходительно рассмеялся.

— Моя дорогая, за свою жизнь я воспитал не один выводок птенцов! Так что в советах, как присматривать за детьми, я не нуждаюсь!

— Гм! — хмыкнула в ответ Мэри Поппинс и, подойдя к комоду, достала жестянку с бисквитным тортом. Потом вышла из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

Скворец заложил крылья за спину и начал ходить взад-вперед по подоконнику. Туда-обратно. Туда-обратно.

Вдруг Аннабела задвигалась в своей колыбельке и открыла глаза.

— Привет, — сказала она. — Я ждала тебя.

— Ха! — радостно воскликнул Скворец, перебираясь поближе.

— Кажется, я что-то хотела запомнить, — нахмурившись, сказала Аннабела. — Но вот что? Ты не мог бы мне напомнить?

Скворец уставился на нее. Его черные глаза погрузнели.

— Э-э-э, — он откашлялся. — Как же это было?.. Я — земля, вода, огонь и воздух... — начал он хриплым шепотом.

— Нет! Нет! — нетерпеливо перебила Аннабела. — Совсем не то!

— Э-э-э, — протянул Скворец, встревоженно косясь на нее. — Может, это о твоём путешествии? Ты пришла из моря и речных потоков, ты спустилась с неба и...

— Ах, какой ты глупый! — захныкала Аннабела. — Единственным путешествием в моей жизни была вчерашняя поездка в Парк! Нет, нет... Это было что-то важное! Что-то, начинающееся на «Б»...

Внезапно она вскрикнула:

— Ой! Я вспомнила! Вспомнила! Это Бисквит! Половинка чудесного воздушного Бисквита! Он лежит на каминной полке! Это Майкл забыл его там после чая.

— И это все, что ты вспомнила?! — печально спросил Скворец.

— Конечно! — раздраженно ответила Аннабела. — А что, это не все? Я думала, ты обрадуешься.

— Я рад! Очень рад! — поспешно закивал Скворец. — Но...

Аннабела отвернулась и закрыла глаза.

— Пожалуйста, давай поболтаем в другой раз, — проворковала она. — А то мне очень хочется спать.

Скворец посмотрел на каминную полку, потом снова на Аннабелу.

— Да... Бисквит... — вздохнул он и потрянул головой. — Увы, Аннабела, увы...

Мэри Поппинс тихо вошла в Детскую и осторожно прикрыла за собой дверь.

— Просыпалась? — спросила она шепотом.

Скворец грустно кивнул.

— Только на одну минутку. Но и этого вполне хватило.

Мэри Поппинс вопросительно взглянула на него.

— Она забыла, — пояснил Скворец. — Она все забыла. Как я и предполагал... Ах, как

это грустно!

— Гм!

Мэри Поппинс тихонько прошла по Детской, раскладывая игрушки по местам. Потом взглянула на Скворца. Он стоял на подоконнике, повернувшись к ней спиной, и его плечи слегка подрагивали.

— Что, снова подхватил насморк? — язвительно поинтересовалась Мэри Поппинс.

Скворец обернулся.

— Конечно, нет! Это... э-э-э... ночной воздух виноват. Он холодный, вот глаза и слезятся. Ну, мне пора!

Он вразвалку подошел к краю подоконника.

— Старею! — грустно заметил он. — Эх, прошла наша молодость, Мэри Поппинс!

— Насчет тебя — не знаю, — надменно отозвалась она. — Но я — какой была, такой и осталась! Вот так!

— Ах, да... — вспомнил Скворец и потряс головой. — Ведь ты — Чудо! Совершенство! Идеал!

Его глаза хитро сверкнули.

— Хотя я так и не думаю! — крикнул он через плечо, улетая прочь.

— Наглец! — бросила ему вдогонку Мэри Поппинс и со стуком захлопнула окно...

Глава шестая. История Робертсона Эя

— Идите живее! — сказала Мэри Поппинс, направляя коляску, где теперь лежали не только Близнецы, но и Аннабела, к своей любимой скамейке в Парке.

Скамейка была зеленой и стояла около Пруда. Мэри Поппинс выбрала ее потому, что нагнувшись чуть-чуть вбок, могла сколько угодно любоваться на свое отражение в воде. Вид собственного лица в обрамлении кувшинок доставлял ей неизъяснимое удовольствие.

Майкл плелся позади.

— Идем, идем, — тихо бубнил он, следя, чтобы Мэри Поппинс его не услышала, — и все никак не придем!

Мэри Поппинс обернулась и смерила его подозрительным взглядом.

— Поправь шляпу!

Майкл надвинул шляпу на глаза. На ленточке было написано «Х. М. С. Трубач». Надпись Майклу нравилась. Он считал, что она ему очень подходит.

Мэри Поппинс критически осмотрела ребят.

— Гм! — хмыкнула она. — Прямо как на картинке! Плететесь, словно пара черепах! И ботинки не чищены!

— А сегодня у Робертсона Эя выходной! — ответила Джейн. — И у него не было времени их почистить!

— Так — так! Праздный, ленивый, никчемный! Всегда был таким, всегда таким и останется! — сказала Мэри Поппинс и подкатила коляску поближе к зеленой скамейке. Усадив поудобнее Близнецов, она плотнее закутала в плед Аннабелу. Потом посмотрела на свое отражение в Пруду и поправила на шее новое украшение — бант из разноцветных ленточек. Сев на скамейку, она достала из коляски сумку с вязанием.

— Почему вы думаете, что Робертсон Эй всегда был таким? — спросила Джейн. — Разве вы знали его раньше?

— Не задавайте вопросов — и вам не солгут, — назидательно заметила Мэри Поппинс, начиная вязать жакет для Джона.

— Вот так всегда! Ничего не говорит! — проворчал Майкл.

— Да... — вздохнула Джейн.

Но очень скоро они забыли о Робертсоне Эе и увлеклись игрой в Мистера-и-миссис-

Бэнкс-и-их-двух-детей. Чуть позже они превратились в индейцев, а потом в канатоходцев, используя вместо каната спинку скамейки.

— Будьте добры, поосторожней! Не заденьте мою шляпку! — сделала замечание Мэри Поппинс.

Сегодня на ней была изящная коричневая шляпка с голубиным пером за ленточкой.

Майкл осторожно, шаг за шагом, двигался по спинке скамейки: Добравшись до противоположного конца, он снял свою шляпу и помахал ею.

— Джейн! — крикнул он. — Я король, вот мой дворец, а ты...²

— Подожди, Майкл! — перебила его Джейн, показывая на противоположный берег Пруда. Там по тропинке шел высокий, необычно одетый человек. На нем были желто-красные полосатые чулки, желто-красная куртка и желто-красная широкополая высокая шляпа. Джейн и Майкл с интересом наблюдали, как он важно и неторопливо приближался к ним. Шляпа у незнакомца была надвинута на глаза, а руки он держал в карманах.

Незнакомец громко насвистывал, а когда он подошел поближе, дети увидели, что края куртки и поля шляпы у него отделаны маленькими колокольчиками, которые при ходьбе мелодично звенели. Такого странного человека ни Джейн, ни Майкл еще в жизни не видели. Но что-то в нем показалось детям удивительно знакомым.

— Похоже, я видела его где-то раньше, — сказала Джейн и нахмурилась.

— Я тоже, — отозвался Майкл. — Вот только не могу вспомнить, где.

Насвистывая и позванивая колокольчиками, странная фигура приблизилась к коляске и поклонилась Мэри Поппинс.

— Привет, Мэри! — сказал Незнакомец, прикладывая два пальца к полям своей шляпы. — Как работа?

Мэри Поппинс подняла глаза от вязания.

— И без твоих вопросов — слава Богу! — фыркнула она.

Джейн с Майклом не видели лица Незнакомца за полями его шляпы, но по тому, как зазвенели колокольчики, они поняли, что он смеется.

— Вижу — как всегда, занята! — заметил он, кивая на вязание.

— Хотя ты всегда такая. Даже при дворе. Вечно либо трон чистишь, либо королевскую кровать застилаешь, либо алмазы в короне протираешь... Ей-богу, в жизни не встречал человека, который так любил бы работать.

— Зато о тебе этого не скажешь! — сердито ответила Мэри Поппинс.

— Ах! — засмеялся Незнакомец. — Вот здесь ты не права. Я тоже очень занят! Я ничего не делаю. А это отнимает ужасно много времени! Можно сказать, все время!

Мэри Поппинс поджала губы и ничего не ответила.

Незнакомец хмыкнул.

— Ну, мне пора. Увидимся.

Он щелкнул пальцем по колокольчику на шляпе, и тот мелодично зазвенел. Потом Незнакомец повернулся и, насвистывая, неторопливо пошел прочь.

Майкл и Джейн смотрели ему вслед, пока он не скрылся из виду.

— Бездельник и Наглец! — раздался сзади голос Мэри Поппинс. Обернувшись, дети обнаружили, что она тоже смотрит вслед Незнакомцу.

— Кто этот человек, Мэри Поппинс? — спросил Майкл, подпрыгивая от нетерпения.

— Я только что тебе это сказала! — фыркнула она. — Ты назвал себя Королем, хотя ты

---

² Известное двустишие-дразнилка из английского сборника стихов, песенок и загадок «Рифмы Матушки Гусыни»:

Я Король. Вот мой дворец.
А ты Бездельник и Наглец.

никакой не Король. Зато этот человек — самый настоящий Бездельник и Наглец.

— Это который из детского стишка? — удивилась Джейн.

— Но ведь детские стишки — не на самом деле! Они понарошку! — заспорил было Майкл. — А если даже и на самом деле, то кто тогда Король?

— Т-с-с-с! — прошептала Джейн и взяла его за руку.

Мэри Поппинс отложила вязание и устремила задумчивый взгляд на другой берег Пруда. Джейн с Майклом замолчали в надежде, что если они не будут шуметь, то услышат что-нибудь интересное. Близнецы свесились через край коляски, чтобы быть поближе к Мэри Поппинс, и только Аннабела продолжала мирно спать, сладко посапывая.

— Король, — начала Мэри Поппинс, глядя сквозь ребят, словно их здесь не было, — жил в далекой-далекой стране. Такой далекой, что большинство людей даже не слышали о ней. Он был так богат, что начни я сейчас перечислять все его сокровища, то даже за год не назвала бы и половины. Он был сказочно, удивительно, невероятно богат! И только одного у него не было. У него не было мудрости.

Мэри Поппинс на минуту остановилась, потом продолжила:

— В его стране добывалось много золота, его подданные были воспитанными и преуспевающими. У короля была жена и четверо пухленьких малышей. А может и пять. Точно Король не помнил, потому что у него была очень плохая память. Его Дворец был сделан из серебра и гранита, его казна была полна денег, а драгоценные камни в его короне были величиной с утиное яйцо. Он владел множеством прекрасных городов, бесчисленные корабли, принадлежащие ему, бороздили морские просторы.

Правой рукой Короля и его главным советником был Лорд-Канцлер, который отлично разбирался в том, кто есть кто и что есть что. Ведь наш Король был абсолютным, законченным глупцом и самое главное — знал об этом! И не удивительно: Королева и Лорд-Канцлер постоянно напоминали ему о том, как он глуп. Автобусные кондукторы, шоферы, продавцы магазинов — и те с трудом удерживались, чтобы не показать Королю, что они знают о его глупости. Нельзя сказать, чтобы они его не любили. Нет, просто они его не уважали.

Но Король не был виноват в том, что он глуп. С детства он пытался Хоть-Чему-Нибудь научиться. Среди урока он вскакивал и, утирая слезы горностаевой мантией, кричал: «Нет, я никогда, никогда не пойму этого! Никогда! Оставьте меня!» Но учителя, несмотря ни на что, не оставляли попыток научить его Хоть-Чему-Нибудь. Во Дворец съезжались Профессора со всего света в надежде, что им удастся научить его хотя бы сколько будет дважды два или как пишется слово «МАМА». Но все было напрасно.

И тут Королеве пришла в голову мысль.

— Надо пообещать Профессорам награду! — сказала она Лорду-Канцлеру. — Если в течение месяца Профессору удастся научить Короля Хоть-Чему-Нибудь, то он получит столько денег, сколько пожелает.

А если нет — то ему отрубят голову. Это послужит хорошим уроком всем нерадивым Профессорам! А головы будем вывешивать на Дворцовых Воротах.

И так как большинство Профессоров были небогаты, а объявленная награда очень велика, Профессора один за другим начали стекаться во Дворец. Но все их попытки оканчивались неудачей, и количество голов на Дворцовых Воротах все росло и росло.

Когда дела стали совсем плохи, Королева сказала мужу:

— Этельберт! (Этельберт было имя Короля). Думаю, будет лучше, если ты передашь управление страной мне и Лорду-Канцлеру. Мы знаем ответы на все вопросы.

— Гм! Не слишком удачная мысль! — возразил Король. — Ведь это мое Королевство!

Но в конце концов он согласился. Ведь королева была умнее его! Правда, Королю не очень-то нравилось, когда им помыкали в собственном Дворце, а кроме того — он любил держать в руке скипетр (у Короля была привычка грызть его ручку). Поэтому Профессора продолжали приходить во Дворец, и Король не оставлял надежды научиться Хоть-Чему-Нибудь. Но у него по-прежнему ничего не получалось. Все новые и новые головы появлялись

на Дворцовых Воротах, и Король украдкой плакал, потому что очень жалел своих учителей.

Каждый новый Профессор приходил, твердо веря в успех. Многие начинали с тех вопросов, которые еще не задавали их предшественники.

— Сколько будет шесть плюс семь, Ваше Величество? — спросил пришедший издалека молодой и красивый Профессор.

Король некоторое время думал, почесывая скипетром затылок, потом изрек:

— Конечно двенадцать!

— Так-так! — прищелкнул языком Лорд-Канцлер, стоящий за тронном.

Профессор застонал.

— Шесть плюс семь — тринадцать, Ваше Величество!

— О, прошу прощения! Задайте другой вопрос, Профессор! Уверен, на него я отвечу!

— Ну, хорошо. Сколько будет пять плюс восемь?

— Э-э-э... Гм! Сейчас-сейчас! Не подсказывайте, я сам. Есть! Пять плюс восемь будет одиннадцать!

— Так-так! — снова защелкал языком Лорд-Канцлер.

— Тринадцать! — безнадежно махнул рукой Профессор.

— Но, дорогой учитель! Вы совсем недавно сказали, что шесть плюс семь — тринадцать! А теперь вы заявляете, что пять плюс восемь — тоже тринадцать! Выходит, существует две цифры тринадцать?

Но молодой Профессор не ответил. Он лишь покачал головой и ушел прочь в сопровождении Палача.

— Так значит есть две цифры тринадцать? — снова спросил Король.

Лорд-Канцлер презрительно отвернулся.

— Ах, как жаль, — сказал Король самому себе. — У него было такое умное и красивое лицо! А теперь его голова, украсит Дворцовые Ворота! И все из-за меня!

После этого случая Король долго и усердно занимался Арифметикой, надеясь, что когда придет следующий Профессор, он сможет ответить на его вопросы.

Он восседал на троне неподалеку от подъемного моста и учил таблицу умножения. Пока Король смотрел в книгу, дело продвигалось как нельзя лучше, но как только он закрывал глаза и пытался вспомнить прочитанное, все сразу шло наперекосяк.

— семью один — семь, семью — два — тридцать три, семью три — сорок пять... — начал он однажды и, увидев, что снова ошибся, с отвращением отбросил книгу.

— Ужасно! Я никогда не поумнею! — застонал Король, зарывая лицо в горностаевую мантию.

Вытря слезы, он в изумлении уставился на дорогу, ведущую к замку. По ней шел какой-то незнакомец.

— Привет, — сказал Король. — Ты кто?

(У него была очень плохая память на лица).

— Если уж на то пошло, — ответил Незнакомец, — ты кто?

— Я Король! — важно представился Король и сделал широкий жест скипетром. — Вот мой Дворец!

— А я Бездельник и Наглец! — отозвался Незнакомец.

Король вытаращил глаза.

— Что, действительно? Как интересно! Очень рад встрече. Знаешь, сколько будет семью семь?

— Нет. А зачем?

Услышав это, Король издал радостный вопль. Он сбежал по ступенькам и бросился обнимать Незнакомца.

— Наконец-то! Наконец-то! — кричал он. — Наконец-то я нашел друга! Оставайся со мной! Все, чем я владею, — твое! Мы будем жить вместе!

— Но Этельберт! — вмешалась Королева. — Он не может жить здесь. Он простолюдин!

— Ваше Величество! — строго сказал Лорд-Канцлер. — Не нужно этого делать!

Но на этот раз Король им не уступил.

— Нужно! И будет именно так, как я сказал! — произнес он надменно. — Кто здесь Король — я или вы?

— Конечно вы, Ваше Величество... если так можно выразиться...

— Прекрасно! Дайте этому человеку колпак с бубенчиками. Я назначаю его Королевским Шутом!

— Шутом! — вскричала Королева, ломая руки. — Нам и одного шута много, а теперь будет целых два!

Но Король ничего не ответил. Он обнял Незнакомца за плечи и, пританцовывая, прошествовал во Дворец.

— Только после тебя! — вежливо сказал Король, останавливаясь перед дверью.

— Нет, проходи ты первый, — возразил Незнакомец.

— Ну, тогда вдвоем! — согласился Король, и они бок о бок вошли во Дворец.

С этого дня Король совсем забросил ученье. Он сложил книги большой стопкой во дворе и поджег. А потом вместе с новым приятелем бегал вокруг и распевал:

— Я Король! Вот мой Дворец!
А ты Бездельник и Наглец!

— Ты только эту песню знаешь? — спросил однажды Шут.

— Боюсь, что да, — грустно ответил Король. — А ты?

— О, я знаю много песен! — обрадовался Шут и запел:

— Ла-ла-ла!
Прилетела пчела!
Меду на ужин
Нам принесла!

А вот еще:

Девчонки, мальчишки! Пойдемте с нами!
Далеко за лесом и за горами!
Овцы в долинах, коровы в яслях,
Колыбелька упала на землю! Ах!³

— Прекрасно! — завопил Король, хлопая в ладоши. — Послушай! Я только что сам сочинил песенку! Вот она.

У собак и кошек
Ля-ля-ля!
Много-много блошек!
Ля-ля-ля!

— Гм! — хмыкнул Шут. — Неплохо!

— Подожди, я еще одну придумал! — сказал Король. — Кажется, она даже лучше этой!
Итак, внимание!

И он запел:

---

³ Стихи и песенки из сборника «Рифмы Матушки Гусыни». Шут их перевирает, берет по строчке из разных стихотворений. Пер. И. Родина.

— Сорви мне цветочек,
Достань мне звезду,
Свари их в кастрюльке
В меду и во льду!
Тру-ля-ля!
Тру-ля-ля!

Ничего вкуснее я не найду!

— Bravo! — вскричал Шут. — Давай споем их вместе!

Они обнялись и, танцуя, сделали круг по Дворцу. Когда закончилась первая песня, они запели вторую — и так много-много раз.

Устав от пения, они свалились на пол в парадном коридоре и заснули.

— Он делается все несносней! — шепнула Королева Лорду-Канцлеру. — Что будем делать?

— Я слышал, что завтра приезжает Самый Главный Профессор, — ответил Лорд-Канцлер. — Думаю, он нам поможет.

И действительно, на следующий день во Дворце появилась долговязая фигура с маленьким черным чемоданчиком в руке. С утра моросил дождь, но на Дворцовой площади все равно собралась большая толпа. Люди приветствовали Профессора и приподнимались на цыпочки, чтобы-получше его разглядеть.

— Как думаешь, он свою мудрость носит в чемоданчике? — спросил Король Шута, который, сидя у трона, играл в бабки.

Но Шут лишь усмехнулся.

— Ну, если Ваше Величество позволит, — бодро начал Самый Главный Профессор, — то начнем с Арифметики. Ответьте, Ваше Величество, на такой вопрос. Двое мужчин и один мальчик везли тележку через поле с клевером в середине Февраля. Сколько в общей сложности у них было ног?

Некоторое время Король смотрел на Профессора, потирая щеку скипетром. Шут подбросил бабки и поймал их тыльной стороной ладони.

— А что, это так важно? — спросил Король и улыбнулся Профессору.

— Да нет, не очень, — ответил тот, изумленно таращась на Короля. Потом добавил:

— Тогда я задам Вашему Величеству другой вопрос. Скажите, какая у моря глубина?

— Вполне достаточная для того, чтобы корабли могли по нему плавать!

Самый Главный Профессор удивился еще больше.

— Какая разница, Ваше Величество, между камнем и звездой, человеком и птицей? — улыбаясь, спросил он.

— Никакой, Профессор. Камень — это звезда, которая не светит. А человек — это птица, но только без крыльев.

Самый Главный Профессор подошел ближе и в недоумении уставился на Короля.

— Что лучше всего на свете? — тихо спросил он.

— Ничего не делать! — ответил Король и помахал скипетром.

— О, Боже! Боже! — запричитала Королева. — Это ужасно!

— Так-так! — закивал Лорд-Канцлер.

Но Самый Главный Профессор взбежал по ступенькам к трону и склонился перед Королем.

— Кто научил вас этому? — спросил он.

Король наклонил скипетр и указал на Шута, играющего в бабки.

— Его, — ответил он неграмотно.

Кустистые брови Профессора поползли вверх. Шут поднял голову и улыбнулся. Потом подбросил бабки, и Профессор, подавшись вперед, поймал их тыльной стороной ладони.

— Ха! — закричал он. — Я узнал тебя! Даже в этом колпаке с бубенчиками! Ты Бездельник и Наглец!

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Шут.

— Ваше Величество, чему он вас еще научил? — снова обратился Самый Главный Профессор к Королю.

— Петь, — ответил Король и, поднявшись с трона, запел:

— Сидели две коровы
На ветке зеленой,
И если б я был ею,
Я не был бы собой!

— Совершенно верно! — кивнул Профессор. — Чему еще?
Король, очень довольный, что его спросили, снова запел:

— Земля летит, не шелохнется,
А то вода в морях прольется!

— Так и есть, — заметил Профессор. — Еще что-нибудь?

— Ну, конечно! — вскричал Король, обрадованный таким успехом.

— Вот еще одна.

Я могу учиться
Хоть до посиненья!
Но времени не будет
Тогда на размышленья!

Или, может, Профессор, вам эта больше понравится:

Вокруг света идти
Мы согласия не даем!
Все равно в конце пути
Мы домой попадем!

Профессор захлопал в ладоши.

— Есть еще одна, — сказал Король. — Если, конечно, вам не надоело.

— Что вы, Сир! Спойте, прошу вас!

Король посмотрел на Шута и, хитро улыбнувшись, пропел:

— Ах, какая б жизнь была!
Жили б, не тужили,
Если б всех Профессоров
В речке утопили!

На последней строчке Самый Главный Профессор громко расхохотался и упал в ноги Королю.

— О, Король! — сказал он. — Да продлятся твои дни! Тебе нет никакой необходимости учиться у Профессоров!

Не говоря больше ни слова, он сбежал по ступенькам и, скинув пальто, пиджак и жилетку, упал на траву. Затем потребовал тарелку клубники со сметаной и большую кружку пива.

— Так-так! — изумленно пробормотал Лорд-Канцлер, с ужасом глядя на то, как и другие придворные сбегают вниз по ступенькам и, сбросив пальто, падают в траву.

— Клубники и пива! Клубники и пива! — хором вопили они.

— Дайте ему обещанный Приз! — кивнул Самый Главный Профессор на Шута и отхлебнул из кружки.

— Ф-фу! — отозвался Шут. — Не нужен мне этот Приз! Что я буду с ним делать?

Он поднялся на ноги, сунул бабки в карман и пошел по дорожке прочь.

— Эй! Ты куда? — встревоженно спросил Король.

— Куда глаза глядят. Может туда, а может сюда, — легкомысленно ответил Шут, продолжая спускаться по тропинке.

— Подожди меня! Я с тобой! — завопил Король и, спотыкаясь, бросился за ним.

— Этельберт! Что ты делаешь? Не забывай, кто ты! — сердито крикнула Королева.

— А я и не забываю, моя дорогая! — отозвался Король. — Напротив, я впервые в жизни помню об этом!

Он догнал Шута и обнял его за плечи.

— Этельберт! — снова крикнула Королева.

Король ничего не ответил.

Дождь, шедший с утра, кончился, но воздух был еще влажным. От Солнца на дорожку перед Дворцом великолепной аркой опустилась радуга.

— Я думаю, мы пойдем по этой дороге, — сказал Шут, показывая на радугу.

— Как? Она твердая? Она нас выдержит?

— Попробуй!

Король недоверчиво посмотрел на сверкающие полосы фиолетового, синего, зеленого, желтого, оранжевого и красного цвета.

— Ну что ж, я попытаюсь! — сказал он и ступил на разноцветную дорожку.

— Держит! Держит! — обрадовался он и, подхватив свою мантию, побежал вверх по радуге.

— Я Король! Вон мой Дворец! — победно пропел Король, показывая пальцем вниз.

— А я Бездельник и Наглец! — подхватил Шут и побежал следом.

— Но это невозможно! — изумленно пробормотал Лорд-Канцлер.

Самый Главный Профессор рассмеялся и отправил в рот очередную порцию клубники.

— Как может быть невозможно то, что происходит на самом деле? — пожал он плечами.

— Но это так! Это против всех Правил! — лицо Лорда-Канцлера стало красным от гнева.

— Этельберт, вернись! — умоляла Королева. — Я никогда не буду напоминать о твоей глупости, только вернись!

Король оглянулся и покачал головой, а Шут громко рассмеялся.

Вдруг что-то блестящее упало к ногам Королевы. Это был скипетр. Минутой позже рядом шлепнулась и корона.

— Вернись! — Королева умоляюще сложила руки.

Но в ответ лишь услышала песню:

— Эх, прощай, Любимая!

Вспоминай, Любимая!

Ты умна, но и я

Не дурак, Любимая!

Шут бросил Королеве одну из своих бабок и подтолкнул Короля вперед. Король подобрал мантию и припустился бегом. Шут побежал следом.

Все выше и выше поднимались они по яркой, разноцветной дорожке, пока облако не скрыло их.

— Ты умна, но и я

Не дурак, Любимая!

— повторило эхо последние слова песни.

— Так-так! — пробормотал Лорд-Канцлер. — Подобные вещи просто недопустимы! Королева села на пустой трон и горько заплакала.

— Мой Король ушел, — тихо всхлипывала она. — Все кончено! Я так одинока!

Между тем Король и Шут добрались до вершины радуги.

— Вот это восхождение! — воскликнул Король, садясь и запахиваясь в мантию. — Посижу немного... а может и много — не знаю. А ты иди дальше.

— Ты останешься здесь? — спросил Шут.

— О, конечно нет. Хотя почему бы и не остаться? Здесь так сцоккойно и красиво! Я могу сколько угодно и о чем угодно думать или, например, спать...

Он растянулся на радуге, подложив под голову мантию.

Шут наклонился и поцеловал его.

— Тогда до свидания, Король! — сказал он ласково. — Больше я тебе не нужен.

Он оставил мирно спящего Короля и, насвистывая, пошел туда, где радуга другим своим концом опиралась о землю. Он опять отправился бродить по свету, как бродил раньше, до встречи с Королем. Он любовался тем, что его окружало, насвистывал, пел песни и жил только одним, сегодняшним днем. Время от времени он поступал на службу к другим Королям или Знатным Особам, а иногда жил среди простых людей, в обыкновенных переулках, на самых обычных улицах. Порой он бывал одет в роскошные наряды, а порой в лохмотья жалкого нищего или бродяги. Но где бы он ни появлялся, куда бы ни приходил, всюду за ним следовали удача и счастье, которыми он щедро делился с теми, кто давал ему кров...

Мэри Поппинс замолчала. Некоторое время ее руки неподвижно лежали на коленях, а глаза смотрели куда-то вдаль. Затем она вздохнула и, слегка передернув плечами, поднялась со скамейки.

— А теперь, — сказала она энергично, — быстро домой! Узнаешь об этом в следующий раз! — строго заметила она, видя, что Джейн хочет о чем-то спросить. — Майкл! Сейчас же слезь со скамейки! Ты что, хочешь сломать себе шею? Ну, живо, пока я не позвала Полисмена!

Она быстро покатила коляску вперед. Джейн с Майклом поспешили следом.

— Интересно, куда пошел Король, когда радуга пропала? — задумчиво проговорил Майкл.

— Не знаю. Наверное, вслед за ней, — предположила Джейн. — Но мне гораздо интересней, что стало с Бездельником и Наглецом.

Мэри Поппинс дошла до конца Липовой Аллеи и повернула к Воротам Парка.

Вдруг Майкл схватил Джейн за руку.

— Смотри! — вскрикнул он и указал на Ворота.

Перед входом в Парк маячила знакомая фигура в желто-красном наряде.

Некоторое время Незнакомец смотрел на противоположную сторону Вишневой улицы и тихо насвистывал. Потом перешел через дорогу и не спеша перелез через садовую ограду.

— Но это же наша! — удивленно воскликнула Джейн. — Он залез в наш сад! Майкл, давай посмотрим!

И они припустились вперед.

— Ну-ка, ну-ка! Это еще что за скачки? — повысила голос Мэри Поппинс, крепко хватая Майкла за руку.

— Но мы хотим... — начал было он, пытаясь высвободиться.

— Что я сказала? — свирепо оборвала Мэри Поппинс и так посмотрела на Майкла, что он тут же перестал вырываться. — Будь добр идти рядом со мной! Джейн, можешь помочь мне везти коляску.

Нехотя Джейн перешла на шаг. Обычно Мэри Поппинс никому не доверяла коляску, и

Джейн заподозрила, что сегодняшнее исключение было сделано лишь затем, чтобы задержать их. Кроме того, Мэри Поппинс всегда ходила с такой скоростью, что они с трудом поспевали за ней, а сейчас, как назло, плелась черепашьям шагом, поминутно останавливаясь и оглядываясь по сторонам.

Через несколько минут (которые показались ребятам часами) они достигли ворот Парка. Мэри Поппинс не отпускала Джейн с Майклом ни на шаг, пока они не вошли во двор дома № 17. Наконец она отпустила руку Майкла, и дети помчались в сад.

Они обошли куст сирени. Никого. Обшарили заросли рододендрона, заглянули в беседку, обыскали террасу, даже залезли в бочку для поливки огорода. Безрезультатно. Бездельник и Наглец исчез, растворился в воздухе! В саду, кроме Джейн и Майкла, находился еще только один человек. Этим человеком был Робертсон Эй. Он храпел посреди газона, прислонившись щекой к сенокосилке.

— Все, — сказал Майкл. — Он, наверное, ушел через калитку. Больше мы его не увидим.

Майкл повернулся к сенокосилке. Джейн стояла рядом с ней и внимательно разглядывала Робертсона Эя. Старая фетровая шляпа со смятым верхом почти полностью скрывала его лицо.

— Интересно, как он провел выходной? — прошептал Майкл, стараясь не потревожить спящего. Но несмотря на все предосторожности, Робертсон Эй, должно быть, услышал его слова, так как заворочался и попытался поудобней устроиться на сенокосилке. И тут же до ребят долетел мелодичный звон. Слово от маленького колокольчика. Джейн вздрогнула и посмотрела на Майкла.

— Ты слышал? — прошептала она.

Майкл кивнул.

Робертсон Эй снова заворочался и что-то пробормотал во сне.

Ребята прислушались.

— Сидели две коровы, — донеслось до них, — На ветке зеленой... бу-бу-бу-бу... Я не был бы собой!.. Хм...

Глаза Майкла и Джейн стали похожими на блюда.

— Гм! Неплохо устроился! — Мэри Поппинс стояла сзади и тоже смотрела на Робертсона Эя. — Ленивый, бесполезный, никчемный! — добавила она сердито.

Но гнев ее был ненастоящим, потому что, достав из кармана платок, она подложила его под щеку Робертсона Эя, которой он опирался на сенокосилку.

— Когда проснется, щека будет чистой, — сказала Мэри Поппинс небрежно. — Вот удивится-то!

Но несмотря на ее тон, ребята видели, как старалась она не разбудить Робертсона Эя, как ласково смотрела на него. Многозначительно кивнув друг другу, Джейн с Майклом тихо повернулись и на цыпочках, чтобы не шуметь, пошли в дом вслед за своей няней. Все было ясно без слов.

Мэри Поппинс подняла коляску по ступенькам и вошла в прихожую. Парадная дверь закрылась за ними с мягким щелчком.

А из сада по-прежнему доносился громкий храп Робертсона Эя...

Вечером, когда Джейн и Майкл заглянули в комнату мистера Бэнкса пожелать ему доброй ночи, то застали его в сильном гневе. Мистер Бэнкс собирался в гости (он был приглашен на ужин) и никак не мог найти свою любимую запонку.

— Будь все трижды неладно! Вот она! — закричал он вдруг. — В жестянке, вместе с щетками для чистки плиты! Да еще на моем туалетном столике! Это Робертсон Эй! Его работа! Нет, я его точно когда-нибудь уволю! Он просто Бездельник и Наглец! — кипятился мистер Бэнкс, недоумевая, почему последняя фраза вдруг так развеселила Джейн и Майкла...

Глава седьмая. Парад-алле

— Что, пудинга не будет? — спросил Майкл, когда Мэри Поппинс с полными руками тарелок, кружек и вилок начала накрывать в Детской стол к вечернему чаю.

Обернувшись, Мэри Поппинс свирепо посмотрела на него.

— Сегодня, — фыркнула она, — у меня свободный вечер! Так что ешь хлеб с маслом — и будь благодарен! Многие мальчики на твоём месте обрадовались бы и этому!

— А я нет, — пробурчал Майкл. — Я хочу рисовый пудинг с медом!

— Хочу! Хочу! Ты все время чего-нибудь хочешь! То одно, то другое, то третье! В следующий раз ты захочешь Луну с неба!

Майкл засунул руки в карманы и, надувшись, отошел к окну.

Джейн сидела на подоконнике и смотрела в яркое морозное небо. Майкл тоже взобрался на подоконник.

— Ну и ладно! Ну и попрошу Луну! Ну и что? — бубнил он. — Все равно я ее не получу! Никто мне ничего не дает! Никогда!

Перехватив гневный взгляд Мэри Поппинс, Майкл поспешно отвернулся.

— Джейн, — сказал он — пудинга не будет.

— Не мешай мне! Я считаю, — ответила Джейн, прижимаясь носом к оконному стеклу.

— Что считаешь? — спросил он без интереса. Его мысли были полностью заняты пудингом с медовой начинкой.

— Падающие звезды. Смотри, вон еще одна. Это уже седьмая. И еще! Врсьмая! И там, над Парком тоже! Девятая!

— Ух ты! Одна упала на дом Адмирала Бума! Прямо на трубу! — воскликнул Майкл, приподнимаясь и моментально забывая о пудинге.

— А вон еще одна — маленькая! Смотри, она летит над нашей улицей! — вскричала Джейн. — О, как бы мне хотелось сейчас оказаться там! Мэри Поппинс, а почему звезды падают?

— Их что, выстреливают из ружья? — предположил Майкл.

Мэри Поппинс презрительно фыркнула.

— Вы за кого меня принимаете? За Энциклопедию? Все от «а» до «я»? — сердито поинтересовалась она. — Будьте добры, сядьте за стол и пейте, наконец, чай!

Она подтолкнула их к стульям и задернула шторы.

— И никакой ерунды! Я тороплюсь!

Джейн с Майклом еще никогда не ели с такой скоростью.

— Нельзя ли мне еще один? — спросил Майкл, протягивая руку к тарелке с бутербродами.

— Нельзя! Ты и так съел больше, чем нужно. Возьми имбирное печенье — и отправляйся в кровать!

— Но...

— И никаких «но»! Не то пожалеешь! — неумолимо оборвала Мэри Поппинс.

— Теперь у меня наверняка заболит живот! Наверняка! — шепнул Майкл Джейн. Сказать это вслух он не осмелился: у Мэри Поппинс был такой вид, что любой бы понял — никаких возражений она не потерпит.

Джейн не обратила внимания на его слова. Она медленно жевала имбирное печенье и вглядывалась в морозное небо, клочок которого был виден в просвете между шторами.

— Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать...

— Я что, непонятно сказала — в кровать? — повысила голос Мэри Поппинс.

— Да-да, Мэри Поппинс! Конечно! Уже идем!

И они с визгом побежали в Детскую Спальню. Мэри Поппинс грозовой тучей двинулась следом.

Не прошло и полчаса, как Мэри Поппинс уложила их и даже успела подоткнуть

простыни и одеяла под матрацы.

— Все! — сказала она сквозь зубы. — На сегодня довольно! И если я услышу Хоть Одно Слово...

Она не закончила, но ее взгляд красноречиво досказал остальное.

— То будет беда! — закончил Майкл, предварительно спрятавшись под одеяло. Ведь он знал, что случится, скажи он это вслух!

Мэри Поппинс выскользнула из комнаты. Ее крахмальный передник шелестел и похрустывал в такт шагам. Дверь захлопнулась. Дети услышали легкие шаги на лестнице. «Топ-топ, топ-топ» — со ступеньки на ступеньку.

— Она забыла выключить ночник! — сказал Майкл, оторвав лицо от подушки. — Должно быть, она и впрямь очень спешила. Интересно, куда она пошла?

— Ой! Она неплотно задернула шторы! — заметила Джейн, садясь в кровати. — Ура! Мы сможем считать падающие звезды!

Крыши домов на Вишневой улице были покрыты изморозью и ярко блестели в лунном свете. Все вокруг сияло и искрилось — и земля, и небо.

— Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать... — считала Джейн, а звезды все падали и падали. Как только исчезала одна звезда, ее место тут же занимала другая, поэтому казалось, что небо живое, что оно танцует, образуя целые хорорыводы из падающих звезд.

— Прямо как фейерверк! — сказал Майкл. — Посмотри, вон еще одна. Или как Цирк! Джейн, как ты думаешь, на небе есть Цирк?

— Не уверена, — с сомнением ответила она. — Там есть Большая Медведица, Малая Медведица, Телец и Лев. А про Цирк я не знаю.

— Мэри Поппинс, наверное, знает, — многозначительно кивнул Майкл.

— Да, но она вряд ли скажет, — возразила Джейн и снова повернулась к окну.

— Где я остановилась? На двадцати? Ой, Майкл! Как это красиво, правда? — г запрыгала она в кровати, показывая на окно.

Очень яркая звезда (такой яркой Джейн с Майклом еще не видели) летела через все небо прямо к дому № 17 по Вишневой улице. Она была не похожа на остальные звезды. Вместо того, чтобы лететь прямо, она то и дело поворачивала, кружила и выписывала в небе изящные пируэты.

— Ой, Майкл, прячься! — закричала вдруг Джейн. — Она летит прямо сюда!

Они нырнули под одеяла и спрятали головы под подушки.

— Как ты думаешь, она уже пролетела? — донесся через некоторое время до Джейн приглушенный голос Майкла. — А то я сейчас задохнусь!

— Конечно же, нет! — ответил тонкий, звенящий голос. — За кого вы меня принимаете?

Измученные Джейн и Майкл сбросили одеяла и сели в кроватях. На самом краю подоконника сидела, опираясь на сверкающий хвост, падающая звезда.

— Ну, собирайтесь! Да поживее! — сказала она, и по потолку забегали серебристые блики.

Майкл опешил.

— Но... я не понимаю... — начал было он.

Звонкий, веселый смех рассыпался по комнате.

— Что, действительно, не понимаете? — спросила Звезда.

— Мы... мы должны пойти с тобой? — с трудом выговорила Джейн.

— Конечно! И оденьтесь потеплее! Там холодно!

Выпрыгнув из кроватей, Джейн с Майклом бросились искать пальто.

— Деньги есть? — неожиданно спросила Звезда.

— Два пенса в кармане жакета, — подумав, ответила Джейн.

— Медь? Нет, не годится. Ну-ка, лови!

И зашипев, словно праздничный фейерверк, Звезда рассыпала по комнате сноп искр. Одна искорка упала на ладонь Майкла, а другая — на ладонь Джейн.

— Поторопитесь! Не то мы опоздаем!

Звезда яркой полосой пересекла Детскую и, пройдя сквозь запертую дверь, стала спускаться по ступенькам вместе с Джейн и Майклом.

— Может, я сплю? — спросила себя Джейн, когда они шли по Вишневой улице вдоль притихших домов.

— Поднимайтесь за мной! — крикнула Звезда, когда они достигли конца улицы. Казалось, что небо опускается здесь прямо на тротуар. Звезда взмыла вверх и исчезла.

— За мной!.. За мной!.. — донесся откуда-то сверху тоненький голосок. — Смелее шагай! На звезду наступай! — пропел голосок чуть погодя.

Джейн взяла Майкла за руку и неуверенно оторвала ногу от тротуара. К своему удивлению она обнаружила, что ближайшая звезда была в пределах досягаемости. Джейн осторожно шагнула. Звезда оказалась твердой и прочной.

— Ну, давай же, Майкл!

И они начали взбираться в ночное морозное небо, перепрыгивая со звезды на звезду.

— Идите за мной! — звенел где-то впереди тоненький голосок.

Джейн остановилась и посмотрела вниз. Тотчас у нее захватило дух — так высоко она еще никогда не забиралась. Вишневая улица, а вместе с ней и вся земля, казалась такой маленькой, что походила на сверкающую игрушку на Рождественской елке.

— Майкл, у тебя голова не кружится? — спросила Джейн, перепрыгивая на большую и плоскую, будто тарелка, звезду.

— Когда ты меня держишь за руку, то нет.

Они остановились. Позади них до самой земли расстилалась широкая дорога из звезд, но впереди не было ничего, кроме темно-синего, пустого неба.

Джейн почувствовала, как задрожала рука Майкла.

— Ч-ч-что теперь будем делать? — запинаясь, спросил он, изо всех сил стараясь не показать своего страха.

— Поднимайтесь! Поднимайтесь и любуйтесь! Платите деньги и выбирайте, что по душе! Крылатый Конь и Двуххвостый Дракон! Чудеса Магии! Исполнение любых желаний! Поднимайтесь! Поднимайтесь!

Казалось, громкий голос выкрикивал эти слова прямо у них над ухом. Дети огляделись по сторонам. Никого.

— Не проходите мимо! Вы увидите Золотого Тельца и Веселого Клоуна! Самая лучшая в мире труппа представляет Парад Созвездий! Увидев однажды, вы никогда это не забудете! Отодвигайте занавес и заходите! — снова прокричал голос где-то совсем рядом.

Джейн протянула руку. К своему удивлению она обнаружила, что пустое беззвездное пространство впереди, которое она приняла поначалу за небо, на самом деле было тёмно-синим занавесом. Она подошла ближе и, раздвинув тяжелые складки, потянула Майкла вперед.

Яркий сноп лучей на мгновение ослепил их. Когда глаза ребят привыкли к свету, они увидели, что стоят на краю посыпанной светящимся песком арены. Большой синий занавес окружал арену со всех сторон, а сверху образовывал что-то вроде высокого шатра.

— Наконец-то! Вам известно, что вы опаздываете? Билеты уже купили?

Дети обернулись. Перед ними стояла громадная, странная фигура. Судя по всему, это был охотник — с его плеч свешивалась шкура леопарда, а на поясе, украшенный тремя большими звездами, поблескивал меч.

— Билеты, пожалуйста, — сказал Охотник и протянул руку.

— Боюсь, что у нас нет билетов. Мы не знали... — начала Джейн.

— Ах, господи, как непредусмотрительно! — перебил Охотник. — Без билетов я не могу вас пропустить. Но что это у тебя в руке?

Джейн разжала пальцы. На ладони у нее лежала искорка, подаренная звездой.

— Гм! Если это не билеты, то хотел бы я знать, что это такое!

Взяв искорку, Охотник прикрепил ее между тремя звездами, украшавшими его меч.

— Еще одна пылинка для пояса Ориона! — с удовольствием заметил он.

— Так вы — Орион? — удивилась Джейн.

— Конечно. Разве вы не знали? Но, прошу прощения, я должен находиться у двери. Проходите, пожалуйста!

Держась за руки, ребята, изумленные и растерянные, пошли вперед. С одной стороны от них ряд за рядом возвышались места для зрителей, а с другой был протянут золотой шнур, огораживающий арену. Арена была заполнена необычными, сверкающими, как золото, животными. Конь с большими золотыми крыльями нетерпеливо перебирал сияющими копытами. Золотая Рыба взрывала песок плавниками. Три маленьких Козленка скакали, поднявшись на задние ноги. Приглядевшись, Джейн с Майклом поняли, что все животные сделаны из звезд. И крылья Коня, и мордочки Козлят, и чешуя Рыбы — все это были звезды!

— Добрый вечер! — вежливо поздоровалась Рыба и поклонилась Джейн. — Замечательная ночь для представления!

И прежде чем Джейн успела ответить хоть слово, рыба двинулась дальше.

— Как странно! — удивилась Джейн. — Я еще никогда не видела таких животных!

— Почему же это странно? — услышали они сзади чей-то голос.

Два мальчика, чуть постарше Джейн, стояли рядом и весело улыбались. Одеты они были в яркие плащи и прелестные шапочки, на каждой из которых вместо помпона сверкало по звезде.

— Прошу прощения, — вежливо сказала Джейн, — но обычно животные бывают из шерсти и перьев. А ваши, кажется, сделаны из звезд!

— Так и есть! — ответил первый мальчик, удивленно глядя на нее. — Из чего же еще? Ведь это Созвездия!

— Но здесь даже опилки золотые! — недоумевал Майкл.

Второй мальчик рассмеялся.

— Это всего лишь звездная пыль! Вы что, ни разу в Цирке не были?

— Нет, в таком ни разу.

— Ха, цирк от цирка мало чем отличается. Просто наши животные чуть поярче — вот и вся разница.

— А вы кто такие? — спросил Майкл.

— Близнецы. Он — Поллукс, а я Кастор. Мы неразлучные!

— Как Сиамские Близнецы?

— Да. И даже больше. Сиамские Близнецы соединены спинами, а у нас сердце одно на двоих! И мысли! Даже сны мы видим одни и те же! Просим прощения, но сейчас нам некогда. Нужно готовиться к представлению. Смотрите не опоздайте!

С этими словами Близнецы исчезли за занавесом.

— Привет! — до ребят донесся с арены чей-то грустный голос.

— Не найдется ли у вас в кармане булочки с черносмородиновой начинкой?

Дети обернулись и увидели Дракона с двумя огромными хвостами, увенчанными гребнями. Из ноздрей Дракона шел пар.

— Извините, но у нас нет, — ответила Джейн.

— Может, есть парочка бисквитиков? — с надеждой спросил Дракон.

Ребята покачали головами.

— Я так и знал, — сказал Дракон, роняя в опилки золотую слезу. — До выступления всегда так. Поесть удастся только, когда все закончится. На ужин я обычно съедаю по одной красивой девушке...

Джейн отпрянула и, схватив Майкла за руку, потащила его за собой.

— О, не волнуйся! — успокоил ее Дракон. Ты слишком маленькая. Кроме того, ты человек, а люди невкусные. Они меня держат голодным, — пояснил он, — чтобы я лучше выполнял трюки. Но после представления...

В глазах Дракона зажегся хищный огонь, и он пошел прочь, облизываясь и бормоча под

нос: «Ням-ням! Ням-ням!»

— Знаешь, я рада, что мы люди, — сказала Джейн, поворачиваясь к Майклу. — Быть съеденным Драконом — это просто ужасно!

Но Майкл уже ушел вперед и теперь разговаривал с Тремя Маленькими Козлятами.

— Как это происходит? — услышала Джейн его вопрос.

Старший Козленок, обрадованный тем, что представилась такая возможность, прочистил горло и начал:

— Стучат копыта,
Бодает рог...

— Тихо! — оборвал его Орион. — Споете, когда придет время. Приготовьтесь, мы скоро начинаем! Идите за мной! — сказал он, повернувшись к Джейн и Майклу.

Они послушно двинулись вслед за сияющей фигурой Охотника. Звездные животные оборачивались и провожали их изумленными взорами, о чем-то оживленно перешептываясь друг с другом.

— Это кто? — спросил огромный Телец, останавливаясь, чтобы получше их рассмотреть.

К нему подошел Лев и что-то шепнул на ухо. До ребят донеслись слова «Бэнкс» и «Свободный вечер».

Больше ничего, как ни прислушивались, они различить не смогли.

Все места в Цирке были заполнены сверкающими звездными существами. Осталось лишь три свободных места. К ним-то Орион и подвел ребят.

— Вот здесь. Мы оставили эти места специально для вас. Прямо под Королевской Ложей. Отсюда вам будет хорошо видно. Смотрите! Уже начинают!

Обернувшись, Джейн с Майклом увидели, что арена пуста. Пока они пробирались к своим креслам, все животные ушли за кулисы. Ребята расстегнули пальто и стали смотреть.

Загремели фанфары. Музыка эхом разнеслась по Цирку, но сквозь нее слышался какой-то слабый свист.

— Кометы! — объяснил Орион, садясь рядом с Майклом.

Занавес открылся — и на арену одна за другой выбежали девять комет. Их пышные гривы сверкали золотом, а на головах красовались серебряные плюмажи.

Музыка зазвучала еще громче, и на самой пронзительной ноте все кометы вдруг упали на колени и склонили головы. Поток горячего воздуха прокатился по Цирку.

— Ой, как жарко! — вскричала Джейн.

— Тихо! Он идет! — прошептал Орион.

— Кто? — не понял Майкл.

— Король Манежа!

Орион кивнул на дальний вход. Оттуда шел такой яркий свет, что мерцание Созвездий совершенно поблекло.

— Вот он! — проговорил Орион с нежностью в голосе. Едва он это сказал, занавес раздвинулся, и на арене появилась гигантская золотая фигура с круглым, пышущим жаром лицом и короной ослепительно-ярких кудрей.

Сделалось так жарко, что Джейн и Майклу пришлось снять пальто.

Орион встал и поднял правую руку над головой.

— Хей, Солнце, хей! — крикнул он.

— Хей! — подхватила публика.

Солнце обвело взглядом Цирк и в ответ на приветствие три раза покрутило хлыстом над головой. За третьим оборотом последовал громкий, резкий щелчок.

Кометы тут же поднялись на ноги и легким галопом поскакали по кругу. Их гривы развевались, а головы, украшенные серебряными плюмажами, были высоко подняты.

— А вот и мы! А вот и мы! — закричал громкий, пронзительный голос, и на арену из-за кулис вывалилась какая-то нелепая фигура.

— Сатурн — Клоун! — шепнул ребятам Орион.

У Клоуна было разукрашенное лицо, большой, чуть ли не до ушей, ярко-красный рот и огромное серебристое жабо на шее.

— А и Б сидели на трубе! А упало, Б пропало. Кто остался на трубе? — обратился Клоун к публике и встал на руки.

— И! — хором завопили Майкл и Джейн.

На лице Клоуна появилось растерянное выражение.

— О! Вы это знаете! Так нечестно!

Король Манежа Солнце щелкнул хлыстом.

— Хорошо-хорошо! Я задам другой вопрос! — сказал Клоун.

— Почему утка плавает?

— Па воде! — закричали ребята.

Хлыст обхватил колени Клоуна.

— Ой! Ой! Ой! Не делайте этого! Не обижайте несчастного шутника! Ах, вы смеетесь? Ну, сейчас я вас заставлю замолчать! Слушайте!

Он сделал в воздухе сальто.

— Какие ноты можно съесть? Кто знает?

— Фа и Соль! Фасоль! — завопили Джейн и Майкл.

— Уходи с манежа! — крикнуло Солнце и, взмахнув хлыстом, опутало им плечи Клоуна.

— Ой-ой-ой! Бедный старый шутник! Ему опять не повезло! Они знают все его самые лучшие шутки! Ах, бедный старый шутник!

И он сделал двойное сальто перед самым носом Пегаса, крылатого коня, который как раз выезжал на арену, неся на спине стройную, изящную фигурку.

— О, пардон, мадам! — поклонился Клоун и отскочил в сторону.

— Венера! Вечерняя Звезда! — воскликнул Орион.

Затаив дыхание, Джейн с Майклом смотрели, как она, стоя на спине у Пегаса, скачет по арене вокруг Солнца. Вдруг Король Манежа достал большой обруч, обтянутый тонкой золотой бумагой.

— Ап! — скомандовал он, и Венера, грациозно прыгнув сквозь обруч, снова спустилась на спину Крылатого Коня.

— Ура! — закричали ребята, и вся звездная публика подхватила: — Ура!

— Дай и мне попробовать! Пусть хотя бы кошка рассмеется! — заверещал Клоун. Но Венера покачала головой, и, рассмеявшись, скрылась за занавесом.

И тут же на арену, пританцовывая, выбежали Три М аленьких Козленка. Они поклонились Солнцу и, выстроившись перед ним в ряд, запели тоненькими голосами:

— Стучат копыта,
Бодает рог!
Козлята ночью
Идут за порог!
Ярко светятся носы!
Ярко светятся хвосты!
Темнеет даль,
Ложится роса!
Козлята взбираются
На небеса!
Ярко светятся носы!
Ярко светятся хвосты!
Устали козлята,

Хотят отдохнуть —
И вот бегут На Млечный Путь!
Ярко светятся носы!
Ярко светятся хвосты!
Целую ночь
От зари до зари
Козлята на небе!
Один! Два! И три!
Ярко светятся носы!
Ярко светятся хвосты!

Проблевав последние две строчки, они вприпрыжку убежали с арены. — А теперь кто? — спросил Майкл, но Орион не успел ответить, потому что следующий участник представления уже вышел на арену. Это был Дракон. Его два хвоста взметали целые тучи золотистой пыли, а из ноздрей валил пар. За ним выбежали Кастор и Поллукс, неся большой белый сверкающий шар, на котором можно было различить горы, океаны и моря.

— Похоже, это Луна! — сказала Джейн.

— Конечно! — подтвердил Орион.

Дракон поднялся на задние лапы, и Близнецы установили Луну у него на носу. Подождав, пока Луна перестанет качаться, Дракон шагнул вперед и начал танцевать вальс. Играла чудесная звездная музыка, а Дракон кружился и кружился.

— Достаточно! — сказала Солнце и щелкнуло хлыстом.

Дракон с облегчением кивнул головой и бросил Луну в публику... Описав широкую дугу, она шлепнулась прямо Майклу на колени.

— Вот это да! — опешил Майкл, раскрыв рот от удивления. — Что я буду с ней делать?

— Что хочешь, — ответил Орион. — Насколько мне известно, ты просил, чтобы тебе ее достали с неба.

И тут Майкл вспомнил свой сегодняшний разговор с Мэри Поппинс. Он просил Луну — и вот получил ее! Но что же ему с ней делать? Ой, как стыдно!

Но времени думать об этом у него не было, потому что Король Манежа снова щелкнул хлыстом. Обхватив Луну руками, Майкл повернулся к арене.

— Сколько будет три плюс два? — спросило Солнце у Дракона.

Оба хвоста дружно поднялись и пять раз взметнули над ареной звездную пыль.

— А шесть плюс четыре?

Дракон немного подумал. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь... Хвосты застыли в воздухе.

— Неверно! — сказала Солнце. Совершенно неправильно! Ужина сегодня не получишь!

Услышав это, Дракон расплакался и, всхлипывая, направился к занавесу.

— Ах, бедный я, бедный! У-у-у! У-у-у! — причитал он.

Дайте мне девушку,
Сочную, сладкую!
Можно вареную, можно печеную,
Девушку вкусную, девушку звездную,
В масле с картошкой и перцем тушеную!
Дайте мне двух! Я кушать хочу!
Я бедный, голодный, несчастный... У-у-у!

— Может все-таки дать ему одну маленькую девушку? — спросил Майкл, которому было очень жаль Дракона.

— Т-с-с! — прошептал Орион, так как на арену вдруг выпрыгнуло что-то

ослепительно-яркое. Когда облако звездной пыли рассеялось, дети в страхе отпрянули. Перед ними был Лев, и он грозно рычал.

Майкл придвинулся поближе к Джейн.

Припадая к земле, как будто для прыжка, Лев медленно двинулся к Солнцу. Высунув длинный красный язык, он хищно облизнулся. Но Король Манежа лишь рассмеялся и слегка шелкнул Льва ногой по носу. Взревев, словно его обожгли, зверь подпрыгнул сразу на четырех лапах. Хлыст Солнца пронзительно шелкнул. Рыча, Лев медленно, будто нехотя, поднялся на задние лапы. Король Манежа достал из кармана скакалку и протянул ее Льву. Лев взял ее и запел:

— Я Лев! Я воспитан и сдержан всегда!
Я строен, красив — и вообще хоть куда!
Я царь всех зверей! Сверкает корона!
Я гордо иду у ноги Ориона!
Вы ночью меня увидите там!
А как я красив — я знаю и сам!

Закончив петь, он начал прыгать через скакалку по всей арене, вращая при этом глазами и рыча.

— Эй! Поторопись! — донесся из-за занавеса чей-то бас. — Теперь наша очередь!

— Давай поживее, ленивый кот! — добавил тоненький голосок.

Лев бросил скакалку и с диким рыком кинулся к занавесу. Однако насмешницы сумели увернуться, и Лев их упустил. >

— Большая и Малая Медведицы! — объявил Орион.

На арену вразвалку выбежали два медведя. Держась друг за друга, они медленно танцевали вальс.

Сделав два круга по арене, они неуклюже поклонились и хором продекламировали:

Мишкам надо уходить!
Надо Мишек наградить!
Все Созвездия пришли,
Меду в сотах принесли!
Принесли его для нас,
Чтобы сделать нам запас!
Чтобы...
Чтобы...
Чтобы...

Они сбились и замолчали, переглядываясь.

— Ты не помнишь, что там дальше? — прикрывшись лапой, спросила Большая Медведица.

— Не помню! — покачала головой Малая и посмотрела вниз на звездную пыль, словно надеялась там отыскать забытое слово.

Но публика нашла выход из положения. Ливень из медовых сот обрушился на Медведей. Большая и Малая Медведицы с облегчением вздохнули и стали их подбирать.

— Хорошо! — воскликнула Большая Медведица, с наслаждением нюхая соты.

— Замечательно! — отозвалась Малая, откусывая от сот большой кусок.

Вконец перемазавшись медом, они поклонились Солнцу и убежали с арены.

Король Манежа взмахнул рукой. Музыка заиграла громче и торжественней.

— Это сигнал для Большого Парада! — сказал Орион.

Из — за занавеса появились танцующие Кастор и Поллукс, а за ними и все остальные Созвездия. Снова вышли перепачканные медом Медведи, Лев, который все еще был очень

сердит; следом плыл звездный Лебедь и высоким, чистым голосом пел песню.

— Лебединая песнь, — пояснил Орион.

За Лебедем показалась Рыба, которая вела на серебряном поводке Трех Маленьких Козлят, и горестно всхлипывающий Дракон. Жуткий рев на мгновение перекрыл музыку. Это было мычание Тельца. Он скакал по арене и пытался сбросить со спины Клоуна-Сатурна.

Все новые и новые животные присоединялись к Большому Параду — и скоро арена представляла собой сплошную золотую массу рогов, копыт, грив и хвостов.

— Уже конец? — прошептала Джейн.

— Почти, — ответил Орион. — Сегодня они должны закончить пораньше. В половине одиннадцатого ей надо уходить.

— Кому? — хором спросили Майкл и Джейн.

Но Орион их не слышал. Он поднялся со своего места и замахал руками.

— Быстрее! Быстрее! Прибавьте шагу! — кричал он.

Венера верхом на Крылатом Коне возникла на арене. За ней, словно большой сверкающий обруч, катилась Змея, сцепив голову с хвостом. Самыми последними из-за занавеса выбежали кометы, весело маша своими пышными хвостами.

Музыка заиграла еще громче. С арены, словно золотой дым, начала подниматься звездная пыль, а животные с криком, шумом, визгом, рычаньем и топотом стали образовывать большой светящийся круг.

В середине оставалось много свободного места, но ни одно из Созвездий не смело приблизиться к Солнцу. Оно стояло в самом центре, грозно возвышаясь над ними и сжимая в руке хлыст. Животные со склоненными головами проходили мимо него, и Солнце кивало каждому в ответ.

Затем взгляды всех звездных существ, принимавших участие в этом великолепном Параде, устремились на Королевскую Ложу. Солнце подняло хлыст и кивнуло в ту сторону, где сидели Майкл и Джейн. Дети вздрогнули от неожиданности. Хлыст громко шелкнул, и все Созвездия, как по команде, сделали один оборот вокруг Солнца по своим орбитам. Затем все разом поклонились.

— Они... они кланяются нам?! — изумленно прошептал Майкл и крепче сжал лежащую у него на коленях Луну.

Знакомый смех раздался у них за спиной. Ребята обернулись. В Королевской Ложе в гордом одиночестве восседала... Мэри Поппинс! Дети сразу узнали ее соломенную шляпку, синюю блузку и ярко блестящую на шее цепочку с медальоном.

— Хей, Мэри Поппинс, Хей! — разнесся по Цирку приветственный клич.

Джейн с Майклом переглянулись. Так вот куда торопилась Мэри Поппинс! Ребята просто не могли поверить своим глазам! Но перед ними действительно была Мэри Поппинс! И выглядела она чрезвычайно торжественно.

— Хей! — снова загремело вокруг.

Мэри Поппинс в знак приветствия подняла руку. Потом важно вышла из Королевской Ложы. Было похоже, что она ничуть не удивилась, увидев в Цирке Майкла и Джейн. Даже не повернула головы в их сторону, лишь фыркнула, проходя мимо:

— Сколько раз можно говорить, что тарашиться подобным образом неприлично!

С этими словами она проследовала на арену. Большая Медведица подняла перед ней золотой шнур, разделяющий зрительный зал и арену, а остальные звери почтительно расступились, освобождая ей дорогу. Мэри Поппинс вошла в круг. Солнце сделало шаг вперед, и когда оно заговорило, голос его был полон нежности и тепла.

— Дорогая Мэри! Ты всегда желанная гостья!

Мэри Поппинс присела в глубоком реверансе и преклонила колено.

— Все Планеты и Созвездия приветствуют тебя! Поднимись, дитя мое!

Мэри Поппинс встала и почтительно наклонила голову.

— Для тебя, дорогая Мэри, — продолжало Солнце, — звезды сегодня собрались здесь, вместо того, чтобы взойти, как обычно, на небо. Надеюсь, тебе не было скучно сегодня

вечером.

— Чудеснее вечера у меня не было! Никогда! — ответила Мэри Поппинс, поднимая голову и счастливо улыбаясь.

— Дорогое дитя! — сказала Солнце. — Время ночи подходит к концу, а тебе надо уходить в половине одиннадцатого. Но перед тем как ты уйдешь, давайте все вместе станцуем наш старый любимый танец. Танец Звездного Неба!

— Идите вниз, — сказал Орион детям и слегка подтолкнул их вперед. Джейн с Майклом в один момент скатились по ступенькам и уже хотели ступить на арену, как вдруг услышали знакомый голос:

— Где ваши хорошие манеры, хотелось бы мне знать!

— А что надо делать? — растерялась Джейн.

Мэри Поппинс выразительно посмотрела на нее и еле заметно кивнула на Солнце. Вдруг Джейн поняла.

Она схватила Майкла за руку и, преклонив колено, заставила его сделать то же самое.

Жар от Солнца нежно согревал их.

— Встаньте, дети! — сказала оно ласково. — Вы всегда желанные гости. Я хорошо знаю вас — ведь я так часто наблюдаю за вами ясными летними днями!

Джейн шагнула к Солнцу, но оно, вытянув руку с хлыстом, остановило ее.

— Не дотрагивайся до меня, дитя земли! Жизнь слишком нежна и хрупка. Ни одно живое существо не может находиться близко к Солнцу! Ни в коем случае не прикасайся ко мне!

— Но вы действительно Солнце? — спросил изумленный Майкл.

Солнце стремительно подняло руку.

— Звезды и Созвездия! Скажите, кто я! Эти дети хотят знать!

— Повелитель Звезд, о Солнце! — ответил многотысячный хор.

— Король Севера и Юга! — воскликнул Орион. — Правитель Востока и Запада — всего мира от края до края! В лучах твоего величия тают даже снеговые вершины Полюсов! Ты тот, кто вдыхает жизнь в семена и заставляет плодоносить деревья! Все это ты, о Солнце!

Солнце улыбнулось Майклу.

— Ну, теперь веришь?

Майкл кивнул.

— Итак, приготовились! Созвездия, выбирайте себе партнеров!

Солнце подняло хлыст. Музыка заиграла снова: весело, задорно. Майкл начал отбивать такт ногой и, боясь уронить Луну, прижал ее к себе посильней. Но, видимо, он не рассчитал, потому что внезапно раздался громкий хлопок, и Луна стала уменьшаться.

— Ой! Ой! Ой! Что я наделал! — вскричал Майкл, чуть не плача.

А Луна таяла на глазах. Скоро она уже была не больше мыльного пузыря. Еще чуть-чуть — и она превратилась в маленькую сияющую песчинку, а потом и вовсе пропала.

— Это была не настоящая Луна? Ведь правда? — растерянно бормотал Майкл, оглядываясь по сторонам.

Джейн вопросительно посмотрела на Солнце.

— Что значит «настоящая»? — улыбнулось Солнце. — Кто вообще может сказать, что настоящее, а что нет? Если мы думаем о чем-то, то для нас оно существует! Большого нам знать не дано. Поэтому если Майкл считает, что держал в руках настоящую Луну, значит так оно и есть!

— Но тогда, — задумчиво проговорила Джейн, — мы здесь находимся на самом деле или только думаем об этом?

Солнце грустно улыбнулось.

— Дитя, не ищи ответа на этот вопрос. С сотворения мира люди задают его себе. Даже я, Повелитель Небес, не знаю на него ответа. Я уверен только в одном — сегодня Выходной, Созвездия ярко сверкают — и это действительно так, если, конечно, ты в это веришь...

— Джейн! Майкл! Идите танцевать с нами! — закричали Близнецы.

Заиграла небесная музыка, и Джейн, забыв обо всем, вошла в круг. Но не протанцевав и нескольких тактов, она остановилась и уставилась в центр хоровода.

— Смотрите! Смотрите! Она танцует с Ним!

Майкл взглянул туда же и застыл на месте, широко раскрыв от удивления рот.

Мэри Поппинс танцевала с Солнцем! Но не так, как Майкл и Джейн с Близнецами — взявшись за руки, а на расстоянии, не касаясь друг друга. Они танцевали вальс и, несмотря на пространство, разделяющее их, не делали в движениях ни единой ошибки! Вокруг них кружились Созвездия и Планеты: Венера в паре с Пегасом, Лев, взявшись за руки с Тельцом, Три Маленьких Козленка, обнявшись за плечи. Свет, исходящий от всех, сливался воедино и слепил детей, которые стояли среди облака звездной пыли и в восхищении наблюдали это великолепное зрелище.

Внезапно танец прекратился, и музыка смолкла. Солнце и Мэри Поппинс остановились друг против друга. Созвездия тоже застыли на месте. Все притихло.

— Итак, — грустно сказала Солнце, — время истекло. Планеты, Звезды и Созвездия! Возвращайтесь снова на небо. А вам, дорогие гости, пора отправляться домой. Ведь вам надо спать... Доброй ночи, Мэри Поппинс! Я не прощаюсь, потому что скоро мы встретимся опять. До свидания!

Затем, нагнувшись, Солнце очень аккуратно, легко и нежно коснулось губами щеки Мэри Поппинс.

— Ах! — воскликнули Созвездия с завистью. — Поцелуй! Поцелуй!

После поцелуя рука Мэри Поппинс невольно взметнулась к щеке, словно он обжег ее. Grimаса боли пробежала по ее лицу. Но уже через мгновение Мэри Поппинс подняла голову и улыбнулась Солнцу.

— До свидания! — нежно сказала она.

— В путь! — крикнуло Солнце и щелкнуло хлыстом.

И, повинаясь приказу, Созвездия одно за другим стали покидать арену. Поллукс и Кастор подняли руки над головами Майкла и Джейн, чтобы Большая Медведица не задела их, чтобы Телец не поранил рогами, чтобы Лев случайно не оцарапал...

Звуки Большого Звездного Парада становились все тише и тише. Глаза Майкла и Джейн слипались, ребята то и дело клевали носом.

— Дайте их мне! — услышали они голос Венеры. — Я домашняя звезда. Я возвращаю ягнят в стойло, а детишек — их матерям.

Нежные, баюкающие руки подняли их и куда-то понесли, тихо качая взад и вперед, как качают прибрежные волны легкий рыбачий челнок.

Туда и обратно... Туда и обратно...

Вот что-то промелькнуло перед глазами... Может, это пролетел Дракон, спешащий вернуться на небо... а может это был просто ночник, который забыли погасить в Детской...

Туда и обратно... Туда и обратно...

Они ощущали мягкое, приятное тепло. Был ли это жар, исходящий от Солнца... или их грело одеяло?

— Наверное, это Солнце, — думала Джейн, засыпая.

— Скорее всего, это одеяло, — думал Майкл.

И лишь далекий голос, как сон, как легкое дуновение ветерка, тихо-тихо шептал:

— Как вы думаете, так оно и есть на самом деле... До свидания... До свидания...

Майкл проснулся с криком. Он вдруг вспомнил про свое пальто.

— Мое пальто! Я оставил его под Королевской Ложей!

Он открыл глаза и увидел утку, нарисованную на спинке кровати, часы, громко тикающие на каминной полке, рядом с ними — Королевское Фарфоровое Блюдо и банку из-под варенья, заполненную зелеными листьями. А на крючке, чуть поодаль, висело его пальто. А поверх него — шляпа.

— А где звезды? — удивился он и сел в постели. — Хочу, чтоб были звезды.

— В самом деле? — спросила Мэри Поппинс, входя в комнату. — Так мало? А я думала, ты попросишь достать тебе с неба Луну!

— Но я уже просил! — напомнил ей Майкл. — И я ее получил. Но я слишком сильно сжал ее — и она лопнула.

— Лопнула?

— Лопнула.

— Луна?

— Луна.

— Ну и ну! — фыркнула Мэри Поппинс и кинула ему полотенце.

— Что, уже утро? — спросила Джейн, открывая глаза и удивленно оглядываясь вокруг. — Но как мы вернулись домой? Я танцевала со звездными Близнецами — Кастором и Поллуксом...

— Ох уж эти звезды! — сердито сказала Мэри Поппинс, сбрасывая с нее одеяло. — Ну-ка, живо поднимайтесь!

— Кажется, вы довольно долго танцевали вчера? — поинтересовался Майкл, нехотя опуская ноги на пол.

— Танцевала? Гм! Много же у меня остается времени для танцев, если приходится смотреть сразу за пятерыми самыми невоспитанными, самыми непослушными детьми на всем белом свете!

Мэри Поппинс фыркнула.

— Но разве вы не танцевали вчера? — удивилась Джейн. Она отлично помнила, как Мэри Поппинс и Солнце танцевали вальс в центре Большого Звездного Хоровода!

Мэри Поппинс грозно поглядела на нее.

— Думаю, что для свободного вечера я нашла бы занятие поинтересней, чем без толку выписывать ногами кренделя! — ответила она с достоинством.

— Но я вас видела! — возмутилась Джейн. — Там, на небе! Вы выскочили из Королевской Ложи, а потом танцевали с Солнцем!

Затаив дыхание, Джейн и Майкл смотрели, как лицо Мэри Поппинс краснеет от гнева.

— Вам, — отрезала она, — ночью приснился какой-то милый кошмарик! Чтобы я, такая благовоспитанная особа, выскакивала...

— Но я тоже видел этот кошмарик! — перебил ее Майкл. — Это было замечательно! Мы с Джейн попали на небо, и там, в Цирке, видели вас!

— Что, видели, как я выскакивала?

— Э-э-э... да... и как танцевали!

— В Цирке?

Выражение лица Мэри Поппинс было просто ужасным. Майкл даже задрожал, когда она подошла к нему.

— Еще одно слово, — угрожающе проговорила она, — и ты будешь танцевать в углу!

Майкл поспешно отвел взгляд и начал развязывать тесемки на пижаме. Мэри Поппинс, сердито похрустывая крахмальным передником, пошла в другой конец комнаты будить Близнецов.

Джейн сидела в кровати и во все глаза смотрела на Мэри Поппинс.

Майкл медленно надел шлепанцы и вздохнул.

— Да, наверное, нам все приснилось, — грустно сказал он. — Как жалко!

— Нет. Это было на самом деле! — прошептала Джейн, не отрывая взгляда от Мэри Поппинс.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю! Смотри!

Джейн кивнула на колыбельку Барбары, над которой склонилась Мэри Поппинс.

— Взгляни на ее лицо! — шепнула Джейн Майклу на ухо.

Черные локоны, ярко-синие глаза (совсем как у голландской куклы), вздернутый нос, плавающие щеки — ничего необычного.

— Я не вижу... — начал было он и вдруг замолчал. Мэри Поппинс повернулась, и Майкл увидел то, о чем говорила Джейн. На щеке у Мэри Поппинс горело маленькое ярко-красное пятнышко. Рассмотрев его повнимательней, Майкл увидел, какими странными были очертания у пятна. Само оно было круглым, но от него во все стороны расходились маленькие лучики, что делало его похожим на небольшое солнышко.

— Видишь? — тихо спросила Джейн. — Это ее Солнце поцеловало.

Майкл, ничего не понимая, кивнул. Один раз... второй... третий...

— Да, — наконец выговорил он, продолжая во все глаза тарашиться на Мэри Поппинс. — Вижу...

Глава восьмая. Шарик шарик — рознь

— Мэри Поппинс! — сказала миссис Бэнкс, стремительно входя как-то утром в Детскую. — Вы не могли бы сделать кое-какие покупки?

Она робко улыбнулась, словно боялась, что ей откажут.

Мэри Поппинс, сушившая у огня одеяльца Аннабелы, обернулась.

— Может быть, — ответила она не слишком приветливо.

— Да, понимаю, — кивнула миссис Бэнкс еще неуверенней.

— А может и нет, — продолжила Мэри Поппинс, встряхивая шерстяную кофточку Аннабелы и вешая ее на каминную решетку.

— Хорошо. Если у вас все-таки найдется время, вот список покупок и деньги. Один Фунт Стерлингов. Если останется сдача, можете ее истратить по своему усмотрению.

Миссис Бэнкс положила деньги на комод.

Мэри Поппинс ничего не сказала. Только фыркнула.

— Да! — вспомнила миссис Бэнкс. — Сегодня Близнецам придется идти пешком. Утром Робертсон Эй уселся в коляску. Он по ошибке принял ее за кресло. Надо будет отдать ее в починку. Вы сможете обойтись без нее и нести Аннабелу на руках?

Мэри Поппинс открыла рот и тут же его захлопнула.

— Я, — заметила она резко, — могу все! И даже больше! Если захочу.

— Да-да, — поспешно согласилась миссис Бэнкс и попятилась к двери. — Вы Сокровище! Настоящее Сокровище! Замечательное, прекрасное, бесценное Сокровище... — бормотала миссис Бэнкс, уже спускаясь по лестнице.

— Но все же... все же... мне иногда хочется, чтобы она не была такой совершенной, — пожаловалась миссис Бэнкс портрету своей Бабушки, вытирая пыль в гостиной. — При ней я себя чувствую маленькой и глупой, словно я несмышленная девочка! А я уже взрослая! — миссис Бэнкс вздернула голову и смахнула пылинку с пятнистой фарфоровой коровы, стоящей на каминной полке.

— Я — мама пятерых детей! И вообще я — Важная Особа! Она все время об этом забывает!

Миссис Бэнкс продолжала вытирать пыль, думая о разных вещах, которые ей хотелось бы высказать Мэри Поппинс, прекрасно зная, что никогда не осмелится этого сделать.

Мэри Поппинс тем временем положила деньги и список в сумку, приколотла шпилькой шляпку и, подхватив на руки Аннабелу, выскочила из дома. За ней, ведя за руки Близнецов, едва поспевали Майкл и Джейн.

— Шире шаг! — обернувшись, строго скомандовала Мэри Поппинс.

Они пошли быстрее, таща бедных Близнецов за собой. Джон и Барбара шаркали ногами по тротуару, их руки, казалось, вот-вот выскочат из рукавов. Но Джейн с Майклом ничего не замечали. Они во что бы то ни стало старались поспеть за Мэри Поппинс. Их мысли были заняты только одним: что она купит на сдачу.

— Две упаковки свечей, четыре фунта риса, три постного сахара и шесть рафинада. Две

банки томата, один посудный ершик, пару хозяйственных перчаток, полпалочки сургуча, пакет муки, зажигалку, две коробки спичек, два кочна цветной капусты и пучок ревеня! — прочла Мэри Поппинс список, влетев в первый магазинчик за Парком.

Тучный и лысый бакалейщик, страдающий одышкой, начал очень медленно доставать с полок нужные товары.

— Так, один мешок хозяйственных перчаток... — вздыхал он, нервно грызя карандаш.

— Я сказала муки! — строго напомнила ему Мэри Поппинс.

Бакалейщик покраснел, как помидор.

— О, извините! Я не то хотел сказать, уверяю вас! Э-э-э, сегодня чудесный день, не правда ли? Да-да... я ошибся. Пакет перча... то есть муки!

Он торопливо записал распоряжение и прибавил:

— Так-так, две коробки посудных ершиков...

— Спичек! — фыркнула Мэри Поппинс.

У Бакалейщика затряслись руки.

— Да, конечно! Должно быть, это из-за карандаша. Он все время пишет не то! Надо купить новый! Конечно, спичек! И... что вы еще сказали?

Он поднял глаза и тут же их опустил, уставившись на огрызок карандаша.

Мэри Поппинс, развернув список, сердито прочла его еще раз.

— Извините, — сказал Бакалейщик, когда она замолчала. — Но ревеня нет. Может, возьмете черносливу?

— Конечно, нет! Пакет тапиоки!

— О, нет, Мэри Поппинс! Только не тапиоку! Мы ее ели на прошлой неделе! — напомнил Майкл.

Она взглянула на него, потом снова на Бакалейщика — и оба сразу поняли, что надежды нет никакой. Будет тапиока.

Бакалейщик, покраснев еще больше, пошел за тапиокой.

— Если так пойдет дальше, то сдачи совсем не останется! — прошептала Джейн, глядя на груды покупок, возвещающуюся на прилавке.

— Если и останется, то самое большее — на пакетик леденцов! — грустно заметил Майкл.

Мэри Поппинс достала из сумки деньги.

— Спасибо, — сказала она, беря у Бакалейщика сдачу.

— Это вам спасибо! — вежливо ответил он и облокотился на прилавок. Улыбнувшись, по его мнению, приятной улыбкой, Бакалейщик продолжил:

— Замечательная погода, как считаете?

В его голосе слышалась такая гордость, словно хорошая погода была его личной заслугой.

— Уж лучше бы шел дождь! — отрезала Мэри Поппинс, закрывая одновременно рот и сумку.

— Совершенно верно! — поспешно согласился Бакалейщик, изо всех сил стараясь угодить. — Дождь намного лучше!

— Ну уж нет! — фыркнула Мэри Поппинс, пристраивая Аннабелу поудобней у себя на руке.

Лицо Бакалейщика вытянулось. Все, что бы он ни сказал, было не то.

— Надеюсь, — заметил он, почтительно открывая дверь перед Мэри Поппинс, — вы скоро опять заглянете к нам.

— Всего хорошего! — ответила Мэри Поппинс и вылетела из магазина.

Бакалейщик вздохнул.

— Подождите-ка, — сказал он детям, торопливо роясь в коробке, стоящей у двери.

— Вот, возьмите. Я никого не хотел обидеть. Честное слово. Я хотел только услужить.

Бакалейщик протянул Майклу три, а Джейн две шоколадные конфеты.

— По одной на каждого. Две малышам, а одну... — он кивнул вслед Мэри Поппинс, —

ей!

Поблагодарив Бакалейщика, Джейн с Майклом поспешили за Мэри Поппинс, посасывая на ходу конфеты.

— Что это ты жуешь? — спросила Мэри Поппинс, подозрительно глядя на темную полосу вокруг губ Майкла.

— Шоколадные конфеты. Бакалейщик дал всем по одной. И вам тоже!

Майкл протянул ей конфету. Шоколад уже слегка подтаял и был липким.

— Какая наглость! — сказала Мэри Поппинс, но конфету взяла и тут же съела. Причем не без удовольствия.

— Много сдачи осталось? — обеспокоенно поинтересовался Майкл.

— Столько, сколько нужно.

Завернув в Аптеку, Мэри Поппинс вышла оттуда, держа в руках кусок мыла, тюбик зубной пасты и пачку горчичников. Джейн и Майкл, поджидая ее с Близнецами у двери, тяжело вздыхали. Они понимали, что Фунт Стерлингов тает на глазах.

— Так у нее даже на марку денег не останется! А если и останется, то это будет не очень-то интересно! — расстроилась Джейн.

— Теперь к мистеру Тайпу! — скомандовала Мэри Поппинс, держа аптечный сверток и сумку в одной руке, а другой тесно прижимая к себе Аннабелу.

— У него-то что нам надо? — в отчаянии воскликнул Майкл, так как кошелек Мэри Поппинс стал совсем тощим.

— Уголь, — отозвалась она и устремилась вперед. — Две тонны.

— Сколько?!

— По два фунта за тонну.

— Но Мэри Поппинс! — изумился Майкл. — Мы не сможем его купить!

— Его пришлют по счету.

У Джейн с Майклом отлегло от сердца. От радости они даже запрыгали на одной ножке — разумеется, когда Мэри Поппинс не видела.

— Ну, все? — спросил Майкл, когда угольный магазин мистера Тайпа остался позади.

— Кондитерская! — воскликнула Мэри Поппинс, сверившись со списком, и вошла в темную дверь.

Сквозь стекло витрины дети видели, как Мэри Поппинс показала на миндальное печенье и как продавец вручил ей большой сверток.

— Наверное, целую дюжину купила! — неодобрительно заметила Джейн. Обычно покупка миндального печенья приводила их в восторг. Но сегодня они всей душой желали, чтобы печеная вовсе не существовало на свете.

— А теперь куда? — спросил Майкл и даже подпрыгнул на месте: так ему хотелось узнать, много ли осталось сдачи от Фунта Стерлингов. Он предчувствовал, что ничего не осталось, и все же надеялся.

— Домой! — сказала Мэри Поппинс.

Лица ребят вытянулись. Так значит сдачи совсем не осталось — ни пенни! Мэри Поппинс со свертками и Аннабелой на руках спешила вперед. Ее лицо было таким строгим, что дети не осмеливались задавать никаких вопросов. Разочарованные и обманутые в лучших надеждах, они плелись за Мэри Поппинс. Они никогда, никогда ей этого не простят!

— Но это не дорога домой! — заныл Майкл, еле волоча ноги.

— С каких пор Парк нам не по пути? — сердито обернулась к нему Мэри Поппинс.

— Да... но...

— Кроме того через Парк можно пройти разными путями! — добавила она и свернула в ту часть Парка, где они раньше никогда не бывали.

Солнышко пригревало. Высокие деревья, склоняя ветви над оградой, ласково шелестели листвой. Где-то вверху два воробья дрались из-за соломинки. Белка прыгнула на каменную балюстраду и присела на задние лапки, прося орехов. Но сегодня все это Джейн и Майкла не интересовало. Они думали только об одном: Мэри Поппинс истратила все деньги

на совершенно бесполезные вещи и ничего не оставила на дело. Расстроенные и усталые, они плелись вслед за ней к Парковым воротам.

Неожиданно они наткнулись на высокую каменную арку, которой раньше никогда не видели. Арка была украшена барельефами Льва и Единорога⁴ Под ней сидела старая-престарая Старушка. Лицо ее было таким же серым, как камни ограды, и морщинистым, словно грецкий орех. На коленях у нее лежал поднос, заполненный чем-то очень похожим на разноцветные резиновые ленточки, а над ее головой, крепко привязанная к Парковой ограде, колыхалась на ветру огромная связка ярких воздушных шаров.

— Шарики! Шарики! — закричала Джейн и, вырвав руку из липких пальчиков Джона, побежала к Старушке. Майкл, бросив Барбару посреди дороги, рванулся вслед за ней.

— Ну, мои дорогие утятки! — сказала Старушка старческим хриплым голосом. — Какие нравятся больше? Выбирайте! Не торопитесь!

Она наклонилась и потрясла перед ними подносом.

— Мы только посмотреть, — объяснила Джейн. — У нас нет денег.

— Кхе-кхе-кхе... Что за удовольствие — смотреть на воздушные шары? Шарик нужно держать, шарик нужно чувствовать, с шариком нужно познакомиться! «Только посмотреть»! Что в этом хорошего?

Голос Старушки потрескивал, словно дрова в небольшом костерке, а сама старушка тихо покачивалась на стуле. Джейн с Майклом беспомощно смотрели по сторонам. Они понимали, что Старушка права, но что они могли поделать?

— Когда я была девочкой, — продолжала Старушка, — люди по-настоящему разбирались в воздушных шариках. Они не приходили только посмотреть! Они их брали! Да, брали! Ни один ребенок не выходил из этих ворот без воздушного шарика! Никто не обижал меня тем, что просто глазел на мои чудесные шарики!

Старушка подняла голову и с любовью посмотрела на связку шаров над оградой.

— Ах, мои голубчики! — воскликнула она. — Никто больше не разбирается в вас, кроме меня! Вышли вы из моды! Никому вы не нужны!

— Нам очень нужен шарик, — возразил Майкл. — Но у нас совсем нет денег. Она истратила весь Фунт Стерлингов на...

— Кто это «она»? — спросил голос у него за спиной.

Майкл обернулся и покраснел.

— Я хотел сказать... э-э-э... что вы... — начал он, запинаясь.

— Говори о старших почтительно! — заметила Мэри Поппинс и, протянув руку через плечо Майкла, положила на поднос полкроны. Майкл уставился на поблескивающую среди сдутых шаров монету.

— Значит, сдача все же осталась! — подумала Джейн. Ей было очень стыдно, что она так плохо думала о Мэри Поппинс.

Глаза Старушки заблестели. Она схватила монету и долго разглядывала ее со всех сторон.

---

4 В начале XVII в. на английский престол под именем Якова I взошел шотландский король Яков VI, в результате чего в стране был принят новый герб: шотландский Единорог и британским Лев поддерживают геральдический щит. В сборнике «Рифмы Матушки Гусыни» есть стихотворение, посвященное им:

Сражались за корону
Единорог и Лев.
Лев гнал Единорога,
Весьма рассвирепев.
Им люди хлеб бросали
И сливовый пирог,
Но к вечеру обоих
Прогнали за порог.

— Как сверкает! Как блестит! — воскликнула она. — Я не видела такой с тех пор, как была девочкой!

— Вам шарик, моя дорогая?

— Если вы будете так добры, — вежливо отозвалась Мэри Поппинс.

— Сколько же, моя хорошая, вам нужно?

— Четыре!

Джейн с Майклом, подпрыгнув на месте от радости, бросились обнимать Мэри Поппинс.

— Ой, Мэри Поппинс! Это правда? Каждому по шарик? Честно-пречестно?

— Кажется, я всегда говорю только правду! — сказала она строго, но вид у нее был очень довольный.

Ребята бросились к подносу и принялись ворошить разноцветные резиновые ленточки.

Старушка сунула серебряную монету в карман юбки.

— Вот так! — сказала она и любовно погладила карман. Потом дрожащими от радости руками стала помогать ребятам выбирать шары.

— Не спешите, утятки! — говорила она. — Помните — шарик шарик рознь! У каждого свой шарик! Выбирайте внимательно! Многие дети выбирают не те шарики, и вся их жизнь потом превращается Бог знает во что!

— Мне нравится вот этот! — сказал Майкл, показывая на желтый в красный горошек шарик.

— Хорошо. Давай я его надую, и мы посмотрим, правильно ли ты выбрал! — сказала Старушка.

Она взяла у Майкла шарик и одним махом надула его. У-у-х! Готово! Просто не верилось, что у такой худой и слабой на вид Старушки такое могучее дыхание. Желтый в красный горошек шар заплясал на длинной нитке.

— Но что это? — вскричал Майкл удивленно. — На нем написано мое имя!

И действительно, красные горошинки образовывали два слова — «Майкл» и «Бэнкс».

— То-то! — хмыкнула Старушка. — Что я тебе говорила? Ты не торопился — и выбрал правильно!

— Посмотрите мой тоже, — попросила Джейн и протянула Старушке небесно-голубой шарик.

Старушка глубоко вдохнула и надула его. На шарике тут же появились большие белые буквы «Джейн Кэролайн Бэнкс».

— Это твое имя, утеночек? — спросила Старушка.

Джейн кивнула и, взяв шарик за веревочку, отошла в сторонку. Старушка довольно рассмеялась.

— Мне! Мне! — вопили Джон и Барбара, протягивая руки к подносу.

Джон схватил розовый шарик, и когда Старушка его надула, на круглых боках все увидели надпись: «Джон и Барбара Бэнкс. Один на двоих, потому что они Двойняшки».

— Но, — удивилась Джейн. — Я ничего не понимаю! Как вы узнали наши имена? Ведь вы никогда раньше нас не видели!

— Ах, мой утеночек, разве я вам не говорила, что шарик шарик рознь? А эти шарики и вовсе особенные.

— Но ведь это вы написали на них наши имена? — спросил Майкл.

— Я?! — поперхнулась Старушка — Конечно, нет!

— А кто же тогда?

— Спроси что-нибудь полегче, утеночек! Я знаю только то, что имена на шарах есть. Причем имя каждого человека на свете. Надо только правильно выбрать.

— И имя Мэри Поппинс?

Старушка склонила голову набок и, странно улыбнувшись, посмотрела на Мэри Поппинс.

— Пусть попробует! — она опять покачалась на стуле. — Пусть выбирает! Только

внимательно! Очень внимательно!

Мэри Поппинс важно хмыкнула. Ее рука на мгновение задержалась над подносом, потом выбрала красный шар. Мэри Поппинс вытянула руку, и, к изумлению ребят, шар начал надуваться сам собой. Он становился все больше и больше, пока не сравнялся с шариком Майкла. Но это еще не все. Он раздувался и раздувался, пока не стал в три раза больше любого шара. И тогда на нем засверкали выведенные золотом слова: «Мэри Поппинс».

Красный шар подлетел к Старушке. Она привязала к нему нитку и, скрипуче рассмеявшись, вернула Мэри Поппинс.

Все четыре шарика взлетели в воздух и заплясали на ветру. Они дергали за ниточки, словно хотели освободиться и улететь прочь. Ветер кружил их и бросал то взад, то вперед, то на север, то на юг, то на восток, то на запад.

— Да, шарик шарiku рознь, мои утятки! У каждого свой, только надо найти его! — счастливо кричала Старушка.

В эту минуту в воротах Парка показался пожилой Джентльмен в цилиндре. Оглядевшись по сторонам, он увидел шары и даже подскочил на месте от радости. Потом подбежал к Старушке.

— Сколько стоит? — спросил он, позвякивая монетами в кармане.

— Семь с половиной. Выбирайте! Да повнимательнее! Повнимательнее!

Джентльмен выбрал коричневый шарик, и Старушка надула его. На шарике тут же появилась зеленая надпись: «Многоуважаемый Вильям Везерилл Вилкинс».

— Бог мой! — воскликнул пожилой Джентльмен. — Ведь это мое имя!

— Хорошо выбрал, мой утеночек! Шарик шарiku рознь! — сказала Старушка.

Пожилой Джентльмен не отрываясь смотрел на рвущийся у него из руки шар.

— Удивительно! — пробормотал он и громко высморкался. — Сорок лет назад, когда я был маленьким мальчиком, я хотел купить здесь шарик. Но мне не разрешили. Сказали, что не заслужил. Подумать только — сорок лет! И все это время шарик меня ждал! Поразительно!

Он пошел прочь, но по дороге врезался в арку, потому что ни на минуту не сводил глаз со своего шарика. И ребята вдруг с удивлением увидели, что он взлетел!

— Смотрите! Смотрите! — закричал Майкл, показывая на пожилого Джентльмена, который поднимался все выше, и выше. Но в это время его собственный шарик с силой потянул за нитку, и Майкл почувствовал, что отрывается от земли.

— Ой! Ой! Вот здорово! Мой тоже летит!

— Шарик шарiku рознь, мои утятки! — крикнула Старушка и скрипуче рассмеялась, потому что Близнецы, ухватившись за веревочку своего шара, тоже взмыли вверх.

— Я лечу! Лечу! — завизжала и Джейн, взлетая к облакам.

— Домой, пожалуйста, — спокойно сказала Мэри Поппинс. И в тот же миг красный шар устремился вверх, увлекая за собой Мэри Поппинс. Он подпрыгивал и плясал, но Мэри Поппинс крепко держалась за веревку, не забывая в то же время об Аннабеле и многочисленных свертках. Красный шар пронес ее над воротами и дорожками Парка. Шляпка ровно сидела на ней, а ноги ступали по воздуху так же уверенно, как по земле. Джейн, Майкл и Близнецы, подскакивая вместе со своими шарами, следовали за ней.

— Ой! Ой! Ой! — кричала Джейн, пролетая над веткой старого вяза. — Как замечательно!

— Мне кажется, что я сделан из воздуха! — восторженно вопил Майкл, натываясь на спинку скамейки и отскакивая от нее. — Это самая лучшая дорога домой!

— О-о-о-о! И-и-и-и! — радостно визжали Близнецы.

— Будьте добры, шире шаг! И не отставайте! — сердито сказала через плечо Мэри Поппинс. Будто они не летели на шариках, а спокойно шли по земле!

Они пролетели над домиком Смотрителя Парка, потом над Липовой Аллеей. Где-то впереди парил на своем шарике пожилой Джентльмен.

Майкл посмотрел назад.

— Ой, смотри, Джейн, смотри! У всех шары!

Джейн обернулась.

Вдалеке виднелась целая толпа людей, летящих, как и они, на шарах.

— И Мороженщик тоже купил себе! — закричала Джейн, перепрыгивая через какую-то статую.

— Да, и Трубочист! И даже... ты видишь? — Мисс Ларк!

Знакомая фигура — в шляпе и перчатках — плыла над газоном. «Люсинда Эмили Ларк» — было выведено на ее шарике. Она летела вдоль Липовой Аллеи, довольная и счастливая. Дети провожали ее взглядом, пока она не скрылась за фонтаном.

— Свистать всех наверх! Каюту для Адмирала! Какой порт назначения? Отдать концы! — оглушительно вопил Адмирал Бум, пролетая мимо вместе со своей женой. Они держались за веревочку большого белого шарика, на котором синими буквами были написаны их имена.

— Подобрать шкот! Лопни моя селезенка! С дороги, оглоеды! — ревел Адмирал Бум, осторожно огибая большой дуб.

Толпа шаров и людей становилась все гуще. В воздухе над Парком почти не осталось места, которое не было бы расцвечено шарами всевозможных оттенков.

Но Мэри Поппинс уверенно прокладывала себе дорогу, и Джейн с Майклом летели следом. За ними еле поспевали Близнецы.

— О, Господи! О, Господи! Мой шарик не взлетает! — произнес чей-то голос рядом с Джейн.

На дорожке стояла старомодно одетая леди. На голове у нее была шляпа с пером, а на плечах — меховое боа. На земле перед ней лежал лиловый шарик, на котором золотыми буквами было написано: «Премьер-Министр».

— Что мне теперь делать? — всхлипывала она. — Старушка у ворот говорила мне: «Выбирай внимательно, не спеши, мой утеночек!» Я все так и делала.

Но мне попался чужой шарик! Я не Премьер-Министр!

— Прошу прощения, но Премьер-Министр — это я! — сказал элегантно одетый мужчина с зонтиком под мышкой, подходя к ней.

Дама обернулась.

— О, тогда это ваш шарик! Давайте посмотрим, может, у вас мой.

Премьер-Министр протянул ей свой бессильно висящий шарик. На нем красовалось: «Леди Мюриел Брайтон-Джонс».

— Так и есть! Мы перепутали! — вскричала дама и, схватив свой шарик, отдала Премьер-Министру его шар. И тут же они взмыли вверх и полетели рядом, оживленно беседуя.

— Скажите, вы женаты? — спросила леди Мюриел.

— Нет. Никак не найду подходящую даму средних лет. Не слишком старую и не слишком молодую — с веселым характером. Сам-то я очень серьезен, — ответил Премьер-Министр.

— А я не подойду? — поинтересовалась леди Мюриел Брайтон-Джонс. — У меня очень веселый характер!

— Думаю, отлично подойдете! — радостно заявил Премьер-Министр и, рука об руку, они присоединились к веселой толпе.

К этому времени Парк уже был переполнен.

Джейн с Майклом летели над аллеей вслед за Мэри Поппинс и все время наталкивались на людей, которые тоже купили воздушные шары у Старушки.

Мимо пролетел высокий человек, одетый в каску и синий френч. На его шарике было написано «Полицейский инспектор». Другой шарик, с надписью «Лорд-мэр» тащил за собой толстенького, кругленького человечка. На нем была треуголка, длинная пурпурная мантия, а на шее висела тяжелая медная цепь.

— Будьте добры, проходите! Не толпитесь! Соблюдайте правила! Бросайте мусор только в урны!

Смотритель Парка на маленьком шарике вишневого цвета, вопя и подпрыгивая, проталкивался сквозь толпу. На шарике значилось «Ф. Смит». В очередной раз взмахнув руками, Смотритель наткнулся на двух собак. Одна из них была бульдогом (на шарике красовалась ее немного странная кличка — «Ку»), вторая была фокстерьером (ее звали «Альбертина»).

— Оставьте в покое моих собак! Или я пожалуюсь на вас начальству! — закричала Смотрителю пожилая леди, на шарике которой вместо имени почему-то было написано «Аромат майского луга».

Но Смотритель Парка не обращал внимания, продолжая во все горло вопить:

— Собак держать на поводке! Не толпитесь! Не курить! Соблюдать правила!

Скоро его голос стих вдали.

— Где же Мэри Поппинс? — спросил Майкл, подлетая к Джейн.

— Вон она! Впереди! — ответила Джейн, показывая на прямую, строгую фигуру, парящую на самом большом шаре во всем Парке.

Джейн с Майклом полетели следом.

— Шарик шарик рознь, мои утятки! — раздался сзади знакомый голос.

Обернувшись, дети увидели Старушку. Ее поднос был пуст... И тем не менее она летела, словно ее несла по меньшей мере сотня воздушных шаров.

— Все до одного продала! — кричала она, проносясь мимо. — Каждому нашелся шарик! Все выбирали, не спешили — и правильно делали! Ведь шарик шарик рознь!

В ее карманах звонко бренчали монеты. Джейн с Майклом еще некоторое время видели маленькую фигурку Старушки, быстро обгоняющую Премьер-министра, Лорд-мэра и остальных участников воздушной прогулки. Скоро она скрылась вдали.

— Шарик шарик рознь, дорогие утятки! — донесло эхо до ребят в последний раз.

— Будьте добры, прибавьте шагу! — сказала Мэри Поппинс.

Дети повиновались.

Маленькая Аннабела, проснувшись на мгновение из-за того, что шарик Мэри Поппинс тряхнуло на повороте, прижалась поплотнее к своей няне и снова закрыла глаза.

Ворота дома № 17 были открыты, входная дверь распахнута настежь. Мэри Поппинс, прямая и строгая, проследовала внутрь и взмыла над лестницей. Ребята, подпрыгивая и толкая друг друга, летели следом. Но не успели они достигнуть двери Детской, как с грохотом шлепнулись на пол. Все четверо. И только Мэри Поппинс спокойно опустилась вниз и бесшумно встала на ноги.

— Какой чудесный день был сегодня! — воскликнула Джейн, обнимая Мэри Поппинс.

— Ну, о тебе этого не скажешь! Причешься, пожалуйста! Ты похожа на огородное пугало! — строго заметила Мэри Поппинс.

— Я сам как воздушный шарик! — вскричал весело Майкл. — Легкий, как пух! Как фея!

— Мне жаль ту фею, на которую ты похож! По-моему, ты гораздо больше смахиваешь на трубочиста. Пойди и умойся!

Когда они вернулись, причесанные и умытые, все четыре воздушных шара отдыхали на потолке. Их веревочки были крепко привязаны к картине, висящей над каминной полкой. Майкл взглянул на них — на небесно-голубой шарик Джейн, розовый, принадлежащий Близнецам, красный, на котором было написано имя Мэри Поппинс, и на свой — желтый.

Шарики не шевелились. Даже ветер не тревожил их. Легкие и яркие, они мирно покоились на потолке.

— Интересно, — пробормотал Майкл.

— Что интересно? — спросила Мэри Поппинс, разбирая покупки.

— Интересно, случилось бы все это, если бы вас с нами не было?

Мэри Поппинс фыркнула.

— А мне интересно, когда ты перестанешь интересоваться тем, что тебя совершенно не касается! — ответила онд.

Этим Майклу и пришлось удовольствоваться...

Глава девятая. Нелли-Рубина

— Нет, он никогда не кончится! — сказала Джейн и, отложив в сторону «Робинзона Крузо», грустно посмотрела в окно. За окном шел снег. Он падал большими мягкими хлопьями, постепенно покрывая Парк, тротуары и дома на Вишневой улице пушистым теплым одеялом. Он шел уже целую неделю, и все это время детям не позволяли выходить из дома.

— А мне все равно, — отозвался Майкл. Он лежал на полу и отбирал зверей для игры в Ноев Ковчег. — Мы станем Эскимосами и будем есть китов!

— Глупый! Как мы их найдем, если не можем даже выйти, чтобы купить таблетки от кашля!

— А они придут сюда сами! — возразил он.

— Откуда ты знаешь?

— Ну, точно я не знаю. Но они могут... Джейн, где второй жираф? А, вот он, под тигром.

Он поместил жирафов в Ковчег.

— Всех тварей по паре в Ковчег соберу!

Слонов, носорогов, собак, кенгуру!

— пропел Майкл и, так как кенгуру не нашел, посадил в Ковчег антилопу. Потом поместил туда самого мистера Ноя с женой — управлять Ковчегом и отдавать приказания.

— Интересно, почему у них не было родственников? — спросил он.

— У кого? — сердито буркнула Джейн, потому что не любила, когда ей мешали.

— У Ноя и его жены. Никогда не видел, чтобы у них была дочь или сын. Хотя бы тетя с дядей. Интересно, почему?

— Потому что у них никого не было! — отрезала Джейн. — Замолчи, пожалуйста!

— Но я только спросил... Что, уже и спросить нельзя?

От постоянного сидения взаперти Майкл чувствовал себя усталым и раздраженным. Он поднялся на ноги и, подойдя к Джейн, сердито толкнул книгу, которую она читала.

— Что, уже и спросить нельзя?

Терпение Джейн лопнуло. Она отшвырнула «Робинзона Крузо» в противоположный конец комнаты.

— Долго ты еще будешь мне мешать? — рассердилась она, поворачиваясь к Майклу.

— А ты долго будешь не давать мне спрашивать?

— Я даю! Больно надо!

— Не даешь!

В следующий момент Джейн схватила Майкла за плечи и начала его трясти. Он, в свою очередь, вцепился Джейн в волосы.

— Что это такое?!

В дверях стояла Мэри Поппинс и сердито смотрела на них.

Джейн с Майклом отпустили друг друга.

— Она т-т-трясла меня! — ревел Майкл, виновато косясь на Мэри Поппинс.

— Он с-с-схватил меня за волосы! — всхлипывала Джейн, пряча лицо в ладони.

Мэри Поппинс вошла в Детскую. В руках у нее была целая гора одежды. Следом ввалились Близнецы, с любопытством поглядывая на Джейн и Майкла.

— Уж лучше бы я присматривала за детьми Людоедов! — фыркнула Мэри Поппинс. — Они больше похожи на людей!

— Но она т-т-трясла меня! — снова было начал Майкл.

— Мне надоело слушать эту сказку про Белого Бычка! — отрезала Мэри Поппинс. — И не смей мне перечить! — добавила она грозно, увидев, что Майкл хочет что-то возразить.

Она сунула ему в руки пальто.

— Возьми и одевайся! Мы идем на улицу!

— На улицу?!

Дети не верили собственным ушам. От одного этого слова вся их злость исчезла без следа.

Майкл надевал зимние ботинки и думал о том, что все-таки зря мешал Джейн читать книжку. Обернувшись, он увидел, что Джейн надевает вязаную шапку и, улыбаясь, смотрит на него.

— Ура! Ура! Ура! — завопили они, похлопывая варежками друг друга по спине.

— Вылитые людоеды! — фыркнула Мэри Поппинс, спускаясь по лестнице...

Снег перестал падать и лежал большими сугробами в саду, в Парке — повсюду. Словно белое пуховое одеяло. Голые ветки вишен покрылись тонкой корочкой льда, а Парковая ограда, которая раньше была зеленой и гладкой, стала белой и пушистой-препушистой.

На садовой дорожке работал Робертсон Эй. Он разгребал лопатой снег. Через каждые несколько дюймов он останавливался и подолгу отдыхал. На нем было старое пальто мистера Бэнкса. Робертсон буквально утопал в нем. Оно волочилося и наметало снег там, где Робертсон Эй его только что расчистил.

Ребята, размахивая руками, выбежали за ворота.

На улице было многолюдно. Казалось, все ее обитатели вдруг захотели подышать свежим воздухом.

— Эй, наверху! — загремел рядом знакомый голос. Адмирал Бум подошел ближе и поздоровался с ребятами за руку. На нем красовался длинный плащ с капюшоном, укутывающий его с головы до ног. Нос его был красным-прекрасным.

— Доброе утро, — вежливо поздоровались Джейн и Майкл.

— Лопни моя селезенка! Раки-креветки! — взревел Адмирал. — Ничего себе «добрый» денек! Мерзкий это денек, вот что я вам скажу! Отвратительный! Почему весна не приходит, скажите на милость?

— Эндрю! Варфоломей! Прижмитесь к мамочке!

Мисс Ларк, в длинной меховой шубе и шляпе, похожей на стеганный чехольчик, который обычно надевают на чайники, вышла на прогулку со своими собаками.

— Всем доброе утро! — торопливо сказала она. — Ну и погода! Куда это только солнце подевалось? Почему весна не приходит?

— И не говорите, мадам! — вскричал Адмирал Бум. — Мне эта погода тоже не по вкусу! То ли дело в море! Там погода всегда хорошая! Отправляйтесь в плавание, мадам!

— Но, Адмирал! Я не могу этого сделать! У меня совсем нет времени! Я иду покупать теплое пальто Эндрю и Варфоломею!

Собаки со стыдом и ужасом посмотрели друг на друга.

— Теплое пальто! — зарычал Адмирал. — Лопни моя селезенка! Теплое пальто этим дворнягам? Отдать концы! Полный вперед! Поднять якорь! Теплое пальто! Д-р-р-рхч! — оглушительно чихнул он.

— Адмирал! Адмирал! — рассердилась мисс Ларк, зажимая уши ладонями. — Что за выражения! Мои собаки не дворняги! У одной есть родословная! А у другой... У другой зато доброе сердце! Дворняги! Подумать только!

И она удалилась, продолжая громко возмущаться. Эндрю и Варфоломей, поджав хвосты, семенили следом.

Мимо, бешено звоня в колокольчик, пронесся на велосипеде Мороженщик. «Не останавливайте меня, иначе я простужусь!» — сообщал плакат, прикрепленный спереди.

— Неужели весна никогда не придет? — крикнул Мороженщик Трубочисту, который показался из-за угла. От холода он так густо обвешался щетками, что стал походить на дикобраза.

— Бум-бурум-бурум! Хоп-ля! — раздался голос Трубочиста из-за щеток.

— Это еще что такое? — удивился Мороженщик.

— Хоп-ля! — воскликнул Трубочист, сворачивая в калитку дома мисс Ларк.

У Ворот Парка стоял Смотритель. Он похлопывал руками и приплясывал на месте от холода.

— Вот бы весна пришла! Хоть на денек! — сказал он весело Мэри Поппинс.

— Я и так довольна! — ответила Мэри Поппинс и вздернула голову.

— Самодовольна! Вот как это называется! — проворчал Смотритель, прикрывшись ладонью — так, что только Джейн и Майкл слышали его слова.

Майкл шел сзади. Он приостановился, чтобы слепить снежок.

— Джейн, дорогуша! — позвал Майкл вкрадчивым голосом. — У меня для тебя кое-что есть!

Она обернулась — и снежок, просвистев в воздухе, ударил ее в плечо. С визгом Джейн бросилась к сугробу, и скоро снежки полетели во всех направлениях.

Мэри Поппинс, прямая и строгая, шла по дорожке и думала о том, как великолепно она выглядит в шерстяных перчатках и пушистой кроличьей шубке. Внезапно большой снежок стукнул ей прямо по носу.

— Ой! — вскрикнул Майкл, в ужасе закрывая глаза руками... — Я не хотел, Мэри Поппинс! Не хотел, правда! Я в Джейн метился.

Мэри Поппинс обернулась. Ее лицо — все в снегу — было просто ужасно!

— Мэри Поппинс! — умоляюще проговорил Майкл. — Простите меня! Это была случайность!

— Так это или нет, — заметила Мэри Поппинс, — но игра в снежки окончена! Случайность! Подумать только! Наверное, у диких зулусов манеры лучше, чем у вас!

Собрав с лица и шеи остатки снега, Мэри Поппинс скатала маленький шарик и, швырнув его в сторону, уверенно направилась вслед за ним.

— Ну и дел ты натворил! — прошептала Джейн.

— Но я не хотел! — отозвался Майкл, тоже шепотом.

— Ну и что! Ведь ты знаешь, какая она!

Мэри Поппинс дошла до того места, где упал снежок, и, подняв его, снова бросила вперед.

— Куда она идет? — спросил Майкл, потому что снежок улетел за деревья, а Мэри Поппинс вместо того, чтобы возвратиться на дорожку, продолжала следовать за ним. С веток то и дело сыпался снег, и ребятам приходилось нагибаться, чтобы он не попал им за шиворот.

— Я устал! — спотыкаясь, заныл Майкл.

Мэри Поппинс ускорила шаг. Ребята еле попевали за ней. Наконец они наткнулись на снежок. А возле него... возле него возвышалось самое странное сооружение из всех, какие Майкл и Джейн видели в жизни.

— Никогда не встречала такого дома! — изумилась Джейн.

— Это больше похоже на Ковчег, чем на Дом! — сказал Майкл, таращась на непонятную постройку.

«Дом» стоял на снегу, привязанный толстой веревкой к стволу дерева. Его корпус, подобно веранде, опоясывала узкая палуба, а остроконечная крыша была выкрашена в ярко-красный цвет. Но самое странное заключалось в том, что в «доме» не было дверей! Несколько узеньких окошек — вот и все, что детям удалось разглядеть.

— Где мы? — нетерпеливо спросила Джейн.

Мэри Поппинс не ответила. Она подошла к непонятному сооружению и остановилась перед табличкой с надписью: «Стучать три с половиной раза».

— Как это — постучать полраза? — шепотом спросил Майкл у Джейн.

— Т-с-с! — прошипела она, кивая на Мэри Поппинс. Взгляд Джейн лучше всяких слов говорил: «Мы на пороге Приключения! Не задавай вопросов, иначе ты все испортишь!»

Взявшись за дверной молоток, висевший рядом с табличкой, Мэри Поппинс стукнула три раза. Потом, слегка приподняв его, она слабо, едва слышно, стукнула еще раз. Получилось что-то вроде:

— Бух! Бух! Бух!.. Пим!

Крыша, словно только этого и дожидалась, заскрипела петлями и открылась.

— Вот это да! — не удержался Майкл, так как ветер, поднятый распахнувшейся крышей, чуть не сдул с него шапку.

Мэри Поппинс взобралась на палубу и, пройдя по ней, остановилась у маленькой, крутой лесенки. На верхней ступеньке она обернулась и важно поманила детей.

— Взбирайтесь!

Четверо ребят поспешили за ней.

Она подхватила Близнецов, которые, спотыкаясь, доковыляли наконец до верхней ступеньки.

— Хоп-ля! — воскликнула Мэри Поппинс и прыгнула внутрь дома. За ними последовали Джейн и Майкл.

Едва они оказались внутри, как крыша с тихим скрипом закрылась.

Дети осмотрелись, и все четыре пары глаз изумленно округлились.

— Какая забавная комната! — воскликнула Джейн.

И действительно — комната была более чем забавная. Прямо-таки Фантастическая! Из мебели здесь был только один большой длинный прилавок. Возле белоснежных стен были навалены груды резных изображений деревьев, выкрашенных зеленой краской. Маленькие веточки, покрытые листочками, тоже вырезанные из дерева и выкрашенные в зеленый цвет, лежали на полу. На стенах висели таблички:

«ОСТОРОЖНО, ОКРАШЕНО!»

или

«НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ!»

или

«НА ТРАВУ НЕ НАСТУПАТЬ!»

Но и это было еще не все.

В одном из углов стояло целое стадо деревянных барашков. Краска на них была еще совсем свежей. В другом углу возвышались горы цветов: желтоватые нарциссы, бело-зеленые подснежники и ярко-синие колокольчики. Все они были яркими и блестящими, словно их только что покрыли лаком. Так же выглядели птицы и бабочки, аккуратно сложенные в третьем углу. А на прилавке — дети просто не верили собственным глазам — покоились белые деревянные облака! В дальнем конце комнаты, на полке стояла огромная банка из зеленого стекла. Она доверху была заполнена сотнями, а может и тысячами каких-то непонятных маленьких предметов самых невероятных форм и расцветок.

— Да, Джейн, — присвистнул Майкл, — это очень забавная комната!

— Забавная!? — воскликнула Мэри Поппинс с таким видом, словно услышала что-то обидное.

— Ну... необычная.

— Необычная?!

Майкл растерялся. Он никак не мог подыскать подходящего слова.

— Я хотел сказать...

— Это замечательная комната, Мэри Поппинс! — спасла положение Джейн.

— Да-да! — подхватил Майкл. — И еще, Мэри Поппинс! Вам очень идет эта шляпка! — добавил он и покосился в ее сторону.

Так и есть. Лицо ее сразу сделалось мягче, уголки губ тронула едва заметная улыбка.

— Гм! — хмыкнула она и, повернувшись, крикнула в дальний конец комнаты:

— Нелли-Рубина! Где ты? Мы уже здесь!

— Иду! Иду! — отозвался тоненький, писклявый голосок. Казалось, он шел откуда-то из-под прилавка. Вскоре над прилавком показалась голова, увенчанная маленькой плоской шляпкой на макушке. За шляпкой последовало круглое, массивное тело. В одной руке Незнакомка держала банку красной краски, а в другой — выпиленный из дерева тюльпан.

Да, более странной особы ни Джейн, ни Майкл никогда в жизни не видели.

Судя по росту и выражению лица, Незнакомка была достаточно молодой. Но что-то в ее облике наводило на мысль, что сделана она не из плоти, как все нормальные люди, а из дерева. Ее жесткие блестящие волосы выглядели так, словно их вырезали вместе с головой из одного цельного бревна, а потом покрасили черной краской. Глаза походили на две маленькие просверленные дырочки, а румянец на щеках был явно нарисованным.

— Ну, мисс Поппинс, — сказала Странная Особа, и ее красные губы растянулись в улыбке. — То, что ты пришла — просто замечательно! Спасибо.

Положив банку с краской и тюльпан, она обошла прилавков и пожала руку Мэри Поппинс.

И тут ребята заметили... что у нее нет ног!

От пояса до самого низа все было совершенно гладко! Передвигалась же Незнакомка, раскачиваясь на легком круглом диске, служившем ей опорой.

— Не за что благодарить, Нелли-Рубина! — неожиданно вежливо ответила на приветствие Мэри Поппинс. — Для меня Большая Радость — придти сюда.

— Мы тебя ждали, — продолжила Нелли-Рубина. — Нам нужна помощь в...

Внезапно она замолкла. Причем не столько из-за предостерегающего взгляда Мэри Поппинс, сколько из-за того, что увидела ребят.

— О! — обрадовалась она. — Ты привела Майкла и Джейн! И Близнецов тоже! Какой сюрприз!

Она крепко пожала всем руки.

— Вы нас знаете? — изумленно спросил Майкл.

— О, Боже! Конечно! — ответила Нелли-Рубина. — Я часто слышала, как мои мама и папа говорили о вас. Очень рада познакомиться!

Она рассмеялась и еще раз пожала им руки.

— Думаю, Нелли-Рубина, — сказала Мэри Поппинс, — на них можно потратить одну унцию Разговоров.

— Конечно же! — улыбнулась Нелли-Рубина и покатила на своем диске вдоль прилавка. — Для тебя, Мэри, все что угодно! С превеликим удовольствием!

— Но разве могут разговоры измеряться унциями? — удивилась Джейн.

— Конечно! И фунтами тоже! Даже тоннами!

Нелли-Рубина подъехала к полке и потянулась за большой зеленой банкой. Но ее руки оказались слишком коротки.

— Так-так-так! Слишком короткие! Надо будет сделать подлиннее. Позову-ка я дядю, пусть он достанет. Дядя Доджер! Дядя Доджер!

Последние слова она крикнула в дверь, расположенную за прилавком, и в тот же миг из нее появился довольно странного вида человек. Он был таким же круглым, как Нелли-Рубина, только гораздо старше и с грустным выражением лица. На голове у него тоже была маленькая легкая шляпа. А застегнутая на все пуговицы куртка казалась вытесанной из дерева. Кроме того, когда его фартук зацепился за дверь, Джейн с Майклом увидели, что у дяди, как и у племянницы, нет ног. В руках он держал деревянную кукушку, наполовину выкрашенную в серый цвет. Брызгами такого же цвета были усеяны его фартук, руки, плечи и даже нос.

— Ты звала, моя дорогая? — спросил он сладким, заискивающим голоском.

И тут дядя увидел Мэри Поппинс.

— Мэри Поппинс! Наконец-то! Нелли-Рубина как раз хотела попросить тебя помочь нам с...

Его взгляд упал на детей, и он оборвал себя на полуслове.

— О, прошу прощения, я не знал, что ты с компанией. Я сейчас. Только пойду закончу эту птичку...

— Нет, дядя Доджер! — недовольно перебила Нелли-Рубина. — Я хочу достать с полки Разговоры. Не мог бы ты мне помочь?

Несмотря на веселое и жизнерадостное лицо Нелли-Рубины, дети уловили в ее тоне, когда она обращалась к дядюшке, властные нотки.

Дядюшка со всех ног (которых у него не было) бросился исполнять просьбу.

— Конечно! Конечно, моя дорогая!

Он поспешно снял банку с полки и поставил на прилавок.

— Передо мной, пожалуйста! — раздраженно бросила Нелли-Рубина.

Дядюшка Доджер суетливо переставил банку.

— Пардон, моя дорогая!

— Это и есть Разговоры? — спросила Джейн, указывая на банку. — Они больше похожи на конфеты.

— Так оно и есть. Это конфеты-разговорчики! — объяснил дядя, вытирая банку фартуком.

— А кто их ест? — поинтересовался Майкл.

Дядя Доджер, боязливо покосившись на Нелли-Рубину, перегнулся через прилавок.

— Кто-то ест, — прошептал он, прикрывшись ладонью. — Но только не я. Я всего лишь дядя. Зато она, — он уважительно кивнул на племянницу, — Старшая Дочь и Прямая Наследница!

Джейн с Майклом хотя не поняли ни слова из сказанного, вежливо кивнули.

— Ну, — весело вскричала Нелли-Рубина, открывая крышку банки, — кто будет выбирать первым?

Джейн запустила руку в банку и вынула плоскую конфетку в форме маленькой звездочки.

— Ой, на ней что-то написано! — воскликнула она.

Нелли-Рубина рассмеялась.

— Ну конечно! Это и есть Разговорчик! Прочти его.

— «Ты — моя Прелесть!» — громко прочла Джейн.

— Замечательно! — сказала Нелли-Рубина и подвинула банку Майклу. Он достал розовую конфетку в форме морской раковины. «Я тебя люблю. А ты меня?» — прочел он по слогам.

— Ха-ха! Очень хорошо! — Нелли-Рубина громко рассмеялась. — Конечно, люблю! — добавила она и быстро поцеловала Майкла в щеку, оставив на ней следы красной краски.

На желтенькой конфетке Джона было написано: «Ля-ля-ля, малявка!», а на конфетке Барбары: «Веселая, воздушная!»

— Так оно и есть, — сказала Нелли-Рубина, улыбаясь. — А теперь Мэри Поппинс!

Нелли-Рубина подвинула ей банку. Ребята заметили, что они как-то странно переглянулись. Заговорщически.

Сняв шерстяную перчатку и хитро прищурившись, Мэри Поппинс сунула руку в банку и поворошила конфеты. Потом ухватила одну — белую, в форме полумесяца, — и достав, прочитала:

— «Сегодня в десять часов».

— Правильно. Это время, когда мы собираемся...

— Дядя Доджер! — угрожающе воскликнула Нелли-Рубина.

Улыбка моментально исчезла с дядиного лица, и оно стало еще печальней, чем прежде.

— Пардон, моя дорогая, пардон! — пробормотал он. — Я старый человек и, боюсь, иногда болтаю лишнее. Прошу прощения.

Было похоже, что он чувствует себя виноватым, но Джейн с Майклом никак не могли понять, в чем именно.

— Ну, — сказала Мэри Поппинс, аккуратно кладя конфетку в сумочку, — Нелли-Рубина, нам пора.

— Правда? — Нелли-Рубина слегка покачалась на своем диске. — Какая жалость! Мне было так приятно вас повидать! Кроме того, — она кивнула в сторону окна, — на улице снова идет снег. Может, побудете еще немного?

— Я согласен, — заявил Майкл. — Я бы тогда узнал, для чего все это нужно, — он указал на раскрашенные деревянные листья, цветы, барашков и птиц.

— О, это всего-навсего украшения, — сказала Нелли-Рубина и небрежно махнула рукой.

— А. что вы с ними делаете?

Дядюшка Доджер услужливо перегнулся через прилавок.

— М-м-м, видите ли, мы их выносим наружу и...

— Дядя Доджер! — глаза Нелли-Рубины угрожающе сверкнули.

— О, Господи! Я снова болтаю лишнее! Ах, я бедный, старый человек... — запричитал дядюшка.

Нелли-Рубина смерила его сердитым взглядом. Потом повернулась к детям и улыбнулась.

— До свидания, — сказала она и пожала им руки. — Я запомнила ваши Разговорчики! «Ты — моя Прелесть», «Я тебя люблю», «Ля-Ля-ля» и «Воздушная»!

— Вы забыли о Разговоре Мэри Поппинс. «Сегодня в десять часов», — напомнил Майкл.

— О, она не забыла! — воскликнул дядюшка, счастливо улыбаясь.

— Дядя Доджер!

— О, пардон, пардон! Больше не буду.

— До свидания, — попрощалась Мэри Поппинс.

Она важно защелкнула свою сумочку и снова обменялась с Нелли-Рубиной таинственным взглядом.

— До свидания... до свидания...

Когда Джейн с Майклом вспоминали позднее о случившемся, то никак не могли понять, каким образом они очутились на улице. Только что были внутри, и вот уже спешат по снегу вслед за Мэри Поппинс, посасывая на ходу конфетки-разговорчики!

— Знаешь, Майкл, — проговорила Джейн. — Мне кажется, что в конфете было сообщение!

— В какой? В моей?

— Нет. В той, что выбрала Мэри Поппинс.

— Как это?

— Я думаю, что сегодня в десять часов что-то должно произойти! Поэтому я не буду спать — и все увижу!

— Ия тоже! — подхватил Майкл.

— Шире шаг, пожалуйста! — донесся до них сердитый голос Мэри Поппинс. — Я не собираюсь тратить целый день...

Джейн крепко спала. Ей снилось, что ее кто-то окликает тоненьким, требовательным голоском. Она открыла глаза и увидела Майкла, который стоял, одетый в пижаму, рядом с ее кроватью.

— Ты же сказала, что не будешь спать! — возмущенно прошептал он.

— Что? Где? Почему? А, это ты, Майкл. Ты, между прочим, тоже говорил, что не

заснешь...

— Прислушайся, — сказал он.

В соседней комнате кто-то ходил на цыпочках. У Джейн перехватило дыхание.

— Быстрее! Ложись в кровать! Притворись спящим! Ну, поворачивайся же!

Один прыжок — и Майкл оказался под одеялом. Затаив дыхание, дети слушали. Дверь, разделявшая Детскую Спальню и Детскую, тихо приоткрылась. Узкая полоска света упала на пол и стала медленно расширяться. Затем кто-то проскользнул в комнату и осторожно прикрыл за собой дверь.

Это была Мэри Поппинс, одетая в шубку и с ботинками в руках.

Дети лежали тихо, прислушиваясь к ее шагам на лестнице. Где-то внизу щелкнул замок, и на садовой дорожке заскрипел снег. Парадные ворота захлопнулись. И в этот самый момент часы пробили десять.

Джейн с Майклом выпрыгнули из кроватей и бросились в Детскую, окна которой выходили в Парк.

Ночь была темной и тихой. На небе слабо мерцали звезды. Но сегодня они не волновали ребят. Если конфетка Мэри Поппинс и впрямь была Сообщением, то их ожидало кое-что поинтересней.

— Смотри! — воскликнула Джейн, толкая Майкла.

В Парке, прямо за Воротами, стояло странное сооружение, похожее на Ковчег. Оно было крепко привязано веревкой к стволу высокого дерева.

— Но как он сюда попал? — удивился Майкл. — Ведь утром он был совсем в другом конце Парка!

Джейн не ответила. Она во все глаза смотрела, боясь что-нибудь пропустить.

Крыша Ковчега была открыта. На верхней ступеньке лестницы слегка покачивалась на своем диске Нелли-Рубина. Изнутри дядюшка Доджер передавал ей крашенные ветки. Связку за связкой.

— Мэри, ты готова? — спросил звонкий голосок Нелли-Рубины. Мэри Поппинс кивнула и стала помогать им.

Воздух был таким тихим и прозрачным, что Джейн с Майклом, пристроившись на подоконнике, слышали все, до самого последнего слова. Внезапно из ковчега донесся какой-то грохот. Словно что-то деревянное уронили на пол.

— Дядя Доджер! Осторожнее, пожалуйста! Они очень хрупкие! — строго сказала Нелли-Рубина.

— Пардон, моя дорогая! — виновато отозвался дядя, появляясь на лестнице с охапкой деревянных облаков в руках.

За облаками последовали барашки. За ними — бабочки и птицы. Самыми последними были цветы.

— По-моему, достаточно, — подытожил дядюшка и вылез из Ковчега. Под мышкой он держал деревянную кукушку, теперь уже полностью выкрашенную в серый цвет. Другой рукой он сжимал большую банку краски.

— Очень хорошо, — улыбнулась Нелли-Рубина. — Мэри, если ты готова, мы приступаем!

И тут началась работа, какой ни Джейн, ни Майкл еще в жизни не видели.

Из кучи крашенных деревяшек Нелли-Рубина и Мэри Поппинс взяли по большому пучку листьев и, взлетев в воздух, стали быстро приклеивать их к покрытым ледяной коркой ветвям деревьев. Казалось, что листья приклеиваются сами собой. Дядюшка Доджер, тоже взмыв вверх, ставил кисточкой маленькие зеленые точки на те места, где листья прикреплялись к веткам.

— Боже мой! Боже мой! — невольно вырвалось у Джейн, когда Нелли-Рубина, легко поднявшись к вершине высоченного тополя, рассыпала по его ветвям зеленые листочки.

Майкл был так изумлен, что не мог выговорить ни слова.

Скоро все деревья в Парке покрылись зелеными листочками.

Время от времени до Джейн и Майкла доносился писклявый голосок Нелли-Рубины:

— Дядюшка Доджер! Будь осторожней!

И дядин голос, отвечающий ей:

— Пардон, моя дорогая! Пардон!

Дошла очередь и до выкрашенных белой краской облаков. Взяв сколько смогли, Нелли-Рубина и Мэри Поппинс взмыли еще выше и стали расклеивать облака по небу.

— Они их приклеивают! Приклеивают! — восторженно завопил Майкл, танцуя у окна.

Скоро облака закончились.

— Хоп-ля! — весело крикнула Нелли-Рубина, опускаясь вниз. — А теперь — барашки!

Очень осторожно они разместили все стадо на покрытой снегом лужайке. В середине оказался самый большой барашек.

— Все, готово! — услышали Джейн и Майкл голос Мэри Поппинс, когда последний барашек занял свое место на лужайке.

— Не знаю, что бы мы делали без тебя, Мэри! — сказала Нелли-Рубина с благодарностью.

— Дядюшка Доджер, цветы, пожалуйста! — крикнула она затем, и ее голос зазвучал уже совсем по-иному.

— Иду, дорогая! — откликнулся дядюшка, торопливо подкатываясь к ней с полным фартуком нарциссов, подснежников и колокольчиков.

— Ой, смотри! Смотри! — вскричала Джейн, подпрыгивая от восторга.

Нелли-Рубина цветок за цветком втыкала в пустую заснеженную клумбу. Она передвигалась по кругу, и рука ее то и дело поднималась, чтобы взять очередной цветок из дядюшкиного фартука.

— Как аккуратно! — восхищенно проговорила Мэри Поппинс, и Джейн с Майклом поразились ее мягкому, дружелюбному тону.

— Правда? — рассмеялась Нелли-Рубина, отряхивая руки от снега. — Просто загляденье! Что-нибудь осталось, дядя Доджер?

— Птицы, моя дорогая, и бабочки! — ответил дядюшка и тряхнул фартуком.

Нелли-Рубина и Мэри Поппинс схватили по горсти изящных фигурок и помчались по Парку, рассаживая птиц на деревья, а бабочек подвешивая прямо в воздухе. Самым удивительным было то, что они не падали, а спокойно висели, сверкая чистыми, свежескрашенными крылышками.

— Ну, теперь, похоже, все! — вздохнула Нелли-Рубина, с удовлетворением оглядываясь по сторонам.

— Еще одно, моя дорогая! — возразил дядюшка Доджер.

Медленно, словно работа утомила его, дядюшка подкатил к рябине, росшей прямо у Парковых Ворот. Вынул из под мышки серую кукушку и посадил на покрытую раскрашенными листочками ветку.

— Вот так, дорогуша! Вот так, голубок! — сказал он, кивая птице.

— Дядя Доджер! Когда вы только исправитесь! Это не голубь! Это кукушка!

— Конечно, кукушка. Пардон, моя дорогая!

— А теперь, мисс Поппинс, боюсь, нам действительно пора! — сказала Нелли-Рубина и, подкатившись на своем диске к Мэри Поппинс, обняла ее деревянными руками и поцеловала.

— Еще увидимся! — крикнула она уже с лестницы, ведущей внутрь Ковчега. Помахав на прощание рукой, она с легким стуком спрыгнула вниз.

— Дядя Доджер! Поспешите! Не заставляйте меня ждать! — донесся до ребят ее голос.

— Иду, моя дорогая, иду! Пардон!

Дядюшка пожал руку Мэри Поппинс и взобрался на палубу. Деревянная кукушка смотрела ему вслед. Дядюшка Доджер обернулся и бросил на нее последний, исполненный грусти взгляд. Затем поднялся в воздух и скрылся в Ковчеге. Крыша со стуком захлопнулась

за ним.

— Отдать концы! — донеслась изнутри пронзительная команда Нелли-Рубины.

Мэри Поппинс шагнула вперед и отвязала веревку от дерева, которая тут же скрылась в одном из окон.

— Дорогу! Дорогу! Пожалуйста, дорогу! — кричала Нелли-Рубина.

Мэри Поппинс торопливо отступила.

Майкл от волнения сильно сжал руку Джейн.

— Поплыли! — не смог сдержаться он, когда Ковчег, оторвавшись от земли, полетел, петляя между деревьями. Затем он выровнялся, набрал высоту и завис над вершинами деревьев.

На мгновение в одном из окон Ковчеха появилась чья-то прощально машущая рука, но чья именно — дяди Доджера или Нелли-Рубины — дети так и не узнали.

Ковчег плавно устремился ввысь и скоро растаял среди звездного, неба.

Мэри Поппинс некоторое время стояла у Ворот Парка и махала рукой. Потом перешла через улицу и открыла Парадные Ворота дома № 17. Через минуту ключ щелкнул в замочной скважине входной двери, и на лестнице раздались уверенные шаги.

— В кровать, быстро! — скомандовала Джейн. — Она не должна нас видеть!

Оба кинулись в Детскую Спальню и в два прыжка очутились в кроватях. Они даже успели натянуть на головы одеяла.

Дверь тихо открылась, и Мэри Поппинс на цыпочках вошла в комнату.

Бум! — шубка повисла на крючке.

Шмяк! — шляпка легла на свое место в коробке.

Больше дети ничего не слышали. Раздевшись, Мэри Поппинс улеглась на раскладушку.

Одеяла приятно согревали их, и скоро Джейн с Майклом крепко спали...

Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

По улице плыло мелодичное птичье щебетанье.

Мистер Бэнкс брился в ванной.

— Ах, жирафы-многоножки! Весна пришла! — обрадовался он и, отбросив в сторону помазок, выбежал в сад. Одного взгляда было достаточно. Запрокинув голову и приложив ладони ко рту рупором, мистер Бэнкс закричал в окна Детской:

— Джейн! Майкл! Джон! Барбара! Идите сюда! Весна пришла!

Дети с грохотом спустились по ступеням и, выбежав наружу, увидели, что улица полна народу.

— Полный вперед! — ревел Адмирал Бум, размахивая шарфом. — Фок, бизань и бом-брамсели! Раки-креветки! Весна пришла!

— Как хорошо! — говорила мисс Ларк, выходя из ворот своего дома. — Наконец-то ясный день! А я уж было собиралась купить Эндрю и Варфоломею по две пары кожаных ботинок! Но теперь не буду — снег-то растаял!

От этих слов обе собаки пришли в восторг и в знак признательности стали лизать руки мисс Ларк.

Мороженщик медленно разъезжал туда-сюда по улице, высматривая покупателей. Сегодня на его плакате было написано:

Весна пришла!
Ля — ля-ля!
Эй, не зевай,
Смелей покупай!
Весна пришла!

Трубочист нес только одну щетку. Он шел вдоль по улице, такой важный и довольный, словно солнечный день был его личной заслугой.

Майкл и Джейн, открыв рты, глядели вокруг.

Все сверкало и переливалось на солнце. Ничто не напоминало о вчерашнем снеге. Ветви деревьев были усыпаны желто-зелеными почками и уже распутившимися первыми листочками. На цветочной клумбе зеленели, желтели, синели бутоны нарциссов, подснежников и колокольчиков.

Откуда-то пришедший Смотритель Парка нарвал себе маленький букетик и вставил в петлицу.

От цветка к цветку порхали пестрые бабочки, а в ветвях деревьев дрозды, синицы, ласточки и зяблики весело пели и вили гнезда.

Стадо барашков, громко бляя, прошло мимо.

А с ветки рябины, росшей у самых Парковых Ворот, отчетливо доносилось:

Ку-ку! Ку-ку!

Майкл повернулся к Джейн. Его глаза блестели.

— Так вот что они делали — Нелли-Рубина, дядя Доджер и Мэри Поппинс!

Джейн кивнула, в восхищении оглядываясь вокруг.

На ветке старой рябины, за желто-зеленой пестротой почек, можно было различить серую птицу.

Ку-ку! Ку-ку!

— Но я думал, что они деревянные! — удивился Майкл. — Интересно, они ночью ожили?

— Может быть, — ответила Джейн.

Ку-ку! Ку-ку!

Джейн схватила Майкла за руку. Он понял ее без слов. В следующий момент ребята со всех ног неслись через сад на улицу, а оттуда в Парк.

— Эй! Куда это вы? — крикнул им вдогонку мистер Бэнкс.

— Полный вперед! Подобрать грот! — взревел Адмирал Бум.

— Вы потеряетесь! — предупреждая воскликнула мисс Ларк.

Мороженщик зазвенел в колокольчик громче обычного, а Трубочист остановился посреди тротуара и, недоумевая, смотрел им вслед.

Но Джейн с Майклом не обращали внимания. Они бежали через Парк, петляя между деревьями, к тому месту, где впервые увидели Ковчег.

Дети задыхались. Вокруг было сумрачно и прохладно: снег в Парке еще не везде успел растаять.

Искали они долго.

— Куда же он делся? — пробормотал Майкл и снова — в который раз — осмотрелся по сторонам. — Джейн, может нам это все приснилось? — задумчиво спросил он.

Внезапно Джейн нагнулась и подняла что-то с земли.

— Нет, — тихо сказала она. — Я уверена, что не приснилось.

С этими словами она вытянула руку. На ее ладони лежала круглая розовая конфетка-разговорчик.

«До свидания! До следующего года!

Нелли-Рубина Ной ».

— Так вот кто она такая! — выдохнул Майкл. — Дядя Доджер упоминал, что она Старшая Дочь. А я тогда не понял.

— Она принесла весну! — мечтательно проговорила Джейн, глядя на конфетку.

— Буду очень обязана, — услышали они голос Мэри Поппинс, — если вы немедленно вернетесь домой и сядете завтракать!

Ребята потупились.

— Мы только... — начал было объяснять Майкл.

— И не думайте! — фыркнула Мэри Поппинс.

Заглянув через плечо Джейн, она взяла у нее конфетку.

— Кажется, это мне, — заметила она и, опустив конфету в карман крахмального передника, направилась через Парк к дому.

По дороге Майкл сорвал с дерева несколько почек и внимательно осмотрел их со всех сторон.

— Ну вот! Теперь они кажутся настоящими! — пробормотал он.

— Может, они такими и были раньше, — предположила Джейн.

А серая птица, сидящая на ветке рябины, все так же насмешливо кричала:

Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Глава десятая. Карусель

Было тихое утро.

Прохожие косились на ограду дома № 17 по Вишневой улице и удивленно восклицали:

— Это просто невероятно! Ни единого звука!

Даже Дом, который обычно ни на что не обращал внимания, почувствовал что-то неладное.

— Господи! — сказал он себе, вслушиваясь в тишину. — Надеюсь, ничего плохого не произошло?

На кухне миссис Брилл клевала носом над газетой. Очки сползли у нее на самый кончик носа.

В спальне миссис Бэнкс и Элен разбирали комод и пересчитывали белье.

В Детской Мэри Поппинс не спеша убирала со стола посуду, оставшуюся от завтрака.

Джейн, растянувшись на залитом солнцем полу, сонно пробормотала:

— Мне так хорошо сегодня! Так радостно!

— Гм! Ну, это легко поправимо, — заметила Мэри Поппинс и фыркнула.

Майкл достал последнюю шоколадную конфету из коробки, которую ему подарила неделю назад тетушка Флосси на день рождения (ему исполнялось шесть лет).

«Может, поделиться с Джейн? — размышлял он. — Или с Близнецами? Или с Мэри Поппинс? Ну уж нет! В конце концов это мой день рождения».

— Остатки сладки! — сказал он и быстро сунул конфету в рот.

— Эх, жаль, ничего больше не осталось! — громко добавил он, глядя на опустевшую коробку.

— Все хорошее кончается когда-нибудь, — назидательно заметила Мэри Поппинс.

Склонив голову набок, Майкл посмотрел на нее.

— Кроме вас! — храбро заявил он. — А вы очень хорошая!

Едва заметная довольная улыбка тронула уголки губ Мэри Поппинс. Впрочем, только на мгновение.

— Кто знает, — возразила Мэри Поппинс. — Ничто не длится вечно.

Джейн встревоженно оглянулась.

Если ничто не длится вечно, то значит Мэри Поппинс...

— Ничто? — проговорила она с трудом.

— Абсолютно! — фыркнула Мэри Поппинс.

И, словно угадав, о чем подумала Джейн, она подошла к каминной полке и взяла свой большой Термометр. Затем достала из-под кровати ковровый саквояж и положила Термометр в него.

Джейн вскочила.

— Мэри Поппинс! Почему вы это сделали?

Мэри Поппинс как-то странно посмотрела на нее.

— Потому что, — ответила она с достоинством, — меня учили всегда быть аккуратной!

С этими словами она снова сунула саквояж под кровать.

Джейн вздохнула. На сердце у нее было тяжело.

— Что-то мне не по себе, — шепнула она Майклу.

— По-моему, ты просто объелась пудинга, — предположил он.

— Нет, это совсем другое чувство... — начала Джейн, но замолчала, потому что внезапно раздался стук в дверь.

Тук! Тук!

— Войдите! — крикнула Мэри Поппинс.

В дверях появился сонный Робертсон Эй.

— Знаете, что? — сказал он, зевая.

— Нет, а что?

— В Парке — Карусель!

— Ну, для меня это не новость! — фыркнула Мэри Поппинс.

— Ярмарка? — восторженно завопил Майкл. — С летающими лодками, да?

— Нет, — Робертсон Эй важно покачал головой. — Только Карусель. Появилась этой ночью. Я думал, вам будет интересно узнать.

Он медленно вышел из комнаты и прикрыл за собой дверь. Джейн подпрыгнула от радости, забыв о своих предчувствиях.

— Ой, Мэри Поппинс! Можно мы пойдем?

— Скажите «да», Мэри Поппинс! Скажите «да»! — вопил Майкл, танцуя вокруг нее.

Мэри Поппинс, стараясь на уронить поднос с чашками, обернулась.

— Лично я иду, — ответила она строго. — У меня есть деньги на билет. А как вы — не знаю.

— У меня в копилке шесть пенсов! — важно сказала Джейн.

— Джейн, одолжи мне два пенса! — попросил Майкл, потому что как раз вчера истратил все свои сбережения на палочку лакрицы.

Дети повернулись к Мэри Поппинс, ожидая, какое решение она примет.

— Чтобы я в этой Детской не слышала никаких «одолжи»! — строго сказала она. — На один раз я возьму вам билеты. Но не более того!

Дверь за ней захлопнулась. Джейн с Майклом переглянулись.

— Что это с ней? — удивился Майкл. — Она никогда раньше за нас не платила!

— Мэри Поппинс, у вас все хорошо? — спросил он, когда она вернулась.

— Как никогда! — ответила Мэри Поппинс и вздернула голову. — Буду вам очень признательна, если вы начнете наконец собираться и перестанете глазеть на меня, точно на музейный экспонат!

Ее взгляд был, как всегда, строгим, и говорила она, по своему обыкновению, тоном, не терпящим возражений. Тревога ребят сразу рассеялась, и они, визжа, бросились надевать шапки.

И тут же тишина сменилась шумом хлопающих дверей, радостными воплями и топотом ребячьих ног.

— Слава богу! А я уж было начал волноваться! — сказал про себя Дом, с удовольствием слушая грохот, который производили, спускаясь по лестнице, Джейн, Майкл и Близнецы. Мэри Поппинс задержалась на мгновение, чтобы посмотреть в зеркало, висящее в прихожей.

— Пойдемте, Мэри Поппинс! Вы нормально выглядите! — нетерпеливо крикнул Майкл.

Она обернулась. В ее взгляде было и удивление, и возмущение, и гнев — все сразу. Нормально выглядит! Подумать только! «Нормально»! В синем жакете с серебряными пуговицами! С золотым медальоном на шее! С зонтом, у которого ручка в форме головы попугая!

Мэри Поппинс фыркнула.

— Это все, или еще что-нибудь скажешь? — сухо поинтересовалась она.

Но Майкл не слышал. Он был слишком возбужден.

— Пойдем, Джейн! — торопил он, приплясывая на месте от нетерпения. — Я больше не могу ждать! Пойдем!

И пока Мэри Поппинс усаживала в коляску Близнецов, Джейн с Майклом помчались вперед. Через минуту ворота за ними захлопнулись.

Издали до ребят доносилась музыка. В ней слышалось какое-то гудение и жужжание, словно там, за деревьями Парка, кружился огромный волчок.

— Добрый день! Ну, как мы поживаем? — услышали они высокий голос мисс Ларк. Она быстро шла по Аллее вместе со своими собаками. Джейн с Майклом не успели ничего ответить, потому что мисс Ларк тут же продолжила:

— Наверное, идете кататься на Карусели? Мы с Эндрю и Варфоломеем только что оттуда. Замечательное развлечение! Так чисто, так красиво! И персонал такой вежливый!

Собаки потащили ее вперед.

— До свидания! До свидания! — крикнула она и скрылась за углом.

— Навались на помпы! Так держать! — раздался знакомый голос.

Через мгновение из Ворот Парка выбежал Адмирал Бум, отплясывая на ходу матросскую джигу. Его лицо было краснее, чем обычно.

— Йо-хо-хо! И бутылка рому! Адмирал катался на Карусели! Подтянуть стаксель! Раки-креветки! Ей-богу, это не хуже дальнего плавания!

Он помахал ребятам рукой.

— Мы тоже отправляемся в плавание! — радостно крикнул Майкл.

— Как? И вы? — Адмирал, казалось, очень удивился.

— Да, конечно! — воскликнула Джейн.

— Но... но надеюсь, не до самого конца? — спросил Адмирал и как-то странно посмотрел на Мэри Поппинс.

— По одному разу прокатятся, сэр, и все! — чопорно объяснила Мэри Поппинс.

— Ясно. Ну, тогда прощай, — проговорил Адмирал Бум самым нежным голосом, на какой только был способен.

Потом к изумлению детей он вытянулся и, приложив руку к фуражке, отдал честь Мэри Поппинс.

— А-р-р-р-рхч! — чихнул он в носовой платок. — Ставь паруса! Поднимай якорь! И прощай, любимая, прощай!

Помахав им рукой, Адмирал двинулся дальше, шатаясь от обочины к обочине и распевая во все горло:

Все красивые девчонки
Любят только моряков!

— А почему он сказал «прощай» и назвал вас «любимой»? — поинтересовался Майкл, глядя вслед Адмиралу.

— Потому что считает меня Особой, Достойной Уважения! — фыркнула Мэри Поппинс, но глаза ее смотрели нежно и мечтательно.

Джейн снова почувствовала тревогу, и сердце ее забилось часто-часто.

— Что же может случиться? — беспокойно спрашивала себя Джейн. Она подняла руку и положила ее на руку Мэри Поппинс. От этого прикосновения Джейн стало легче.

— Какая я глупая! — тихо сказала она. — Все будет хорошо.

— Минуточку! Минуточку! — раздался сзади чей-то задыхающийся голос.

— Ой! — обернувшись, воскликнул Майкл. — Да ведь это мисс Тартлет!

— Да, — кивнула, отдуваясь, мисс Тартлет, — но только я не мисс, а миссис!

Покраснев, она повернулась к мистеру Навывороту. Он стоял рядом и растерянно улыбался.

— Сегодня случайно не второй понедельник месяца? — спросила Джейн.

Впрочем, она и сама прекрасно видела, что нет — иначе дядя Артур стоял бы на голове.
— О, нет! Слава Богу, нет! — поспешно отозвался он. — Мы... э-э-э... Мы только пришли пожелать... э-э-э... Добрый день, Мэри!

— Здравствуй, Артур.

Они пожали друг другу руки.

— Ты идешь кататься на Карусели? — спросил он.

— Да. Мы все идем!

— Все?! — брови мистера Навыворота взметнулись вверх. Он казался очень удивленным.

— Они прокатятся только один раз, — объяснила Мэри Поппинс, кивая на детей. — Сидите смиренно! — прикрикнула она на Близнецов, которые взволнованно запрыгали в коляске. — Вы не дрессированные мыши!

— Понятно. Значит потом они сойдут? Ну что же, Мэри, всего хорошего и — Bon Voyage! — дядя Артур церемонно приподнял шляпу.

— До свидания. Спасибо, что пришли, — сказала Мэри Поппинс, раскланиваясь с мистером и миссис Навыворот.

— А что такое Bon Voyage? — спросил Майкл, глядя вслед удаляющимся фигурам.

— Счастливого путешествия! Которого, между прочим, у тебя может не быть, если ты не пойдешь быстрее! — фыркнула Мэри Поппинс.

Ребята прибавили шагу. Музыка заиграла громче.

Мэри Поппинс почти бежала. Внезапно она остановилась. Перед ней на тротуаре были нарисованы великолепные картины.

— Ну а сейчас в чем дело? — сердито прошептал Майкл на ухо Джейн. — Так мы вообще никуда не попадем!

Художник, стоя на коленях возле своей последней картины, на которой были изображены яблоко, стручок гороха, слива и банан, делал цветными мелками завершающие штрихи.

Внизу красовалась надпись: «Выбирай, что пожелаешь!»

— Гхм! — кашлянула Мэри Поппинс так, как это делают лишь настоящие леди.

Художник поднялся с колен, и Джейн с Майклом узнали Спичечника, старого приятеля Мэри Поппинс.

— Мэри! Наконец-то! Я весь день тебя жду! — воскликнул он и, взяв Мэри Поппинс за руки, посмотрел ей в глаза.

Мэри Поппинс застенчиво улыбнулась.

— Берт, мы собрались на Карусель, — покраснев, сказала она. Он кивнул.

— Я знал, что это случится. А они тоже едут с тобой? — Спичечник покосился на ребят.

— Только покататься, — быстро ответила Мэри Поппинс.

— Понятно.

Майкл уставился на Мэри Поппинс. Что же еще можно делать на Карусели, как не кататься?

— Какие замечательные картины ты нарисовал! — восхищенно сказала Мэри Поппинс, глядя на последний рисунок Спичечника.

— Ну, Мэри! Ты же все можешь! — воскликнул Спичечник.

В то, что произошло затем, невозможно было поверить. Мэри Поппинс нагнулась, сорвала нарисованную на тротуаре сливу и откусила от нее кусочек.

— Если хочешь, можешь тоже взять, — сказал Спичечник, поворачиваясь к Джейн.

Джейн уставилась на него.

— Да, но как? — с трудом выговорила она. — Ведь это невозможно!

— А ты попробуй!

Джейн наклонилась и протянула руку. И тут же яблоко скользнуло ей на ладонь. Джейн откусила от румяного бочка. Яблоко было душистым и сладким.

— Но как вы это делаете? — удивился Майкл.

— Это не я, — покачал головой Спичечник. — Это она! — он кивнул на Мэри Поппинс, стоящую возле коляски. — Это происходит только тогда, когда она рядом! Уверю вас!

Нагнувшись, он сорвал гороховый стручок и протянул его Майклу.

— А как же вы? — спросил Майкл, которому хотелось и съесть горох и быть вежливым.

— Ничего, — успокоил его Спичечник. — Я себе сколько угодно нарисую!

С этими словами он сорвал банан, очистил его и, разломив напополам, дал Близнецам.

Где-то вдали снова послышалась музыка.

— Берт, нам действительно пора, — поспешно сказала Мэри Поппинс, бросая косточку от сливы в траву.

— Правда? — грустно вздохнул Спичечник. — Ну что ж, прощай, дорогая! Удачи тебе!

— Но ведь вы его еще увидите! Разве нет? — спросил Майкл, входя вслед за Мэри Поппинс в Ворота Парка.

— Может да, а может нет! — отрезала она. — От тебя это не зависит.

Джейн обернулась. Спичечник, стоя около коробки с мелками, во все глаза смотрел на Мэри Поппинс.

— Какой сегодня необычный день! — заметила, нахмурившись, Джейн.

Мэри Поппинс покосилась на нее.

— Что еще не так, скажи на милость!

— Ну, все говорят «до свидания» и как-то странно смотрят на вас!

— Мало ли кто что говорит! — фыркнула Мэри Поппинс. — А что до взглядов... Ведь, кажется, и Кошке позволено смотреть на Короля?

Джейн замолчала. Она знала, что расспрашивать Мэри Поппинс бесполезно. Она все равно ничего не скажет.

Джейн вздохнула. И потому, что сама хорошенько не знала, отчего вздыхает, она бросилась вперед, обогнав Майкла и Мэри Поппинс, — туда, где гремела музыка.

— Подожди меня! Подожди меня! — закричал Майкл, кидаясь вслед за ней.

Сзади с дребезжанием и грохотом Мэри Поппинс катила коляску.

Дети выбежали на большую лужайку и очутились перед Каруселью. Она вся блестела и переливалась разноцветными огнями. Лошадки резво гарцевали на медных шестах — вверх-вниз, вверх-вниз. На остроконечной крыше развевался полосатый флаг, и вся Карусель была украшена золотыми завитушками, серебряными листочками, разноцветными птицами и звездами.

Да, мисс Ларк оказалась права! Это действительно было чудесно!

Когда они подошли, Карусель замедлила ход и остановилась. Смотритель Парка, взявшийся неизвестно откуда, суетливо подбежал и важно объявил:

— Заходите! Заходите! Всего три пенса — и вы отправитесь в путь!

— Я знаю, какую лошадку выберу! — крикнул Майкл, подсакивая к лошадке, раскрашенной в синий и красный цвет. На уздечке было написано ее имя — «Резвые Ножки». Майкл взобрался в седло и ухватился за поручень.

— Не сорить! Соблюдать правила! — строго крикнул Смотритель, когда Джейн пробежала мимо.

— А мою зовут Огонек! — прочла Джейн на красной уздечке своей беленькой лошадки.

После этого Мэри Поппинс вытащила Близнецов из коляски и посадила Барбару впереди Майкла, а Джона — позади Джейн.

— Какие вам билеты? По одному пенни, по два, по три, по четыре или по пять? — спросил Карусельщик, подходя к ним.

— По шесть! — ответила Мэри Поппинс, вручая ему деньги.

Ребята обомлели. Они еще никогда не катались на Карусели на шесть пенсов!

— Не сорить! — снова прокричал Смотритель Парка, косясь на билеты в руке Мэри Поппинс.

— А вы разве не поедете? — спросил у нее Майкл.

— Будьте добры, держитесь крепче! — фыркнула Мэри Поппинс. — Я поеду после вас! Раздался гудок, музыка вновь заиграла, и лошадки медленно двинулись по кругу.

— Держитесь, пожалуйста! — строго напомнила Мэри Поппинс.

Они держались.

Деревья вокруг замелькали, медные стойки заходили вверх-вниз. Заходящее солнце ослепляюще заиграло на карусельных украшениях.

— Сидите ровно! — вновь долетел до ребят голос Мэри Поппинс.

Они выпрямили спины.

Деревья бежали все быстрее и быстрее — Карусель набирала скорость. Майкл крепче прижал к себе Барбару. Джейн, закинув руку назад, придерживала Джона.

Они летели вперед, ветер бил в лицо, развевал волосы. Лошадки делали круг за кругом, а мимо, подпрыгивая и раскачиваясь, проносился Парк — с деревьями, дорожками, аллеями, травой, кустами...

Детям казалось, что кружение никогда не кончится, что время остановилось и в целом свете нет ничего, кроме светящегося круга и разноцветных лошадок.

Солнце село, опустились сумерки. А они все неслись и неслись... Быстрее и быстрее — они уже перестали различать, где земля, а где небо. Весь мир превратился в огромный волчок, с жужжанием вертящийся вокруг них.

Джейн с Майклом чувствовали, что такое больше никогда не повторится.

— Никогда не повторится! Никогда! — стучали их сердца, а они мчались и мчались сквозь блистающие сумерки...

Но вот бег Карусели замедлился. Снова стали видны стволы деревьев, земля отделилась от неба, Парк перестал вращаться. Медленнее и медленнее бежали кони... Наконец Карусель остановилась.

— Проходите! Проходите! Три пенса билет! — донесся издали, голос Смотрителя Парка.

Одеревенев от долгого катания, ребята с трудом слезли с лошадок. Но глаза их светились счастьем, а голоса дрожали от волнения.

— Замечательно! Замечательно! Замечательно! — повторяла Джейн, глядя, как Мэри Поппинс укладывает Джона в коляску.

— Вот бы всю жизнь так кататься! — воскликнул Майкл, усаживая Барбару рядом с Джоном.

Мэри Поппинс взглянула на них. Ее глаза были удивительно добрыми и ласковыми.

— Все хорошее когда-нибудь кончается, — сказала она второй раз за этот день.

Потом вздернула голову и повернулась к Карусели.

— Теперь моя очередь! — весело воскликнула она и взяла что-то из коляски. Потом выпрямилась и посмотрела на ребят долгим, странным взглядом. Казалось, она видит их насквозь, знает все их самые сокровенные мысли.

— Майкл, — сказала она и слегка коснулась его щеки. — Будь хорошим мальчиком.

Он недоуменно посмотрел на нее. Почему она говорит это? Что случилось?

— Джейн! Присматривай за Майклом и Близнецами.

Мэри Поппинс взяла руку Джейн и нежно опустила на ручку коляски.

— Занимайте места! Занимайте места! — кричал Карусельщик.

Огни Карусели ярко вспыхнули.

Мэри Поппинс повернулась.

— Иду! — отозвалась она и, помахав зонтиком, шагнула в полосу мрака, отделявшую ребят от Карусели.

— Мэри Поппинс! — закричала Джейн дрожащим голосом. Она не знала почему, но ей вдруг стало страшно.

— Мэри Поппинс! — завопил Майкл, которому передан страх Джейн.

Но Мэри Поппинс не слышала. Поднявшись по лесенке, она села на серую в яблоках

лошадку по имени Карамель.

— В один конец или туда и обратно? — спросил Карусельщик.

Мгновение Мэри Поппинс размышляла. Она взглянула на ребят, потом снова на Карусельщика.

— Сложно сказать заранее, — проговорила она. — Давайте туда и обратно. Там видно будет.

Карусельщик пробил в зеленом билете дырочку и отдал его Мэри Поппинс.

Джейн с Майклом увидели, что он не взял с нее денег.

Музыка заиграла вновь — сначала тихо, потом громче, громче — пока не загремела во всю мощь. Раскрашенные лошадки побежали по кругу. Мэри Поппинс сидела прямо и смотрела вперед. Под мышкой у нее торчал зонтик с ручкой в форме головы попугая. Руки в перчатках крепко сжимали медный поручень. А перед ней на холке лошадки...

— Майкл! — закричала Джейн, хватая его за руку. — Это же ковровая сумка! Она спрятала ее в коляске под пледом!

Майкл побледнел.

— Ты думаешь... — прошептал он.

Джейн кивнула.

— Но медальон-то на ней! Цепочка не порвалась! Я хорошо видел!

Сзади раздались всхлипывания Близнецов. Но Джейн с Майклом не слышали. С замиранием сердца смотрели они на бегущих лошадок.

Скоро Карусель завертелась полным ходом, и лошадки слились в сплошную сверкающую полосу.

Лишь изредка появлялась и тут же пропадала темная прямая фигура, сидящая на одной из лошадок.

Музыка загремела еще громче, еще стремительнее понеслась Карусель. На мгновение темная фигура на серой в яблоках лошадке снова появилась перед ними. И тут что-то блестящее сорвалось у нее с шеи и, описав широкую дугу, упало к ногам ребят. Джейн нагнулась и подняла. Это был медальон на разорванной золотой цепочке.

— Значит, это правда, Джейн! Значит, правда! — заплакал Майкл. — Открой его...

Дрожащими пальцами Джейн нажала на кнопку, и медальон открылся. Мерцающие огни Карусели заиграли на стекле, и Джейн с Майклом увидели себя и Близнецов, прильнувших к знакомой фигуре. Прямые черные волосы, пронзительные синие глаза, румяные щеки, вздернутый, ну совсем, как у голландской куклы, нос...

«Джейн, Майкл, Джон, Барбара и Аннабела Бэнкс и Мэри Поппинс»,

— прочла Джейн надпись под портретом.

— Так вот что там было! — жалобно сказал Майкл.

Джейн закрыла медальон и положила его в карман. Теперь надежды не было никакой.

Она повернулась к ослепительно сверкающей Карусели.

Кони летели с невообразимой скоростью, музыка оглушительно гремела...

А потом произошло нечто странное. Оркестровые трубы буквально взорвались — и Карусель оторвалась от земли.

Она поднималась все выше и выше, а разноцветные кони бешено неслись по кругу. Карусель взмыла над деревьями и окрасила их листья в золотистый цвет.

— Она улетает! — проговорил Майкл.

— Мэри Поппинс! Мэри Поппинс! Вернитесь! — закричали они, протягивая к ней руки.

Но Мэри Поппинс смотрела вперед и ничего не слышала. А может, просто делала вид,

что не слышит.

— Мэри Поппинс! — в последний раз крикнули ребята.

Никакого ответа.

Карусель поднялась над вершинами деревьев и устремилась к звездам. Все меньше и меньше становилась она, пока фигура Мэри Поппинс не превратилась в маленькую темную точку в круге яркого света.

Вскоре Карусель уменьшилась до размеров сверкающего пятнышка, мало чем отличающегося от обычных звезд.

Майкл шмыгнув носом и полез в карман за носовым платком.

— Что-то шея заболела, — сказал он, стараясь подавить всхлип. А когда Джейн отвернулась, поспешно вытер глаза.

Джейн в последний раз посмотрела на маленькую мерцающую звездочку и вздохнула. Потом отвернулась.

— Пора домой, — строго сказала она, вспомнив, что Мэри Поппинс поручила ей присматривать за Майклом и Близнецами.

— Проходите! Проходите! Три пенса за билет!

Смотритель Парка, который все это время собирал мусор в корзины, наконец вернулся. Он взглянул на то место, где была Карусель, и вытаращил глаза. Потом осмотрелся по сторонам и раскрыл рот.

— Эй, там! — закричал он. — Этого нельзя! Только что были здесь — а через минуту уже след простыл! Я найду на вас управу! — он погрозил кулаком звездному небу. — Никогда не видел ничего подобного! Даже когда был маленьким мальчиком! Я обязан написать рапорт! Доложить Лорд-Мэру!

Ребята медленно пошли к выходу.

От Карусели не осталось и следа. На лужайке стоял лишь не знающий, что ему делать, Смотритель Парка.

— Она взяла «туда и обратно», — сказал Майкл, медленно идя рядом с коляской. — Как считаешь, она вернется?

Джейн немного подумала.

— Может быть. Но только если мы этого очень-очень захотим, — тихо проговорила она.

— Да, может быть... — повторила она и не произнесла больше ни слова, пока они не вошли в Детскую...

— Ну и ну!

Мистер Бэнкс пронесся по садовой дорожке и влетел в дом через парадную дверь.

— Эй! Куда все подевались? — кричал он, бегая вверх-вниз по ступенькам.

— Что случилось? — спросила миссис Бэнкс, выглядывая из спальни.

— Случилась удивительная, небывалая вещь! — сообщил он, распахивая дверь в Детскую. — Появилась новая звезда! Я услышал об этом по дороге домой! Очень большая! Я одолжил у Адмирала Бума подзорную трубу, чтобы посмотреть на нее!

Он подскочил к окну и направил трубу в небо.

— Точно! Так и есть! — воскликнул мистер Бэнкс, подпрыгивая от восторга. — Вон она! Прекрасная! Замечательная! Чудесная! Бесподобная! Посмотрите сами.

Он вручил подзорную трубу жене и закричал:

— Дети! На небе появилась новая звезда!

— Я знаю... — начал Майкл. — Только это не настоящая звезда. Это...

— Знаешь? Как не настоящая? Что ты хочешь этим сказать?

— Не обращай внимания. Майкл сболтнул глупость, — вмешалась миссис Бэнкс. — Ну-ка, где эта звезда? О, вижу! Очень красивая. И самая яркая на всем небе! Интересно, откуда она взялась? Дети, смотрите!

Она дала посмотреть в трубу Майклу, а потом Джейн. И они увидели разноцветных

коней, сверкающие медные поручни и темное пятнышко, которое то появлялось, то вновь куда-то исчезало. Они обменялись взглядами и понимающе кивнули друг другу. Они знали, что темное пятнышко — это прямая и строгая фигура их няни: в синем пальто с серебряными пуговицами, с соломенной шляпкой на голове и зонтиком под мышкой. С неба спустилась и на небо ушла...

Джейн с Майклом молчали. Они знали, что не следует никому об этом говорить.

В дверь постучали.

— Прошу прощения, мэм, — произнесла миссис Брилл, входя в Детскую. Она тяжело дышала, и ее лицо было красным. — Думаю, вы должны знать об этом. Дело в том, что Мэри Поппинс снова ушла!

— Ушла! — воскликнула миссис Бэнкс, не веря собственным ушам.

— Да! Раз-два — и готово! Даже не попрощалась! — не без злорадства заметила миссис Брилл. — Точь-в-точь как в прошлый раз! Ни кровати, ни саквояжа... Даже альбома с открытками на память не оставила! Вот так-то!

— О, боже! — простонала миссис Бэнкс. — Как это некстати! Как невежливо! Это... это просто... Джордж!

Миссис Бэнкс повернулась к мужу.

— Джордж! Мэри Поппинс снова ушла!

— Что? Кто ушел? Мэри Поппинс? Выбрось это из головы! У нас новая звезда!

— Новая звезда не будет умывать и кормить детей! — сердито сказала миссис Бэнкс.

— Зато она будет по вечерам заглядывать к ним в окно! — счастливо вскричал мистер Бэнкс. — А это гораздо важнее умывания и одевания!

Он снова схватил подзорную трубу.

— Правда будешь заглядывать? — спросил он, наводя трубу на звезду. — Ведь ты Замечательная, Чудесная, Бесподобная!

Джейн и Майкл долго стояли у окна и смотрели в вечернее небо, где кружилась новая звезда, хранящая им одним известную тайну...